

СМЕНА

Издается с 1924 г.

9' 2007

**Ирина
ЛАЧИНА:**

Случайностей
не бывает

**Евгений
ЕВТУШЕНКО**

**Вера
ГЛАГОЛЕВА**

Семь чудес
РОССИИ

Открой новое чудо России!

Дорогие читатели!

**Проект
«Семь чудес России»,**
стартовавший в прошлом
номере, набирает обороты.

Красноярские столбы, остров Петрова, озеро Баскунчак и мыс Столбчатый на острове Кунашир — очередные номинанты на звание «Чудо природы». Читайте о них на страницах этого выпуска, удивляйтесь, восхищайтесь, не забывайте голосовать в поддержку наиболее впечатлившего вас нерукотворного чуда на сайте www.smena-id.ru и присылать свои работы в редакцию по адресу: **127994, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 19, стр. 2** (с пометкой «В редакцию журнала «Смена», проект «Семь чудес России»).

На конверте не забудьте указать Ф. И. О., почтовый адрес с индексом.

По электронной почте: jurnal@smena-id.ru

Лучшие станут победителями и получат денежный приз в размере 20 тысяч рублей и годовую подписку на журнал «Смена». Все авторы присланных, но не ставших победителями работ, также получают в подарок годовую подписку на журнал «Смена».

Напоминаем условия конкурса

В проекте представлена 1 номинация — «Чудо природы».

Чудо природы — это уникальный край, заповедная территория или явление природы. Оно — духовный оплот России, жемчужина вдохновения. Не исключено, что жемчужина забытая и ей грозит исчезновение.

Чтобы принять участие в проекте, необходимо прислать в редакцию журнала «Смена» до 10 ноября 2007 года информативные, емкие и интересные сведения об уникальном крае, заповедной территории или явлении природы, которое, по вашему мнению, заслуживает звания «Чуда России», сопроводив фотографиями чудесное явление и собственной фотографией.

ПРИМИ УЧАСТИЕ
www.smena-id.ru

Критерии отбора работ

Уникальный край, заповедная территория или явление природы, претендент на звание «Чудо природы» — должен располагаться на территории России.

Объем материала, посвященного одному заявленному вами «Чуду природы», должен составлять 1600 машинописных знаков с пробелами (т.е. 1/2 листа формата А4, кегль — 12, гарнитура — Times New Roman, междустрочный интервал — 1), либо 1 лист формата А4 рукописного текста.

Сведения должны сопровождаться фотографией края и собственной фотографией (для последующей публикации авторов, чьи работы стали победителями в итоговом голосовании).

Жюри конкурса

Представители Министерства природных ресурсов РФ.

Дмитрий Михайлович Амунц, заместитель министра культуры и массовых коммуникаций.

Михаил Григорьевич Кизилев, главный редактор журнала «Смена».

Присланные работы будут оцениваться жюри и публиковаться в сентябрьском, октябрьском и ноябрьском номерах журнала «Смена», а также на сайте журнала «Смена» www.smena-id.ru.

В ноябре жюри, приняв во внимание результаты народного голосования, подведет итоги и выберет СЕМЬ победителей в номинации «Чудо природы».

В декабрьском номере журнала «Смена» и на сайте www.smena-id.ru будет опубликован список победителей.

Ждем ваших писем!

№ 1715
издается с января 1924 года

Генеральный директор:
Юрий Мухтаров

Главный редактор:
Михаил Кизилов

Директор по новым проектам
ИД «Журнал «Смена»:

Нина Чугунова

Отдел журналистики:
Нина Чугунова, редактор
Евгений Стецко, фоторедактор
Надежда Болгова, **Мария Жукова**,
Сона Тамамян, **Мария Курочкина**

Литературный отдел:
Тамара Чичина, редактор
Светлана Подорванова

Оформление, верстка,
предпечатная подготовка:

дизайн **Пресс**

Корректор: **Марина Силакова**

Использованы фотографии:
ИТАР-ТАСС

Реклама: adv@smena-id.ru
Тел.: (495) 257-3337, 507-0224

Распространение: **Елена Тамаева**
E-mail: sales@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3137

Главный бухгалтер:
Надежда Молчанова

Администрация: **Людмила Калинина**,
Вячеслав Мелихов

Редакция: 127994, Москва,
Бумажный пр-д, 19, стр. 2.
www.smena-id.ru
E-mail: jurnal@smena-id.ru
Тел. (495) 612-1507, факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж – 85 000 экз. Зак. № 71978.

Учредитель – ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:
каталог «Роспечати» 70820
каталог «Объединенный» 88998
каталог «Почта России» 99406

© ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

В России — два по-настоящему любимых всеми праздника: веселый и шумный Новый год и скромный и деловой — «Первое сентября». Веселый с каждым прожитым годом становится почему-то грустнее и грустнее, а скромный — светлее и чище.

Вот и нынешний «Первый сентябрь» коснется каждого нашего читателя: кто-то поведет сына в первый класс, кто-то — внучку в школу, для кого-то этот учебный год станет последним, а кто-то войдет в класс и впервые произнесет: «Здравствуйте, дети!»

Поэтому, искренне поздравляя с этим праздником, и в первую очередь тех, кто «сеет разумное, доброе, вечное», хочется пожелать, чтобы каждый из нас всю жизнь с благодарностью вспоминал своего «Первого Учителя».

Для меня это Александра Никитична Клевцова — внешне строгая, всегда опрятно одетая, не очень молодая дама с четко поставленным голосом и чуточку ироничным взглядом больших карих глаз.

«Нажим — волосная, нажим — волосная». Именно под эти звуки мы, первоклашки, старательно выводили деревянными ручками с металлических перышками первые буквы, а затем и слова.

Архаикой стали уже те ручки, и перьев таких, наверное, даже в музеях не осталось, и мы, бывшие первоклашки, подружились с компьютерами и цифровыми аппаратами, и события в жизни каждого оказались несоизмеримы с робкими шагами в мир знаний, а своего первого учителя не забыли.

Сколько лет пробежало, а до сих пор помнится мелодичное и ласковое: «Нажим — волосная, нажим — волосная».

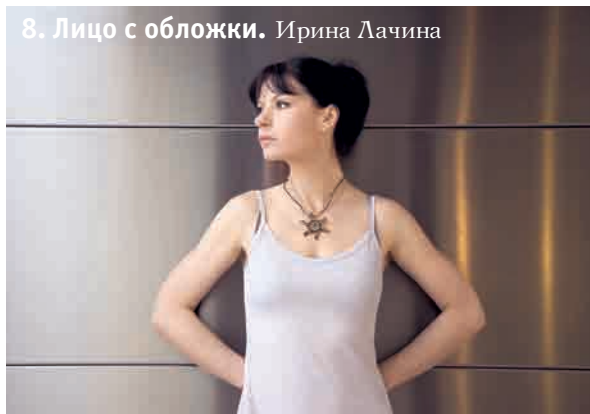
Михаил Кизилов

РАПОРТ «СМЕНЫ»

4. Диалог. Письмо в «Смену»

6. Диалог. Школьные денёчки

8. Лицо с обложки. Ирина Лачина

18. Постоянство разума.

Ошибка Исаака Борисовича Пирятинского

22. Последний дюйм. Андрей Воронченко:
«Хочется продолжения «банкета»»

28. Свобода от известного. Война миров

78. Путеводитель с Верой Глаголевой

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

34. Фотопроект «Просто люди».

Косплей в России
больше, чем косплей!

46. Больная тема.

Путь домой

52. Игры взрослых.

По разные стороны сетки

Семь чудес России.

50 Красноярские Столбы

92 Мыс Столбчатый
на острове Кунашир

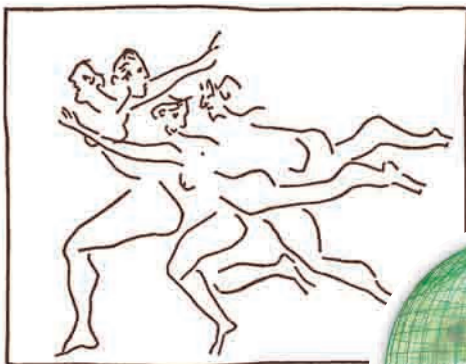
128 Остров Петрова

166 Озеро Баскунчак

МИРА ЗДАНИЕ

56. Смена представлений.

Богочеловеки. Благородство евгеники

62. Дух Леонардо.

Всемогущие «карлики»

66. Странные вещи. Сдвиг по планете

ПЛАНЕТА UNLIMITED

70. Своёмыслие. Жизнеманя

74. Тема «Смены».

Игра на выбывание

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

80. Наши публикации.

Георгий Ландау

94. Частное мнение.

Александр Невский:
«Ради жены
готов на подвиг»

98. Детектив. Риск

108. Творец и женщина, другая. Последняя любовь Модильяни

118. Хлеб едимый.

Карвинг
как искусство

122. Конкурс. Незаметно...

130. Издалека. Друзей прекрасные черты

140. Love story.

Стерва на договоре

168. Откровенно.

Андрей Максимов:
«Сто и одно слово
про жизнь»

172. Издалека.

«Вихорь-атаман»

188. Кроссворды

Однажды в редакцию пришло письмо, отличавшееся от других необыкновенно аккуратным и убористым почерком. В начале была фраза: «Наша семья выписывает «Смену» в течение девяноста лет». А в конце — телефон и подпись: Шеланкова Марина, г. Бийск. Я позвонила. У них было ясно и наступал вечер. А в Москве творилось Бог знает что, зима среди лета. (У нас из окна видна заводская стена. Она крошится. Сверху приложен кусочек неба.) С тех пор было получено еще несколько открыток. Из них мы и составили эту работу. Спасибо, уважаемая Марина!

Ко всем: граждане читатели! Вступайте в ряды дежурных обозревателей журнала!

Мы оценим: обоснованное мнение, умный и/или остроумный взгляд на жизнь, парадоксальное суждение. Надеемся на ваше знание предмета и темы, о которых вы судите. Критику примем.

С уважением,
Нина Чугунова,
директор по новым проектам
Издательского дома
журнала «Смена»

Здравствуйте, дорогая редакция! Огромное спасибо за возможность увидеть свое письмо на страницах такого издания, как ваше! Наверное, читатели думают, как и я: надо так похвалить создателей «Смены», так отметить ваш труд, чтобы и не перехвалить, но и, воздав должное, подвигнуть на дальнейшие свершения. Попробую.

Четвертый номер, как и другие, очень содержателен и глубок. Очень хороши статьи о солнцеедах и космосе. Достойное исследование Вл. Кука не вселяет оптимизма: почему-то у нас между властью и самодурством, мелочностью и невежеством почти всегда знак равенства. А вот глянце-вые журналы, о которых с иронией пишет В.Сушко, зачастую поднимают людей с диванов, хотя это напоминает борьбу Элочки Людоедки с Вандербильдихой (так жить, как на их страницах, простому человеку не удастся никогда). Но «Смена» — это всегда серьезно и основательно. Как можно сравнить работу фото-модели и профессора математики? Здесь — то же самое. «Смену» так зачитывают в библиотеках, что журнал невозможно узнать.

Ладно скроен **пятый номер** — читается на одном дыхании. Хороши воспоминания о войне А.И. Осоргина: нетривиальны, не лакированы, и в то же время — безжалостны. Как много недодано нашим людям, как легко командиры и всякие начальники тогда и теперь распоряжаются чужими жизнями...

Безыскусен стиль — по духу сродни астафьевскому, и оттого ценен. Прекрасно, что вы выступаете настоящими кладоискателями, подтверждение тому — рассказ Гайто Газданова. Человек всегда грезит о непознанном — с замиранием сердца читается материал М.Жуковой о двойниках... Как всегда на высоте — историко-искусствоведческая тема о Софье и о Боттичелли!

В шестом номере очень понравился материал о Николае Тесла. Действительно, много еще загадок на Земле, как грозны его изобретения, и где все это скрыто. Может быть, со временем благодаря «Смене» завеса приоткроется. Больше пишите о подобных рукотворных чудесах, их авторах, творящих на пользу человечеству, чтобы их не постигла участь ученого, как в другом материале. Хорошо, что вы дали слово читателям, что люди могут делиться с вами своими размышлениями на самые разные темы: от смысла бытия до вдохновения от классической музыки. Нет у вас пустых, «проходных» материалов, и это — главное! Единственное, журнал очень тяжело найти в провинции. Это — повод для размышления: нужна хорошая и мощная реклама. А в остальном, на мой взгляд, у вас все просто отлично! Так держать!

Спасибо за вашу кропотливую работу, приносящую радость многим людям!

Шеланкова Марина, г.Бийск

Анкета 2007

Уважаемые читатели!

В мартовском номере мы просили заполнить анкету, для того чтобы узнать «из первых рук» ваше мнение об изменениях, произошедших в «Смене» за последний год. На нашу просьбу откликнулось **3070 читателей**. Все ваши письма-анкеты были самым тщательным образом рассмотрены и проанализированы. Все ваши пожелания и замечания приняты к сведению. Благодарим и за добрые слова о журнале, и за критические замечания, показывающие, что среди читателей «Смены» равнодушных нет.

Самые интересные, на наш взгляд, письма-анкеты прислали **Соловьева А.И.** (Калуга) и **Глебов С.В.** (г. Гусь-Хрустальный).

Они будут награждены призами – **возможностью выбрать книги на сумму 1000 рублей по каталогу Издательского дома «София».**

Подарки от редакции журнала «Смена» – книги получают:

Алтынова Г.А. (Уфа), **Брциева Л.К.** (Свердловская обл., д. Курманка), **Быжлакова М.А.** (Республика Алтай, с. Улган), **Валитова Т.А.** (Кунгур), **Вальдман В.А.** (С.-Петербург), **Геков В.С.** (Майкоп), **Едигарева Е.Р.** (Мурманск), **Завгородний М.П.** (Владивосток), **Зуев Е.Н.** (Пермский край, г. Лысьва), **Иванов А.Н.** (Пермский край, г. Чайковский), **Калугин Э.С.** (С.-Петербург), **Кидярова Е.Т.** (Чита), **Киселева Елена** (Московская обл., г. Королев), **Коробецкая С.А.** (Ханты-Мансийский

АО, г. Радужный), Крянина Л.С. (С.-Петербург), **Кузнецова Т.Н.** (Нефтекамск), **Кутепова Н.М.** (Москва), **Лбова В.П.** (Башкортостан, с. Красноусольский), **Логинова Н.В.** (Москва), **Максин П. И.** (Москва), **Назарова Г.** (Казань), **Николаева Е.В.** (Магадан), **Панюков Е.В.** (Якутия, п. Хандыба), **Пашенко И. Л.** (Москва), **Петрова Г.И.** (Омск), **Понов В.П.** (Кировская обл., г. Котельнич), **Попова С.А.** (Татарстан, г. Альметьевск), **Ромашов Н.С.** (Пенза), **Рыжникова Л.Г.** (Москва), **Савченко А.А.** (Ростовская обл., г. Батайск), **Скворцова Г.Ф.** (Волгоград), **Слуднова Л.М.** (Новороссийск), **Телегина Е.А.** (С.-Петербурге), **Туманян Е.Е.** (Московская обл. г. Дубна), **Царапкин В.А.** (Тюмень), **Шеланкова Марина** (г. Бийск), **Шестакова А.А.** (г. Уссурийск), **Яковлева Т.А.** (Псков), **Яковсик В.И.** (Москва).

ШКОЛЬНЫЕ ДЕНЕЧКИ

1 сентября! Необыкновенный, волшебный день! Первый день на длинной дороге к знаниям.

В глазах первоклашек – восторг и ожидание, ожидание неосознанное, наиболее, но все равно присутствующее и у лопоухих мальчишек с худенькими шейками и с огромными букетами осенних цветов, и у аккуратных девчонок в нарядных платьях и с огромными бантами в волосах. Это ожидание или скорее предвкушение будущего запоминается на всю жизнь, как запоминается первая любовь, первый поцелуй и первая девочка, сидящая рядом за партой.

Леонид АБАЛКИН, академик Российской Академии наук

Почти семьдесят лет прошло с тех пор, как я в 1938 году пошел в первый класс. Конечно, многое уже стерлось в памяти, но ощущение праздника, торжественности этого дня – 1 сентября, как и у каждого человека, осталось на всю жизнь.

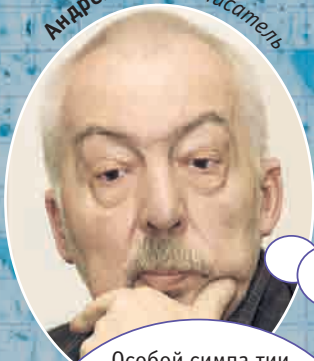

Мое первое «первое сентября» – это самое яркое школьное воспоминание. Все девочки пришли в темных платьицах и в белых передничках, а моя мама не успела фартучек подготовить из-за гостевой роли, и пришлось мне идти шоколадно-черной. 3-го второго сентября, когда все девчонки надели черные передники, я была при параде! С тех пор и пошло: все в черном – я в белом, все в белом – я в черном. Все не как у людей!

Лолита МИЛЯВСКАЯ, певица-одиночка

Андрей БИТОВ, писатель

Особой симпатии к школе никогда не испытывал. Я воспринимаю это как первый срок, который дается человеку в жизни. Десять лет. Будешь стараться, выйдешь досрочно, сдашь экстерном – и свободен. Современная школа учит не на укаме, а общественной приспособленности. Даже недавние выпускники в ряд ли вспомнят химические формулы или сформулируют правила грамматики. Пока еще никто не придумал, какой должна быть идеальная система образования. И приходится довольствоваться тем, что есть.

Я пошел в школу в 45-м. Только война закончилась. Я был похож на татаро-монгола, вечно в лишах, серая фланелевая форма, как мешок. Наверное, эта ужасная форма зародила во мне ненависть к антиэстетике и желание искать гармонию. А еще помню первую учительницу. Очень суровая была, всех по голове линейкой била. Мы ее Злой Щукой между собой прозвали.

Вячеслав ЗАЙЦЕВ, мэтр отечественной моды

Наша московская спецшкола №20 была совершенно особенной. Например, ее директор Антон Петрович Полехин каждый день встречал учеников у калитки. Мы ощущали, что нас ждут и любят. Равнодушных педагогов здесь не было. Именно благодаря одаренному Петровичу мне удалось стать актрисой. Он разрешил мне одновременно учиться в школе и посещать институт, курс Сергея Герасимова.

Наталья БЕЛОВОСТИКОВА, заслуженная артистка России

Борис ГРАЧЕВСКИЙ, главный человек «Ердаша»

1 сентября. 56-й год. Маленькая подмосковная школа для начальных классов. И я иду туда такой гордый и счастливый, потому что на мне – фирменная фуражка с буквой «Ш» (школьник, значит), серые брючки с начищенной желтой пряжкой, как у военных, гимнастерка белоснежным воротничком, а за спиной – всем ранцам ранец! А в школе у нас в каждом классе – печка... Заходит наша учительница, старенькая женщина вместе с ее юбкой, с ее кофтой, и начитает круглую резинку на чулке поправлять. А знаете, какое у нее имя было? Клара Александровна! От Клеопатры, что ли?..

Худ. Л. Борисов.

Оживить воспоминания помогли: Сергей Каленикин, Светлана Бестужева-Лада, Татьяна Харламова

РАПОРТ «СМЕНЫ»

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

Известность к ней пришла в 1991 году после фильма Всеволода Шиловского «Блуждающие звезды» по Шолом-Алейхему. В 1998 году получила специальный приз телевидения города Гдыни (Польша) за главную роль в фильме польских кинематографистов «У Христа за пазухой». В 1999 году — приз Веры Холодной в номинации «И божество, и вдохновенье...».

Талантлива. Целеустремленна. Энергична и импульсивна. Открыта. Иронична. Самолюбования нет ни на йоту! Закончив работу над многосерийным фильмом «Тяжелый песок», сразу же приступила к съемкам в двух картинах и параллельно впервые в жизни решила встать на коньки.

Ирина Лачина

Невозможно нравиться всем

— Ирина, как вы стали актрисой?

— Закончила школу с медалью и была в сомнениях: журфак, институт иностранных языков или театральный? Мама снималась в картине с Катиним-Ярцевым и рассказала ему об этом. Юрий Васильевич сказал: пусть придет и прочитает что-нибудь. Пришла. Катин-Ярцев «послушал» меня и сказал: «Иди!» Я, разволновавшись, спросила: «Куда?» — «В театр! Можешь». Поступая в театральный, я уже снималась в главной роли у Всеволода Шиловского в фильме «Блуждающие звезды». Поступала под своей фамилией. Никто из педагогов не знал, чья я дочь. Только полгода спустя они узнали, что моя мама — Светлана Тома. Стереотип: если ребенок родился в актерской семье, то куда еще ему, бедненькому, податься? И еще, что в нашу профессию дети артистов

идут по благу. Но даже если ты, предположим, попадешь по благу, и четыре года тебя продержат, то: а дальше что? Смысл? Ни один педагог не заинтересован в бездарном студенте. Выходя на сцену, ты остаешься один на один со зрителем. Ни папа, ни мама, ни твои педагоги за тебя не сыграют. Актер — средство выражения режиссера, а если ты ни на что не способен — ты никому не нужен. Актерские дети, как никто, знают обратную сторону профессии, и если идут в профессию, то осознанно, иначе можно сломать жизнь в момент.

— Верите ли вы в предназначение?

— Есть мистические вещи. Первый раз на сцену я вышла вместе с мамой, находясь у нее в животе! Мама играла до восьми месяцев беременности. Я вижу в этом перст судьбы. Так сложились звезды. Никто

РАПОРТ «СМЕНЫ»

~ ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

не знал, что я, студентка второго курса, беременна Машей, когда я играла в «Современнике» в спектакле «Анфиса» гимназистку Ниночку. Как только я выбегала на сцену: «Дядя Федя!», – как Маша, внутри меня лупила меня ножками изо всех сил! Видимо, не очень нравилось!

Я – фаталистка. Многое в судьбе предопределено, и случайностей не бывает. Есть «случайные закономерности». Потом мы понимаем, что все было не просто так. Все происходит для чего-то. Хорошее и плохое в жизни дается нам как уроки.

– А если урок жесток, если овладела депрессия? Что делать?

– Не дай Бог! Депрессия проникает в душу тоненькой черной струйкой и остается надолго. Категорически нельзя укладываться на диван и думать: «Как я несчастна! Мир гадкий, никто меня не любит...» Пожалейте себя. Поплачьте. Но недолго. Нужно выползть из этого состояния! Посмотрите хорошее, позитивное кино. Возьмите в руки книгу. Займитесь спортом! Не застывайте! Жизнь – короткая. Проходит быстро.

– Жизнь – прекрасна?

– Удивительна! Старайтесь воспринимать мир позитивно, и тогда он вам улыбнется. Это – не пустые слова. На себе проверила. По своей природе я – пессимист, но в какой-то момент поняла, что таким отношением к миру я себя уничтожу. Если к миру относишься негативно, то и он повернется к тебе этим же полюсом. Люди появляются на свет с определенным кодом, с набором определенных качеств. Эти качества мы потом в себе либо развиваем, либо убиваем, либо они культивируются.

– А какой «код» у вас?

– С детства я склонна к философии, дома меня называли «Дом советов».

Мне всегда было интересно узнать, как устроен мир. Хотелось приносить пользу, делать добро. Мне нравится учиться, постигать все новое и интересное. Основной мой принцип – жить так, чтобы было интересно. Стремлюсь получать максимум информации о деле, которым занимаюсь в настоящий момент, скажем, досконально изучаю пьесу, образ... Если хочешь чего-то добиться – сделай шаг! Нет ничего невозможного! Все зависит от силы желания. Это я постоянно говорю своей дочери, Маше. Если что-то не получилось, значит, ты не очень этого хотел. И приложил недостаточно усилий. Все зависит от внутреннего настроения. Я любую жизненную ситуацию стараюсь принимать: пройду урок и пойду дальше.

– Интересует ли вас людское мнение?

– Я такая, какая есть. Кому-то нравлюсь, а кого-то могу раздражать. Оставляю право человеку думать так, как он считает верным. Он имеет право на личное мнение. Не собираюсь никого ни в чем разубеждать. «Ох, я не такая! Я – замечательная». А кто-то видит меня другой. Или: «Я ужасна!» За чем?! Мне важно оставаться самой собой, не потерять себя. Я живу и буду жить так, чтобы не приносить людям зла и боли. Всем ты никогда не будешь нравиться. В подростковом возрасте я так любила мир!.. я его и сейчас люблю не меньше, просто тогда казалось, что если ты всех любишь, то и тебя все должны любить. Когда поняла, что это совсем не так, стало больно. Не понимала: почему? А «потому»! А «просто»! Не нравишься, и всё! Вот эта позиция: «не нравишься», – позволяет людям свободно говорить о тебе неприятные вещи, которые к тебе не имеют никакого отношения! Самое страшное, если начинаешь ввязываться и доказывать,

~ лицо с обложки

что это не так. Все равно, человек будет думать о тебе так, как ему хочется. Можно совершить массу хороших поступков, а ты его раздражаешь и все. И он лицо улыбается, а за спиной говорит о тебе страшные вещи.

– Ирина, в новой картине «Т яжелый песок» у вас – главная роль, и ваша Рахиль проживает на экране от семнадцати до шестидесяти лет...

– Новая пластика, новые движения. Безумно интересно! С актерской точки зрения, ты находишься, как в машине времени. Ведь образ «лепят» с твоего лица. Да это и не первый мой опыт. Первую возрастную роль я сыграла в венгерской картине, диапазон был таким же, от семнадцати до шестидесяти с лишним.

– Чем вам интересна Рахиль?

– Неординарный человек. Любит жизнь. Ей повезло встретить любовь. Большое – везение встретить человека, с которым ты говоришь на одном языке. Любовь – это не слова, а поступки.

– А... у вас – в жизни?

– Я замужем и считаю, что встретила свою любовь. Любовь – материя тонкая. Никогда в этих отношениях нельзя строить далеко идущие планы. Сегодня я любима и люблю, а что будет завтра, знает один Господь Бог. Очень часто любовь и боль идут рядом. Близкий человек может тебя обидеть, сам того не желая. Самое страшное, когда ты что-то домысливаешь за другого человека. Отсюда возникают все конфликты. Все большое рождается из малого, мелкого со временем накапливается много, а последняя капля переполняет чашу. Если внутри дискомфорт, не бойтесь высказаться. Тот, кто любит, поймет, постарается вас услышать. Слушать, слышать, Разгова-

ривать – моя главная заповедь. Еще: надо уважительно относиться к тому, кто с тобой рядом.

– Что вы не принимаете в актерах?

– Любое проявление непрофессионализма. Комментировать не буду.

– Есть еще испытание славой.

– Слава – сильное искушение. Появляется желание вседозволенности, и часто человек теряет себя. Наша профессия ломает многих.

– В чем это проявляется?

– В поведении. В потакании своим страстям и слабостям. Люди позволяют себе общаться между собой с достаточной долей распушенности. Но! Все то, о чем сказала, присуще и представителям любой другой профессии. Просто нас, актеров, всегда пристально рассматривают «под лупой», как муравьев. Человеческие слабости актера всегда на виду – в силу профессии. Она публична.

– Вы снимаетесь в двух картинах и стали участвовать в ледовом шоу!

– Я очень осторожный человек. Продумываю абсолютно любую ситуацию. Но во мне есть доля авантюризма: «А что, не справишься? Не сможешь?» Друзья говорили: «Зачем тебе эти коньки? Экстрима в профессии мало? Запишись в спортсекцию и катайся». А мне нравится ставить себе плюсы в «зачетке». Снявшись в четырех картинах на иностранных языках: польском, французском, английском и венгерском, я поставила себе плюсы! Вот мой иньяз. Теперь новое испытание – коньки. Сказала себе: «Давай! Ну, что ты теряешь» И я пошла.

*Беседовала Елена Воробьева.
Фотографировал Евгений Стецко*

Директором московской двести пятьдесят четвертой школы был высоченный альбинос Иван Иванович Винокуров, всегда что-то поучительно гаркающий со своей альпийской высоты ученикам, как стаду непослушных баранов.

Ошибка

Исаака Борисовича Пирятинского

Евгений Евтушенко

В руке его была огромная связка ключей, и когда он совершал дидактические жесты, она зловеще погрохатывала. Однажды, когда я его сильно довел, он меня слегка стукнул этой связкой по голове. Может быть, это было заслуженно, но все-таки больно.

Я не был ни драчуном, ни скандалистом, но кем я действительно был, да еще с нескрываемым удовольствием, это «злостным прогульщиком».

Прогул — это была естественная доступная тогда свобода. Даже улицы пахли по-другому во время прогула.

Причиной прогулов была моя новая страсть, соперничающая со страстью к поэзии: футбол.

*Каждому педсовету
Выхода не было проще;
Что с хулиганами? В эту —
В ихнюю Марьину Роцу.*

Я удирал из школы через черный ход или через окно и с такими же, как я, прогульщиками играл до темной ночи на пустырях грубым кирзовым мячом, от которого

отбитые ладони вратарей синели.

Однажды бабушка Мария Иосифовна привела меня в школу, как теленка, на веревке, и, покатываясь со смеху, на меня глазели из окон те, кто тоже хотел бы прогуливать, но боялся.

Все кончилось тем, что я остался «второгодником» в седьмом классе, не сдав ни химии, ни физики, ни — что было особенно позорно — математики, несмотря на то, что мне помогал вернувшийся из ссылки уже угасающий дедушка Рудольф.

Но за мной водилось кое-что почище прогулов и второгодничества.

Однажды в нашу школу приехал инструктор райкома

комсомола с разъяснительной лекцией о докладе Жданова. Инструктор ничего в литературе не смыслил, и вместо «Зощенко», оговорившись, сказал «Глуценко».

Инструктора стало жалко, но он был настолько противный, что моя жалость скоро прошла. Я поднял руку. Я был дотошный мальчик и пришел на лекцию, вооруженный томом «Литературной энциклопедии» тридцатых годов. Я раскрыл энциклопедию и одновременно брошюрку с ждановским докладом, изданную миллионным тиражом. Я был краток:

— Нас всегда учили, что списывать нехорошо. Но вот посмотрите, что здесь написано об Ахматовой. И там, и здесь все то же самое — что в лоб, что по лбу. И там, и здесь Ахматова названа «монахиней и блудницей». Смотрим, когда вышла энциклопедия: 15 лет назад. Значит, ясно, кто писал. Я предлагаю отправить от нашей школы коллективное письмо товарищу Сталину и попросить его сказать товарищу Жданову, чтобы тот больше не списывал.

Воцарилась мертвая тишина.

Инструктор райкома подбежал ко мне, вырвал у меня из рук том энциклопедии, впился в него глазами.

У него затряслись губы, когда ему стало ясно, что я прав.

Ученик седьмого класса, да еще и второгодник, против секретаря ЦК ВКП(б)!

Инструктора прошиб холодный пот.

Его, а заодно и меня, выручил наш десятиклассник — школьный комсомольский вожак Дима Калинин — единственный в школе, кто позволял себе носить длинную, хотя и умеренно, прическу и элегантный, хотя и неброский, галстук.

— Мне кажется, Женя, ты нездоров, — сказал он, ласково приложив к моему лбу ладонь. — У тебя явно высокая температура... Ребята, проводите Женю домой. А то, что он здесь сказал, пусть останется между нами. Мало ли что люди говорят в бреду.

Где он сейчас, Дима Калинин, мой спаситель?

Спас ли он сам себя?

Эпоха была странная — иногда именно гибкие люди ломались, а негибкие выстаивали.

Но, кажется, это происшествие стало известно директору Ивану Ивановичу, потому что слишком уж охотно меня перевели в новую, только что открывшуюся школу номер 607, куда со всей Москвы спихивали так называемых неисправимых.

Сам район, где находилась эта школа, — Марьяна Роцца, был назван по имени деревни Марьино. В восемнадцатом веке здесь проходила таможенная граница Москвы. В конце девятнадцатого века осталось только название, а саму роццу вырубил, застроили деревянными домиками, где жили резчики по дереву, иконники, оловянники, позолотчики, ткачи — словом, мастеровая вольница. После войны это

было царство безотцовной шпаны, где споры разрешались финками. Фонари здесь всегда были разбиты, ибо темнота была нужней света. Была шутка — «Коммунизм» — это советская власть плюс электрификация всей страны минус Марьяна Роцца».

«Школа неисправимых» пришлось вполне по характеру этому неисправимому району.

Директор 607-й марьинороцинской школы Исаак Борисович Пирятинский был небольшого, крепенький фронтовичок-здоровячок с коротким седоватым ежиком и смысленными энергичными глазами, полными доброжелательного любопытства отца-командира к вверенным ему рядовым — то есть к школьникам.

На работу он ходил в военной форме со следами от споротых погон, с колодкой наградных планок и ввинченным в гимнастерку единственным знаком доблести, на котором было написано только одно гордое слово: «Гвардия».

Но солдафоном он не был.

Мы его звали, сглатывая «о», «Исак Брисыч», а он нас называл по именам, а не по фамилиям, что по тем временам было поразительно, и прекрасно помнил нас в лицо.

Он мне нравился, потому что был полной противоположностью Ивану Иванычу — никогда занудно не иерихонствовал, не размахивал угрожающе связкой ключей, ино-

гда играл с нами в волейбол, в шахматы. Ему, было нелегко от нас отделаться, ибо 607-я школа стояла на самом краешке обрыва советского образования, а внизу была уже пропасть.

Ему нравились мои стихи, и на наши прогулы он смотрел сквозь пальцы. Словом, такого прекрасного директора мы даже не заслуживали.

Но случилось нечто.

Однажды ночью кто-то взломал учительскую комнату и украл все классные журналы. Позднее их обгоревшие остатки обнаружили на свалке.

Подозрение пало на меня, потому что именно в этот день я получил «кол» по немецкому и, если следовать логике, именно я должен был прийти в ярость и отомстить за унижительную отметку.

Честно говоря, сжечь классные журналы я был способен, если бы меня сильно разозлили. Но там произошло кое-что похуже — кто-то стукнул старика-сторожа по голове, а вот этого я сделать не мог.

Исак Брисыч был человек по-военному прямолинейный. Это — хорошее качество и одновременно опасное. Нет ничего более хрупкого, чем железная логика.

Он созвал общее собрание и несколько часов подряд просил, требовал, чтобы виновник сам признался. Взамен Исак Брисыч обещал полное прощение.

Все молчали. Сначала он обходил меня взглядом. Ви-

димо, борясь с собой. Было даже неестественно, что он смотрит на всех, за исключением меня, расхаживая перед нами в сапогах, пронзительно скрипящих среди общей тишины. Я почувствовал, что он смотрит на меня, даже не глядя.

— Я не хочу, чтобы вы доносили на ваших товарищей, — говорил он. — Я презираю стукачей. Доносительство — это трусость. Я прошу у того, кто это сделал, честности перед собой и другими. Если вы будете молчать, я сам сейчас назову предполагаемого виновника. Но ведь я же могу ошибиться, и молчание настоящего виновника будет равносильно ложному доносу на товарища. Ну, наберитесь, наконец, мужества!

Потеря терпения и логика постепенно заставили его сконцентрировать взгляд на мне. Этот взгляд уговаривал, убеждал, приказывал мне признаться.

Наконец, Исар Брисыч не выдержал и ткнул в меня пальцем, впервые назвав меня не Женей, как обычно, а по фамилии:

— Евтушенко, это сделал ты!

— Нет, — сказал я, поднявшись. — Я этого не делал.

— Ты! Ты! Ты! — повторял он в ярости то ли на меня за выдуманную им мою трусость, то ли на себя от боязни того, что сейчас совершает непоправимую ошибку.

На следующий день я был исключен из школы.

Прежде чем я вообще получил какой-либо «человече-

ский» паспорт, у меня оказался «волчий».

«Волчий паспорт» — это выражение еще дореволюционное.

В царской России это означало документ о неблагонадежности, закрывающий доступ на государственную службу, в учебные заведения. В советское время «волчьим паспортом» называли официальную отрицательную характеристику, выдаваемую или школой, или институтом, или профсоюзом, или комсомольской или партийной ячейкой. Совсем без характеристики ткнуться было некуда, а с такой характеристикой — тем более.

Но были люди, которые поверили в меня, давали почитать умные книги, не позволившие мне — даже с «волчьим паспортом» — стать волком.

Все мы — произведения тех, кто в нас верит.

Мой отец, А.Досталь, Н.Тарасов, В.Барлас, Л.Филатов, Б.Слуцкий, когда мне было пятнадцать лет, в газете «Советский спорт» напечатали мое первое, глупенькое, звучащее сейчас пародийно, стихотворение, начинавшееся так:

*Под грохот трещоток дробный
В залах,*

где воздух сперт,

ломаются

руки

и ребра —

и это

у них

спорт!

До сих пор не могу понять, как Николай Тарасов, которому я принес эту детсадовскую кирсановщину, мог догадаться, что на меня стоит тратить время.

А он догадался.

В 1952 году вышла моя ходульно-романтическая книжка «Разведчики грядущего», но затем из бумажного моря выдуманных стихов о выдуманных людях стали время от времени выныривать настоящие стихи, как нерпы выныривают из грязных нефтяных разводов на байкальской воде.

Меня начали читать, переписывать в тетрадки, запоминать.

Однажды позвонил Исак Брисыч.

— Читаю тебя, горжусь... Очень понравилось «О, свадьбы в дни военные...», «Окно выходит в белые деревья...», «Зависть»... Хотя, честно скажу, мне было бы легче, если бы ты писал плохо... Я ведь тебя все-таки исключил... Ты на меня зла не держишь, Женя?

— Ну, что вы, Исак Брисыч. Логически вы ведь были правы...

— Что значит — логически? — несколько оторопел он.

— А то, что я не крал этих журналов.

Ответом мне было продолжительное молчание в трубке.

— Неужели ты и сейчас не хочешь в этом признаться? Ну, хорошо, давай об этом не

будем. У нас через неделю — вечер встречи выпускников. Приезжай, считаешь стихи... Выпьем немножко, потрепемся...

— Да я же не выпускник, а вышибник...

— Опять ты за свое... Разве можно быть поэту злопамятным...

Я приехал, и мы искренне обнялись.

И вдруг случилось нечто непредвиденное.

Один мой одноклассник, по кличке Пряха, уже в двадцать с небольшим лет ставший чуть ли не членом-корреспондентом Академии наук, сказал после нескольких глотков теплой водки из бумажного стаканчика:

— Ребята, я хочу у Жени, у Исака Брисыча и у всех вас попросить прощения... Это я тогда сжег классные журналы... Все так и застыли.

— Но почему ты это сделал? — вырвалось у Исака Брисыча. — Ты же был всегда крутым отличником!

— Я первый раз в жизни получил пятерку с минусом, — виновато, но в то же время как бы оправдательно, пожал плечами Пряха. — А я к минусам не привык...

— Ну, что ж ты раньше об этом не сказал, сукин ты сын... — зашумели мои бывшие одноклассники. — Что же ты молчал в тряпочку, когда парня вышвыривали на улицу!

— Но я же, в конце концов, признался. Лучше поздно, чем никогда... За что вы

на меня так набросились? Все-таки надо ценить муки совести... — вставая и надевая шляпу, оскорбленно сказал Пряха.

— Даже запоздалые? — язвительно спросил кто-то.

— Запоздалых мук совести нет... — с достоинством обронил афоризм восходящее светило науки, удаляясь.

Но меня он интересовал гораздо меньше, чем Исак Брисыч.

Я никогда не представлял раньше, что Исак Брисыч способен плакать. Он плакал не глазами — он плакал плечами.

— Почему я тебе не поверил тогда, по-че-му? Почему я тебе выписал «волчий паспорт»... Ты мог бы от отчаянья стать вором, и кто знает, может быть, убийцей... Это я бы тебя сделал таким, я... Какая страшная ошибка... — судорожно вырывалось у него.

После тех «посиделок» я больше не видел Исака Брисыча.

Недавно на Ваганьковском, совсем близко от могилы отца, я вдруг вздрогнул, прочитав четыре строки из моего стихотворения «Марьяна Роща», высеченные на чьем-то могильном камне:

*Поняли мы в твоей школе
Цену и хлеба и соли,
И научились у голи
Гордости вольной воли.*

Надпись на камне гласила: «Исаак Борисович Пирятинский. Педагог».

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ

«Хочется продолжения «банкета»

Андрей Воронченко

*Заместитель генерального директора. Директор
Департамента оперативного реагирования. Руководитель
Центрального аварийно-спасательного отряда «ЭКОСПАС»**

*«ЭКОСПАС» — группа компаний, созданная в целях предупреждения и ликвидации последствий разливов нефти и нефтепродуктов, выполнения комплекса мероприятий в области противопожарной безопасности, разработки и производства специальной техники, оборудования для проведения аварийно-спасательных и экологических работ на природных и производственных объектах.

Спасатель Андрей Воронченко — бывший военный. Ничем другим не занимался: «профессионально ликвидировал врагов». Воевать уже (пока) незачем. Сидеть без дела не смог. Нашел опасного врага: врага, уничтожающего «своих». Медленно, незаметно.

Воронченко ликвидирует экологические катастрофы. Он беспокоится за страну и считает свое дело нужным.

С одним из главных экоспасателей страны встретилась и записала его рассказ о себе и о том, что более всего тревожит, наш спецкорреспондент Сона Тамамян. Просим читателя вслушаться в каждое слово этого человека. Такого человека.

Урок наглядной экологии. Краткие сведения. Обзор карты Родины

«Сегодня, по официальной статистике, при 350-400 млн тонн добытой в год нефти 20 млн тонн льется в «никуда». Это — не озера, это — моря нефти и нефтепродуктов. И куда все это уходит? В воду, в землю. Вот пожалуйста, не далее, как поселок Фрязино, Щелково 4, аэропорт «Чкаловск» (ближнее Подмосковье). Там есть жилой дом, в подвале которого керосин стоит, как озеро, и люди живут в керосиновом облаке. Они черпают воду из колодца, который выкопали недалеко от дома. Сначала снимают керосин и заправляют им трактор, а потом пытаются эту воду прокипятить и пить. И это — нормальное, к сожалению, явление сегодня в России. Очень много таких городов, таких мест.

По данным моей последней командировки, не так далеко от Москвы, в каких-то 450-500 километрах, около 500 гектаров земли на ближайших 10-15 лет убито.

Ханты-Мансийский автономный округ: отдельная территория загрязнения достигает 350 тысяч гектаров. Синяя нефть стоит. Страна большая — не видно. Там работают правительственные комиссии, вся ситуация на самом высоком уровне рассматривается. Но «рассматривать» можно все что угодно и бесконечно долго. И пока пехота на этой земле не будет стоять по колено во всей этой грязи и работать, пока не будет методично ликвидировать, убирать, убирать, убирать... Иначе рано или поздно будет сплошное нефтяное озеро.

Есть технологические способы прогнозирования возможных аварий, но железо, оно ломается просто потому, что оно — железо. Есть усталость металла, есть напряженность металла, есть температурные критерии, по которым железо просто не выдерживает накала. В отдельных части протяженности трубопроводов, особенно в районе Западной Сибири, где идет интенсивная нефтедобыча, металлические узлы и детали не менялись от 30 до 50 лет. «А кому это надо?»

Возьмите любое подразделение военно-воздушных сил. И там — нефть по колено. Технологии устарели. Город Ейск, Краснодарский край, известен авиационным военным училищем начала XX века. Естественно, огромные керосиновые хранилища, топливопроводы... И все это ведь надо менять с определенной периодичностью! По официальным данным: примерный объем подземной керосиновой линзы — 180 000 тонн. *(Линза — это подземный слой, подземное озеро нефти или нефтепродукта. — С.Т.)*

Город Энгельс, огромный аэродром дальней авиации. 20 га подземной линзы. Факторов, по которым эти линзы возникают, бесчисленное количество. Например, невидимая утечка в хранилищах. Никто ведь не проверяет. Не видно, вот и хорошо. Или же. Нормативы в ВВС. Самолет, возвращающийся на базу, имеет резервный запас топлива. В гражданской авиации он либо приходит с минимумом, либо налетывает. В военной авиации — особая технология: в связи с тем, что топлива много, вес машины превышает расчетный вес посадки,

поэтому перед посадкой топливо просто сливается на летную полосу.

С одной стороны, человек получил громадный подарок в виде нефти, но, с другой стороны, вместе с ним получил маленький ящик Пандоры. Потом он получил еще один подарок... Атомная станция — чудно! «Бесплатная электроэнергия», но: уран, радиационное загрязнение».

Судьба. Военное время. Юность

«Карьера любого кадрового военного начинается с училища. В моем училище, как сейчас вижу, была хорошая педагогика, были хорошие командиры. К тому же многое идет из семьи, из генов. Моя семья такая: преобладающее число военных.

Все это вместе сыграло определенную роль в выборе профессии и на протяжении жизни диктовало мне свои условия.

После окончания училища в 1992 году работал в центральном аппарате КГБ СССР. В 1995 году началась чеченская война. Тогда она называлась «операцией по наведению конституционного порядка на территории Чеченской республики». По заданию руководства, вылетали в Чечню в командировку. Работали в составе управления федеральной службы контрразведки по Чеченской республике.

...Рвануло так, что гранатомет попал куда-то в район, не совместимый с жизнью. Выжил, как видите.

В госпитале лежал около сорока месяцев

«Госпиталь» то ли от слова «гость», то ли — «Господь»? Этимологический словарь не подтверждает ни первую, ни вторую версии.

Нужно отдать должное тем врачам, которые помогли мне встать на ноги, если даже не на свои. Они объясняли, подбадривали: «Да ты чего?! Хех... Варианты, ты знаешь, какие мы видели?! Ты что, у тебя все мелочи!». Первые дни в госпитале были страшные. Пришел в себя после наркозов и обезболивающих. В 25 лет человеку хочется жить, несмотря ни на что. Первое, что пришло в голову — ухватиться за револьвер и покончить с невыносимой данностью. Вокруг оказались друзья. Удержали. По рукам связали.

Нагнутые рога

... потом начинаешь с людьми разговаривать, слушаешь, задумываешься, размышляешь — собственно, какие проблемы-то? Никаких! Ну да, есть сложности в жизни, но они — не определяющие. И только после, может, воля к жизни, воля к победе. Я это называю «нагнутые рога»: нет — и всё. Хотя вначале врачи все-таки говорили: «Да вы что, не то что б ходить, но и жить-то не должен». Теоретически».

Нельзя сказать, что я — один такой замечательный, все переборол, все превозмог — да это бред был бы. Когда все вокруг собираются в кучу, в команду, тогда и есть результат. Это и в жизни так. Мой успех зависел от близких, которые были рядом. Нужно было еще и свои усилия прилагать. Да. Не всегда было приятно, не всегда так здорово.

От Грозного до Москвы врачи профессионально выполняли свою работу, не задаваясь вопросом, выживу или нет. Родители искали лучших специалистов. Лучших изготовителей протезов. Не жалели ни сил, ни средств. Ребята из «Вымпела» собрались и выплатили немалую сумму. Вопрос не о цене стоял, а о результате.

Нужно было для себя понять: есть люди, которым еще хуже. По сравнению с ними, у меня вообще все здорово.

«Хуже, когда все — пополам. У нас парень лежал в госпитале, у которого, кроме головы, кажется, все поотрывало: руки, ноги. Его называли Толик-полено. Но та еще «зажигалка» была! Он был откуда-то из Новосибирска. У нас в конторе вообще не принято интересоваться, а что? а кто? а зачем? а почему? чем занимается? Есть человек — и все. Многие даже имена меняли. Какие-то дурацкие чекистские прокладки».

Хирургическая операция — что-то вроде умыться, побриться, причесаться...

Год с лишним бесчисленных операций. То тут подкорректировать, то там осколки повытаскивать, тут подшить, там ушить, тут отрезать, там подрезать, сделали плохо, давайте переделаем... Поэтапный и мучительно долгий процесс восстановления. Чего стоят одни нейрохирургические операции: сложная,

ювелирная работа на микротехнике. Под конец делали уже местные анестезии, так как на счету было много наркозов. Руки подшивали под местную. Правда, полтора часа лежать и рассказывать анекдоты даже для меня тяжело. Потом главный врач мне: «Ну, сволочь ты, конечно, тот еще!» — «В смысле?» — «Мы пытаемся сухожилия подшивать, а ты такое расскажешь, что у нас все трясоти начинается. Дайте ему наркоз, он утомил уже, пусть замолчит, наконец!».

После года лежания удивлялся, как это люди ходят на ногах и не падают.

Много было случаев, когда спивались, скуривались... «Чеченский синдром» — на манер «вьетнамского». Когда героические воины не выдерживали всех «прелестей» войны. Не только физически, но и психологически тяжело.

«Но встал, должен был встать!»

Из госпиталя в специализированную клинику перевезли для полной окончательной реабилитации. Полтора месяца учился заново ходить.

Походи, когда 14 месяцев лежал! Рвани! Это все, конечно, через слезы, кровавые мозоли. Пять шагов сделал — ура! Победа! В палате до двери дошел, считай, что отработал. На самом деле, безумный труд, но результаты свои дал.

— Отправили еще и «голову полечить».

— Вылечили?

— Нееет, голова — предмет темный, лечению не поддается.

Иначе ни одну комиссию не прошел бы. Нужно было время для адаптации — привыкнуть к «жизни без врачей». А жить ой как хочется! Да и военное дело не хотелось оставлять.

Легендарная «Альфа», легендарные люди: «их никто в глаза не видел»

Руководство, на тот момент уже ФСБ, возможно, пожалело, а возможно, — это действительно правильное решение? «А что, собственно говоря, списывать?! Ходить может? Нормально. Голова на месте? Работает? Пусть работает». И вернули в строй. Причем в спецподразделение «Альфа». Около полугода втягивался в работу, вникал во все подробности: кто-то-как-зачем-почему. Все, вошел в ритм и пошел пошел, пошел, пошел... К тому же в «Аль-

фе» люди для меня — не то чтобы небожители, но легендарные, которых никто никогда в глаза не видел, но все знают, какие они выполняют сложные, ювелирные задания. И это тоже подстегивало, надо было соответствовать уровню.

Два-три года мытарств: что делать со своей жизнью?

В один прекрасный день военная служба закончилась. В 32 года, как и в 25 лет, хочется продолжения «банкета». Хочется понимать, а дольше-то что делать в жизни? Сидеть дома, потому что ты все стране отдал, и получать свою заслуженную пенсию? Нет, мне это не интересно. Человек в 32 года должен что-то делать. Независимо от того, инвалид он или нет. Я знаю ребят, которые вообще прикованы к кровати, но они что-то делают в этой жизни, куда-то лезут. Все их болезни уходят на второй план. У меня, по сравнению с ними, проблем гораздо меньше.

Сначала решил поработать в службе безопасности коммерческих структур. Поработал. Наверное, уровень взаимоотношений переворачивает. Вор, всем понятно, что вор... И вот перед ним хвостом, как собака служебная, махать — ну, не мое. Даже если деньги платят и немалые. Не хочу я этим заниматься. Потом в Госдуме работал. Тоже боевые товарищи: «Что дурака валяешь? Иди, займись делом».

После этого какое-то время вообще ничего не делал. Пытался понять, а куда? Нужно было переболеть тем, что ты уже не можешь из кармана «ксивой» сверкнуть — это на самом деле болезненный момент. Как правило, народ в течение года после увольнения просто ломается, ищет себе места под луной. Кто-то на дачу садится и начинает огород возделывать, а кто-то находит себя в другом.

Пытался возвращаться в общественные организации (фонды ФСБ и т.д.), но и там все сводилось к коммерции. Для себя из этого какую-то пользу можно было бы извлечь — неплохо заработать. Но как и какой ценой? Не всегда свои морально-этические нормы сходились с тем, что нужно делать. Наверное, в училище как-то не так все объяснили. А кому это надо? Кроме тебя самого, кому от этого будет хорошо? Никому — не хочу — уходи!

Обратно в «строй»

Еще до войны, больше 12 лет назад, по тренировочному процессу стал общаться с ребятами из «Центроспаса» МЧС. Тогда познакомился с Андреем и Володей Легошиными, с Вадимом Серегиним. День за днем знакомство переросло в дружбу. После войны они мне очень помогли. В моей жизни — не много таких людей, которые готовы и день и ночь сидеть с тобой, если тебе это нужно. И денег за это не будут просить.

По мере общения с ними пришло понимание того, что в этой жизни не все сводится к военной службе. Действительно, есть ненадуманные службы, существующие ради страны, ради людей. Видел, как они живут, чем руководствуются, какие у них ценности. Оказалось, что у нас очень много общего. Да и задания иногда бывали общие. Так судьба нас все время сводила. И, наверное, их мнение и сыграло определяющую роль в выборе дальнейшей «профессии».

В итоге, старшие товарищи, ребята из МЧС (так я их называю) помогли «придти» в «Экоспас».

В «Экоспас» — не в оздоровительную клинику попасть!

... сам попросился, не скрою. Я знал, что ситуация там — не из лучших. Требовался специалист, который поднимет на должный уровень систему оперативного реагирования. Но это же — не бухгалтер и не специалист отдела кадров. Нужно также некое внутреннее понимание того, как это должно быть сделано. Хотя бы знать, к кому обратиться за помощью.

Пришел и начал свою команду собирать. Несмотря на то, что отряд существовал уже 7 лет, пришлось начинать все с нуля. Да, было трудно, до валокордина доходило, была и мать-перемать и все что хочешь... Драк не было, не буду врать, но где-то около того. Стулья летали. Но все это не для того, чтобы показать свое «Я» — какие мы все тут умные, а вы все такие дураки. Было общее понимание того, к чему мы должны придти. И не то, чтобы воевать, но приходилось серьезно отстаивать свою точку зрения.

Здесь делать все как попало нельзя. Мама с папой не научили. Бумажку можно забыть и подписать только завтра, а аварию нужно было локализовать и ликвидировать уже вчера.

«Если не мы, то кто же еще?»

Создали то, чего до нас не было. Для меня лично и для моей команды — это моральное удовлетворение, бальзам на душу. Сделано было не потому, что мальчикам хочется в войну поиграть. Да, мы пришли зарабатывать деньги, у нас все не альтруисты, все работают за деньги пока еще. Но мы работаем и понимаем, зачем мы это делаем. Если сегодня мы, может, немножко громко звучит, не встанем на последний рубеж обороны, то все будет разваливаться и очень быстро. Если не мы, то кто же еще?

Может, даже патриотизм какой-то, а иначе это объяснить нельзя. Либо эта заноза внутри сидит, либо — нет. Либо человек хочет чем-то полезным заниматься, либо ему — все равно. Если, все равно, то это — не к нам. На самом деле это — тяжелая, грязная и опасная работа. «Спасатель» — не полезная для здоровья профессия, а что касается нас, это еще и химия, взрывы, пожары...

— Вы согласны, что истинный герой скрыт в тени; он не напоказ людям?

— Я думаю, да. Это — от истоков веры православной. Чем жертвеннее, тем ценнее.

Рассказывать, какие мы тут все героические? А зачем, кому это надо!? Вот Матросов — герой ... Но тогда нужно было поднять боевой дух народа.

— А сегодня, на ваш взгляд, нужно поднять дух населения?

— А сегодня у нас и так запредельный уровень патриотизма. У нас одни «Наши», «ваши», «молодые гвардии», престарелые и всеразличные... Такое количество флагов накупили, что смысла нет. Раньше все ходили на футбол, дрались, пили, шарахались по ночным клубам, а тут рванули в патриотические молодежные объединения. Тоже перегиб маленько.

— Альтернатива комсомолу?

— Да это — не альтернатива, а правильное вложение финансовых средств. Борьба за элек-то-рат.

— Если представить, что, не дай Бог, начнется война и нужно идти в армию. Вы что выберете, жизнь военного или спасателя?

— Взрослый адекватный человек обязан реально оценивать, где будет от него больше пользы. И уже по этому принципу решать, где быть — на фронте или в тылу. Главное, не превратиться в обузу для людей. Если ты считаешь, что от тебя больше пользы, когда банки с тушенками вскрываешь, то этим тебе и нужно заниматься.

Фотографировал Евгений Стецко

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

Надежда Болгова

Война миров

Тема публикации подсказана нашей читательницей Светланой Фурмановой из Волгограда. Светлана — молодой, энергичный председатель уличного комитета. Другая тема Светланы также актуальна — городские свалки. В ближайших номерах читайте ее материал и наши комментарии.

Клещи – животные класса паукообразных – одни из самых древних обитателей Земли. Еще сто лет назад они считались относительно безвредными для человечества, но с 30-х гг. XX века начат отсчет непрерывной войны между Человеком и Клещом, войны с неравными подчас силами. Клещ, оказавшись переносчиком клещевого энцефалита и болезни Лайма, заболеваний, способных поразить центральную нервную систему и головной мозг, поставил под угрозу существование всей человеческой цивилизации.

Клещи как эпидемия

Почти 70% территории России является природным очагом распространения этих грозных заболеваний. По количеству летальных исходов и инвалидизации вирус клещевого энцефалита в России занимает лидирующее место. По прогнозам МЧС РФ на 2007 г., клещевым энцефалитом могут заболеть до 10 тысяч россиян, причем около 80% заболевших будут составлять городские жители. В настоящее время поражение болезнью Лайма (иначе, клещевым боррелиозом) превышает поражение клещевым энцефалитом, и это при том, что Лайма была открыта лишь в 1982 г.

В мире насчитывается более 40 тысяч видов клещей, из них описано лишь 850 видов.

Это животное, похожее на паучка, размером не более двух миллиметров, способно изрядно сократить численность населения, приведя большую ее часть к инвалидизации, либо, что ужаснее, к скоропостижной смерти.

Еще недавно считалось, что преимущественно клещи обитают на территории Западной Сибири и Дальнего востока. Сегодня же очаги природного распространения клещевого энцефалита и клещевого боррелиоза зафиксированы практически повсеместно: Австрия, Германия, Польша, Чехия, Словакия, Финляндия, Италия, Швейцария, европейская и дальневосточная часть России, а также Антарктида. На территории России Томская область считается одним из крупнейших в мире природных очагов этих заболеваний. В прошлом усилия по борьбе с клещевым энцефалитом были сосредоточены на уничтожении самих клещей. В бывшем СССР

проводили широкомасштабные меры, распыляя тетра-хлорвинфос, гексахлор, но это не привело к желаемому результату.

В основной своей массе клещи питаются растительными остатками, почвенными грибами, но некоторые из них приспособились к питанию кровью животных, став паразитами. Основную часть паразитирующих клещей составляют иксодовые клещи (около 680 видов), именно они известны как переносчики опасных вирусов клещевого энцефалита и клещевого боррелиоза, вызывающих заболевания центральной нервной системы, способные привести к параличу конечностей, иногда — к смерти.

Клещи влаголюбивы, поэтому их численность наиболее велика в хорошо увлажненных, умеренно затененных местах, лиственных и смешанных лесах с густым травостоем. Расположившись в траве у лесных тропинок, клещ ожидает приближения потенциальной жертвы: вытягивает передние лапки, на которых располагаются органы, воспринимающие запахи (глаз у клещей нет), и поводит ими из стороны в сторону. Клещи способны чувствовать запах человека или животного на расстоянии до 10 м. Прицепившись к одежде проходящего мимо человека или животного, клещ ползет вверх в поиске наиболее благоприятного места присасывания (открытой и мягкой части тела). Из-за того, что большинство клещей обнаруживают именно в верхней части туловища (за ушами, в затылочной области головы), сложилось ошибочное мнение, будто клещи нападают на людей, прыгая с деревьев. Присосавшийся клещ начинает выделять в образовавшуюся ранку слюну, которая прочно приклеивает хоботок к коже. Именно в слюне содержится масса биологических веществ. Одни из них обезболивают ранку, другие разрушают стенки кровеносных сосудов, третьи подавляют иммунные реакции «хозяев». Поэтому укус клеща столь незаметен.

Самки клещей способны питаться кровью до десяти суток, при этом задние покровы ее туловища, невероятно эластичные, растягиваются, вмещая в себя огромное количество крови. Сытая самка становится размером с фалангу мизинца, по сравнению с голодным состоянием ее вес превышает в сотни раз. Самцы — меньше по размеру и присасываются на короткое время — меньше часа.

Клещи как «подарок» природы

Одни исследователи считают, что клещевой энцефалит существовал задолго до появления человека. Однако точно не известно, были ли первоначально перенос-

На начало эпидемиологического сезона 2007 г.

Новосибирск. Более 18 тыс. человек, подверглись нападению клещей. Клещевой энцефалит унес жизни 7 человек. Новосибирск и область занимают первое место среди регионов России по количеству смертей и укусов клещей.

Томск. С клещевым укусом к врачам обратились 7202 человека, из них 998 детей. Это превышает прошлогодний уровень на 19%. У 241 человека предполагается заражение клещевым энцефалитом и болезнью Лайма. Один человек скончался.

Удмуртия. Более 15 тыс. обращений, связанных с укусами клещей. Каждый пятый клещ является носителем вируса клещевого энцефалита, каждый третий — болезни Лайма.

Псков. Свыше 2,5 тыс. пострадавших, из них 630 — дети. Клещевым энцефалитом заражены четверо, болезнью Лайма — 45 человек.

Тюмень. Пострадало около 8 тыс. человек, из них с подозрением на клещевой энцефалит и болезнь Лайма — 177 человек, из них 36 детей.

Ульяновск. 289 человек подверглись нападению клещей, из них 44 — дети.

Новгород. Пострадавших от укусов клещей — 3114 человек. Отмечена напряженная эпидемиологическая обстановка по заболеваемости клещевым энцефалитом.

Тамбов. В больницу обратились 126 человек, из них 44 ребенка.

Санкт-Петербург. От укусов клещей пострадали 6109 человек, из них 1059 детей. Зараженность клещей, составляет 3,5%. От коварного заболевания пострадали 15 человек.

Москва и Московская обл. От клещевых укусов пострадало 1939 человек, в том числе 527 детей. Клещевой боррелиоз выявлен в 60% случаев.

Клещевой боррелиоз (*болезнь Лайма*) – инфекционное заболевание, передающееся клещами. Боррелии (*микробы*, выделенные американским ученым Вили Бургдорфером из кишечника иксодового клеща в 1982 г.) со слюной клеща попадают в кожу и в течение нескольких дней размножаются, после чего распространяются на другие участки кожи и внутренние органы (сердце, головной мозг, суставы и др.). Боррелии годами могут сохраняться в организме человека, обуславливая хроническое и рецидивирующее течение заболевания. Долгое время болезнь Лайма рассматривали как разновидность клещевого энцефалита. Первоначальное неверное диагностирование зачастую приводило к летальным исходам.

Энцефалит – группа воспалительных заболеваний головного мозга человека и животных, обычно вызываемых *вирусами*. Зачастую воспалительный процесс распространяется и на спинной мозг. Первые случаи энцефалита наблюдались в начале XX в. в Центральной Европе, в 1918–1921 гг. – уже по всей Европе и в Северной Америке. Это дало основание предположить инфекционный характер заболевания, но возбудитель так и не был выявлен. Не имелось и доказанных случаев заражения человека от человека. Поскольку появление энцефалита совпало с крупнейшей эпидемией гриппа, некоторые считали его поздним осложнением. Отмечалась высокая смертность. У перенесших заболевание нередко наблюдались стойкие неврологические расстройства, чаще всего в виде *паркинсонизма*. Вирус клещевого энцефалита не передается от человека к человеку.

чиками вируса только клещи или, наряду с ними, и другие животные. Известно лишь, что со временем вирус приспособился к существованию в организмах как одних, так и других. Отмечено также, что вирус, активно размножаясь в диких лесных животных, не способен нанести их организму хоть какое-то значительное поражение. Нарушений, характерных для человека, у них не наблюдается. Вместе с тем животные, которые не сталкиваются в своей естественной среде с этим возбудителем (домовые мыши или лабораторные обезьяны) болеют совершенно так же, как люди. Несмотря на наличие многих общих черт болезни Лайма и клещевого энцефалита, предположений о столь же естественном возникновении боррелий в клещах, переносчиками которых они являются, нет.

Может быть, клещи – естественная реакция природы, изнемогающей от учиняемых человеком беззаконий?

Клещи как оружие массового поражения

По другой версии, выдвинутой красноярскими исследователями, вирус клещевого энцефалита – искусственно созданное биологическое оружие, использованное японскими милитаристами на территории бывшего СССР. Они пришли к этому, сложив воедино несколько фактов.

■ Впервые вирус был обнаружен специальной экспедицией военных микробиологов под руководством профессора Льва Зильберта в 30-х гг. XX века (описан в 1937 г.), прибывшей к солдатам Дальневосточной груп-

пировки Красной Армии, среди которых началась эпидемия неизвестной болезни, приводившей и к летальным исходам.

■ Известно, что, начиная с 1920-х гг., Япония осуществляла на территории СССР и, в частности на Дальнем востоке страны целенаправленный шпионаж и готовила акции диверсионного характера. Об этом, в частности, говорится в подготовленном Японией «Положении о резидентах за границей» (документ хранится в одном из фондов Российского государственного военного архива).

■ Ближайшей родственной болезнью клещевого энцефалита является японский энцефалит, открытый японскими микробиологами в 1920-х годах. Имеются сведения, что именно тогда в Стране восходящего солнца возникла эпидемическая вспышка, унесшая жизни тысяч человек. Переносчиком вируса был комар.

■ Лаборатория японских микробиологов, известная как «Отряд 731», расположенная на территории оккупированной Маньчжурии с 1920-х годов, в каче-

В мае-июне самка откладывает 1,5–2,5 тыс. яиц, из которых, спустя несколько недель, вылупляются личинки. Личинки нападают на мелких лесных зверьков и птиц. Они сосут кровь 3–4 дня, затем покидают «хозяина» и уходят в лесную подстилку. Там они превращаются в следующую фазу развития – нимфу. Перезимовав, нимфы аналогичным образом выходят на охоту. Напитавшаяся нимфа через год превращается в самку или самца. Цикл развития клеща длится минимум три года. За это время клещи питаются всего три раза. Из тысяч личинок получается несколько десятков крупных особей. Для человека опасны только взрослые самки и самцы.

«Отряд 731». Японская армия была первой в истории войн, применившей бактериологическое оружие. Ведение бактериологической войны было поручено «Отряду 731» под командованием Сиро Исии, утверждавшем: «Мертвый металл при артиллерийской стрельбе поражает лишь определенные объекты на конкретном участке, раненые быстро поправляются и возвращаются в строй. Иное дело – живые бактерии. Передаваясь от человека к человеку, распространяясь из сельской местности в города, они наносят все возрастающий ущерб. Бактерии, проникая в человеческий организм, действуют длительное время и дают высокий процент смертности. Бактериологическое оружие наиболее выгодно для Японии, бедной запасами полезных ископаемых. Это оружие не требует крупномасштабных экспериментов и громоздкого оборудования для разработки производства. Все работы можно замаскировать под медицинские исследования. Соответственно невелики и расходы».

Меры предосторожности

Этих правил настойчиво рекомендуется придерживаться, собираясь в лес, особенно в зоне природных очагов клещевого энцефалита или болезни Лайма.

1. Верхняя одежда должна полностью закрывать все открытые участки тела и, по возможности, плотно облегать. Предпочтительнее надеть одежду с длинным рукавом, штаны с резинками на лодыжках, носки и головной убор (косынка). Нежелательно использовать в одежде красный и оранжевый цвета, затрудняющие обнаружение на одежде самки клеща.

2. Необходимо регулярно производить осмотры тела на предмет присасывания клеща, особенное внимание следует уделить излюбленным местам клеща — подмышечным впадинам, затылочной области головы, шее, области за ушами и паховой области.

3. Присосавшегося клеща необходимо как можно быстрее удалить из кожных покровов, с тем, чтобы приостановить продолжение возможной интоксикации организма. Удалять следует осторожно, медленными движениями раскачивая клеща из стороны в сторону, чтобы не оставить хоботок в подкожных покровах.

4. Извлеченного клеща необходимо поместить в плотно закрывающийся сосуд и вместе с ним направить в медицинское учреждение, где клеща возьмут на анализ клещевого энцефалита и клещевого боррелиоза. Не рекомендуется смазывать клеща маслом, жиром или керосином для облегчения его извлечения, такой клещ анализу не подлежит. Вместо этого можно накрыть его открытой горловиной флакона с водой на 10–15 минут, чтобы закрыть дыхальце клеща, и после этого приступить к его извлечению.

стве секретного бактериологического оружия производила живые бактерии чумы, холеры, сибирской язвы, брюшного тифа. С помощью этого оружия, способного взорвать врага «изнутри», Япония собиралась уничтожить население СССР, Китая и других государств. После вступления СССР в войну с Японией деятельность «Отряда 731» была спешно свернута, секретный военный городок уничтожен вместе с заключенными, на которых и проводили испытания разрабатываемого бактериологического оружия. Все же найти свидетелей преступной деятельности удалось. Их показания вошли в материалы Хабаровского процесса 1949 г., на котором рассматривалось дело о подготовке и применении бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения СССР и других государств. В отношении всех подсудимых обвинение было признано полностью доказанным, и они были приговорены к различным срокам лишения свободы.

Вирус клещевого энцефалита и болезнь Лайма — что это? Бумеранг, посланный человеку природой, некогда попранной им, безнаказанно используемой в своих, не всегда благовидных, целях? Или ответ цивилизации, порабощающей своих создателей?

P.S. В большинстве своем люди по-прежнему отрицают угрозу уничтожения человечества посредством клещей. Оно понятно: клещ маленький, едва заметный, да и распространен не повсеместно. Свойственное людям «меня не коснется» выявляет безразличное отношение к собственной жизни, судьбе, потомкам.

Цивилизация набрала обороты. Уже нешуточные. Машина запущена. Можно ли ее остановить? — Отчасти: зная врага.

Угроза уничтожения человечества, отдельно взятой нации другим государством может оказаться куда менее опасной, чем уничтожение врагом почти невидимым. Взрыв изнутри.

Но привыкшие сознать себя земными богами, все еще не верим, что мир придуман не нами.

Как беспомощны мы в нашей силе, как могущественны они в своей слабости. Клещи.

Если вас заинтересовала тема данной публикации, пишите нам по адресу: **127994, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 19, стр. 2** (с пометкой «В редакцию журнала «Смена») или по электронной почте: **journal@smena-id.ru**.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА
ФОТОПРОЕКТ «ПРОСТО ЛЮДИ»

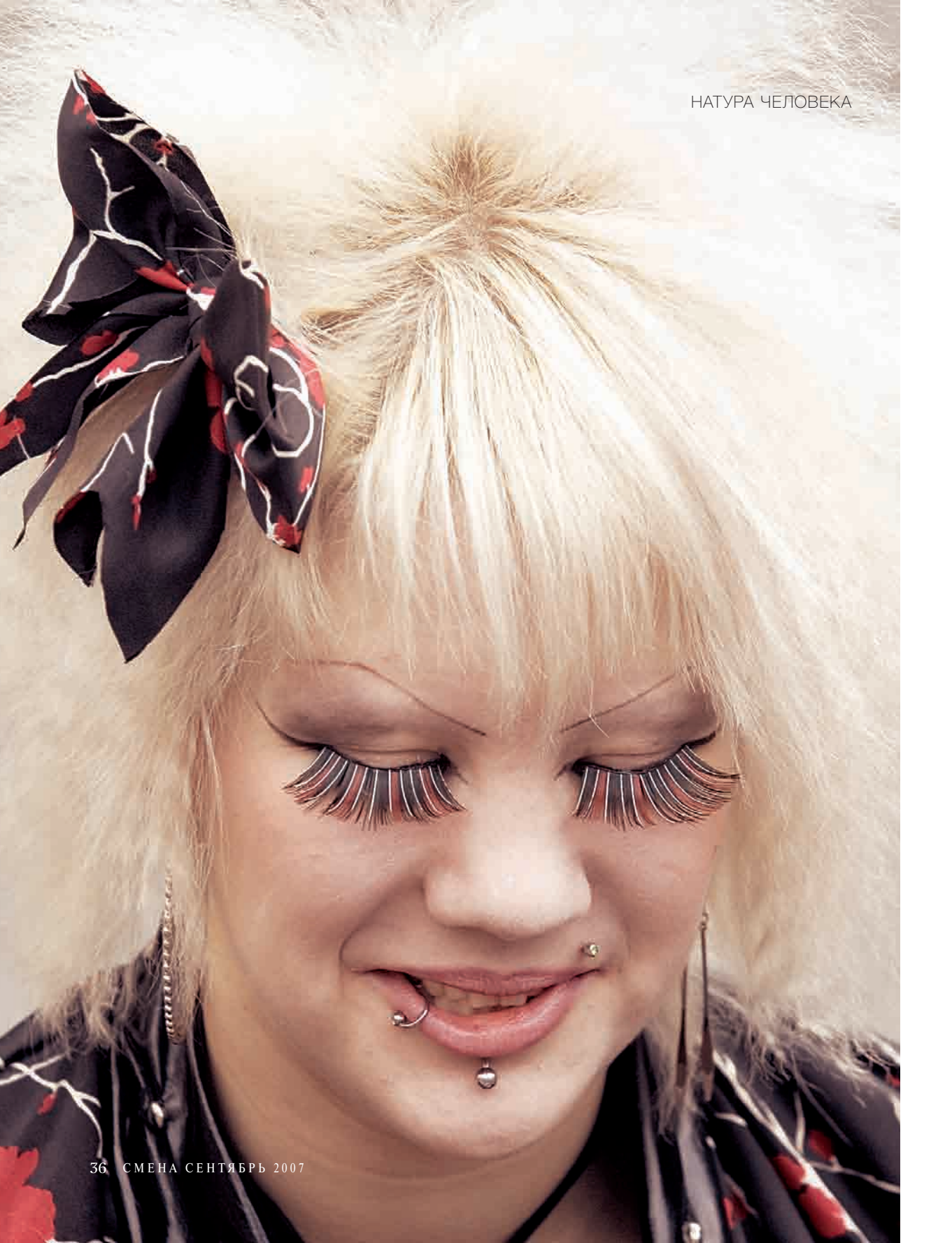
Косплей в России

Забавно и даже странно одетые люди появились в Москве, Питере, Воронеже. Не пугайтесь: они играют в героев любимых мультиков. К нам пришла любопытная форма культуры современного города.

больше, чем косплей!

Авторский проект Евгения Стецко.

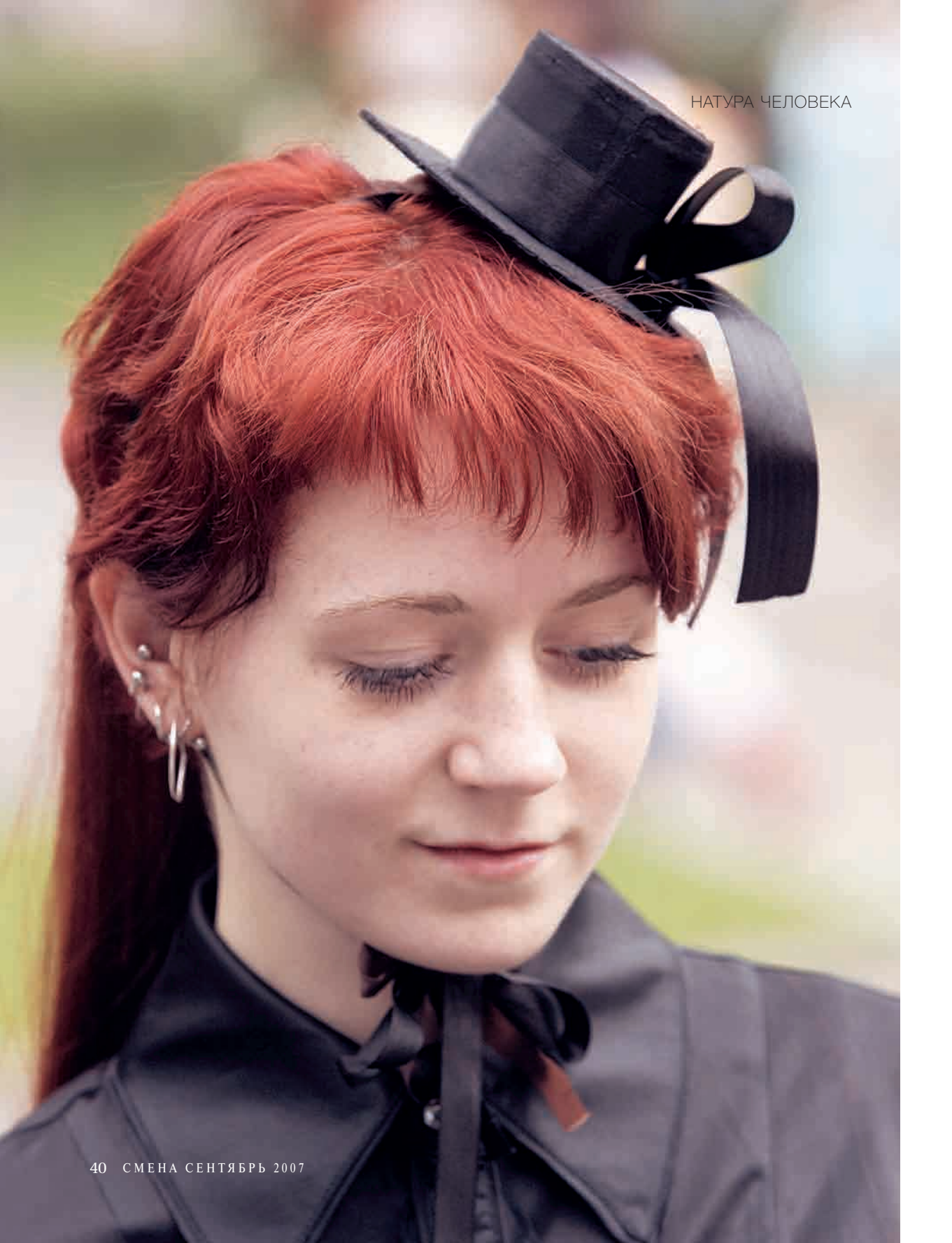
~ просто люди

~ просто люди

~ просто люди

~ просто люди

~ просто люди

Косплей (яп. *косупурэ*, сокр. от англ. *costume play* — *костюмированная игра*). Возник в Японии в среде фанатов традиционных мультипликационных жанров «аниме» и «манга», фильмов про самураев и фэнтези. Косплеер наряжается в костюм любимого персонажа, называет себя его именем, подражает ему повадкой и речью.

В Японии косплей успел стать частью национальной культуры и обыденной жизни: праздник косплея совершается на презентациях видеоигр, на различных фестивалях.

Во второй половине 80-х косплей вышел на международный уровень в форме специальных фестивалей (косплей-конов), а также в виде секций косплея на крупнейших аниме-конах.

А в России, как ни удивительно будет узнать непосвященному читателю, косплей существует

уже давненько, проводятся, пусть пока еще робкие, фестивали и формируется особый, «российский» стиль общения косплееров, какого нет на родине движения «играющих в костюмы».

Например, наши косплееры разыгрывают между собой целые импровизированные спектакли, что почти отсутствует в Японии, где косплееры сосредотачивают все свои усилия на качестве собственно костюма, не пытаясь поддержать свой выбор персонажа средствами театрализованного поведения. Так что, там любопытная форма культурного досуга так и осталась поводом похвастаться своим портновским мастерством или достатком.

А у нас — это целая жизнь!.. Странная, яркая, радостная. И люди вокруг просто шалеют. Дело было в Александровском саду в июле.

БОЛЬНАЯ ТЕМА

В седьмом номере «Смены» мы рассказали о ребятах, проходивших реабилитацию в Спасо-Преображенской обители в станице Темнолесской. Роман Васильев, герой нашего рассказа и главный консультант, предлагал посетить женскую часть сообщества.

Поначалу мы боялись. Боялись увидеть следы разрухи, что остается в душах, на лицах и всей жизни женщин, попавших в героиновый капкан: женский организм быстрее отключается от нормальной жизни, быстрее втягивается в болезнь, быстрее разрушается и перестает существовать вообще.

И все же мы, наконец, решились добраться до центра по реабилитации женщин, расположенного в Михайловске.

Огромный двухэтажный дом. Он достался центру самым необычным образом и заслуживает отдельного рассказа. Несколько лет назад возводился для единственного сына из одной небогатой семьи. Единственный сын, надежда и опора, стал наркоманом. Родители вступили в борьбу за сына, борьба была неравной. До тех пор, пока не познакомились с Николаем Новопашиным и с реабилитационным центром: парень прошел курс реабилитации, отказался от наркотиков, женился. А дом, символ потерянной и обретенной надежды, родители решили сделать приютом для наркозависимых ребят.

Когда в центре появились наркозависимые девушки, дом решили отдать им.

...Гостиная, кухня, ванная, зеркала, большой телевизор, спальни, рассчитанные на двоих-троих. Все это напоминает «пансион благородных девиц». Здесь проходят реабилитацию восемь девушек. Среди них особо выделяются две: Диана и Лена.

Диана — девушка редкостной красоты.

«Я до восьми лет жила в Болгарии. Папа — болгарин, мама — русская. Папа — любитель казино и развлечений... Мне его беспешабашность передалась. Курить начала с двенадцати. Прямо шиком особенным казалось пройти по улице, расталкивая всех, с сигареткой в руке. Потом ко мне парень из Москвы приехал, байкер. Мне вообще с мальчишками

Наталья Буяева

Путь ДОМОЙ

легче давалось общение. С ними же и начала таблетки пить. Мама знала, что со мной происходит, боролась, но разве в этом дурацком возрасте мы на мам обращаем внимание? Нет, конечно... Я напилась дряни одной, отравилась. После этого попала в психиатрическую больницу. Когда выписалась, вообще с катушек слетела: стала воровать. Золото, кошельки, все, что угодно, лишь бы отравы еще какой найти, чтобы кайф словить. Деньги, золото сдавали некой Тане, ее все знают, и получали за них 20-30 таблеток. Организм требовал чего-то еще, и я перешла на амфетамины. Здоровья уже не было совсем, и я понимала, что конец уже где-то близко... Резала вены, думала, что так приближу этот самый конец... А потом начались обмороки. К тому времени объявился мой отец, предложил приехать к нему в Италию... А я уже познакомилась с Колей Новопашиным и поменяла Италию на реабилитационный центр».

Лена ...Маленькая, беленькая, худющая, вся в каких-то фирменных, болтающихся на ней одеждах. Старательно размазывает прозрачным пальчиком кетчуп по куску хлеба, и, кажется, что ее-то сюда случайно занесло. Ей 23 года, наркотический стаж — лет восемь... Начала, как и большинство наркоманов, на дискотеке. Причем начала сразу с героина. И все, пошло-поехало.

«Я за это время все перепробовала: и нюхала всякую дрянь, и колола, все, что находила... Мои родители — люди очень состоятельные, семья многое могла себе позволить. Вот я и тусовалась то по клубам, то по компаниям разным, особо не стесняясь в средствах...»

Наркотики не сразу проявились на внешности девочки, и только лет через пять уже ежедневного употребления родители поняли, что дело — не просто плохо, а где-то впереди маячит черный тоннель для их ребенка. Возили ее по клиникам, платили громадные деньги... «А что клиники? На другой день после выписки появлялся какой-нибудь «друг» с дозой... Папа узнал про реабилитацию при церкви, нашел Новопашина — и привез меня сюда... Не-е-е, ну, вы представляете? Меня в лучших клиниках лечили, со всеми мыслимыми удобствами... А тут — туалет на улице!!! Знаете, мы

ведь только тут задумались о том, что Бог есть... Что я, хоть и неразумное, но Его дитя...»

Порядки в доме — строгие, но девочки подчиняются им безропотно, даже весело. Рано вставать. Молитва. Дежурства. Узнают, кто дежурил, по качеству стряпни. Лена продолжает: «Я по родителям очень скучаю. Но нельзя с ними видаться два месяца. Порядок такой. Письма пишу... Знаете, как они постарели за все это время? Я это вдруг заметила, когда к нам перестали гости приходиться... Звонить перестали. Когда мама перестала улыбаться... Я не знаю, что со мной будет дальше. Пока здесь буду. Возвращаться домой не хочу. Боюсь... Может, в православный институт пойду...»

Юлька. Что сорвало ее родителей с Севера, где у них было все: город, квартира, бизнес, разумное мироустройство? Нет, приехали на юг, встретивший их неласково. Поселились в селе, чуждом во всем. Юлька встретила Томку, та предложила попробовать «винт», и «свинтило» ей мозги моментально. Человек под «винтом» может не спать несколько суток, а потом просто умирает от перегрузок: сердце не выдерживает. Юля в центре — около полугода. И пока держится, надеется, что к прошлому не вернется. Но «на воле» у нее — тетка-наркоманка. В сорок лет начала!

К нам незаметно подошла симпатичная, какая-то по-деревенски уютная женщина. «А это — наша Люда-алкоголичка», — представила ее маленькая Лена. Люда криво усмехнулась: «Ну, да, алкоголичка! Не поверите. Пить начала в тридцать! Все у меня было: муж, ребенок, квартира, работа, все, что душа желала. Пить начала с подружкой, от безделья. Какой нормальный муж это выдержит? Забрал дочку, а мне «до свидания» сказал... Папа каким-то образом вышел на Стаса, старшего руководителя службы реабилитации. И вот я приехала сюда. Думаю, что все плохое позади... Сейчас меня уже к родителям отпускают, к дочке... Надеюсь, что есть жизнь впереди. Хорошая жизнь». В селе, где она живет, наркоманов много. Что за напасть, выяснять нет смысла.

Тамара проходит реабилитацию вместе с мужем. Он — в Темнолесской, она — в Михайловске. Будут вместе держаться, вместе строить новую жизнь.

«Однажды я чуть не села в тюрьму. Только с подругой начали варить мак, а тут и милиция. Открутились как-то... У нас — четыре точки, где можно купить наркоту. Все знают, да только не торопятся прикрывать. Слава Богу, с детьми хорошие отношения удалось сохранить, может, все и образуется теперь...»

Наташа не пережила смерти любимого мужа, начала пить. В сорок шесть лет спилась окончательно. Судьба дала ей шанс не погибнуть, остаться и мамой для детей, и дочкой для старой матери.

Лену на наркотики подсадил муж-наркоман. У них тогда только ребеночек родился, плакал, беспокойный очень был. Муженек предложил отдохнуть, забыться, сам вколол первую дозу. И все: забылась на долгих 14 лет. Не заметила в угаре, как подрос ребенок, как мама умерла, как жизнь пролетала мимо... Дважды лечилась, трижды судима... И самое интересное: муж давно перестал принимать наркотики, как будто перебросил свою болезнь на жену. А Лена только теперь проходит реабилитацию.

«Все — с молитвой. Бог творит чудеса! Ну, разве это не чудо? То, что я не умерла, что становлюсь нормальным человеком, женщиной, как будто просыпаюсь от сна... Дочке 14 лет моей, муж работает, жизнь у них там нормальная, но возвращаться боюсь: соседи кругом алкоголики».

Пришло время поговорить о старшей в этом гостеприимном доме, о Леночке Рудневой. Она приехала сюда из Липецка. Никогда не употребляла наркотики, и вообще далека от этого мира. А когда столкнулась с бедой, умер кто-то из друзей, — поняла, что ее место — рядом с ребятами, погибающими от наркоты. В Липецке Лена познакомилась с Николаем Новопашиним, он же ее сюда и сагитировал. Теперь она всем своим реабилитанткам и подружка, и сестрица, а кое-кому и дочка.

«Очень много забот. Привозят новенькую, а она ни на что не годится, плачет. Истерики закатывает или, наоборот, замыкается в себе... Некоторые себя клянут последними словами. Приходится

учить снова держать зубную щетку... С этого малого и начинается у наших девочек новая жизнь. А ведь нужно и дом в порядок приводить. Он-то еще недостроенный... Нужно и штукатурить, и полы перекрывать, и много чего еще. Да мы и сами сможем, было бы чем ремонтировать. С едой более-менее нормально. Лишь бы родные платили. У нас сейчас платежеспособные только трое, с этого и живем. Девочки забыли, что такое мясо. Спасаемся тем, что мамы заготовили. Вот огород разработали, засеяли, будет подмога для стола. И новенькие придут уже не на пустое место. Как-то к мальчикам приехал один предприниматель, привез холодильники с пельменями. Теперь и нам регулярно поставляет продукты. А то был бы у нас тут вечный пост».

Диана, погруженная в свои мысли, вдруг прерывает Лену: «Знаете, что обиднее всего? Мы ведь себя крутыми считали, когда за школой таблетки жрали и курили всякую дрянь!.. А теперь оказалось, что правы были «ботаники»... Они вон в институтах учатся, в банках работают, все при деле... А мы?..»

Как же сложилась судьба у наших прежних героев?

Великолепный Валера, наркоман с двадцатилетним стажем, сейчас старший по центру в Михайловске. Он изменился, приосанился. Командир, спокойный, с тихим, но очень убедительным голосом.

Роман — он везде. Перетекает, как вода из колбы в колбу: то в один центр нужно что-то перевезти, то в другой кого-то отправить. В общем, при деле.

Тимка-Сметана, белобрысый мальчуган, подобранный умирающим на улице, живет все там же, в центре. Пока, к сожалению, с мальчиком справиться не удастся. Почему? Да потому, что рос дикарем, мать не помнит, документов нет. Если бы не ребята, сразу же распознавшие в умирающем ребенке «своего», уже и Сметаны бы не было. Учиться не хочет по-прежнему. Старшие научили читать, писать. И все. В школе, где он имел возможность учиться, о Тимке вспоминают, как о страшном сне. Такие дела...

Леша Грек — прекрасный семьянин, воспитывает дочь, маленького ангелочка.

Денис сейчас зарабатывает новый, рабочий стаж: делает ремонты высокого класса.

Некоторые остались в центре, получают высшее образование в Армавирском православно-социальном институте. Кто-то просто боится выходить в мир... Были, к сожалению, и такие, кто не выдержал спартанских условий жизни, сорвался.

Но, в основном, ребята держатся. На всю жизнь остались в душе уроки чтения Библии и слова: «Попа в беду, мы не пропали. Нас

взял под свое покровительство сам Господь. Дал нам

шанс, который мы не имеем права потерять! Нет смысла в жизни, если нет в ней цели».

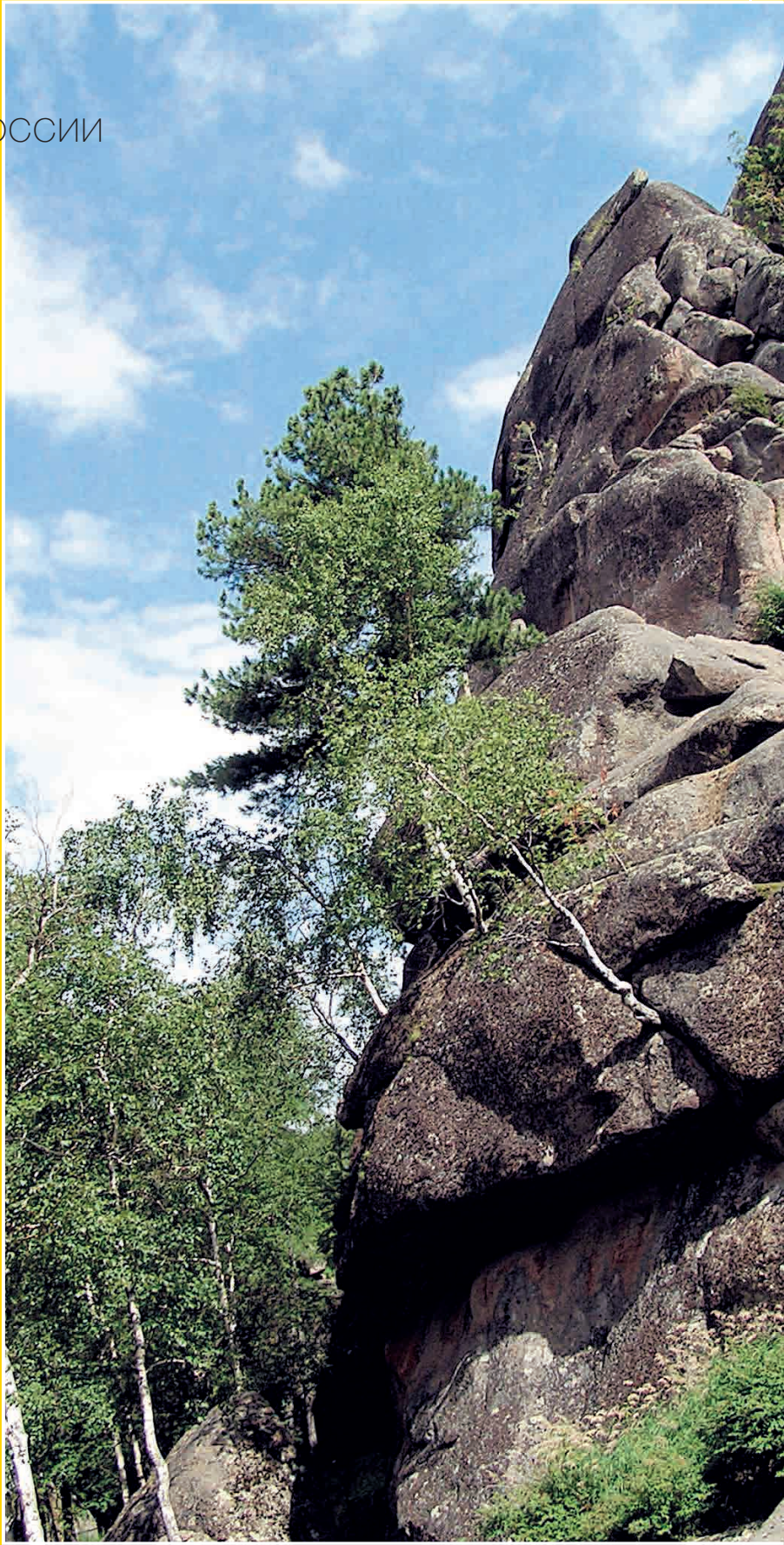
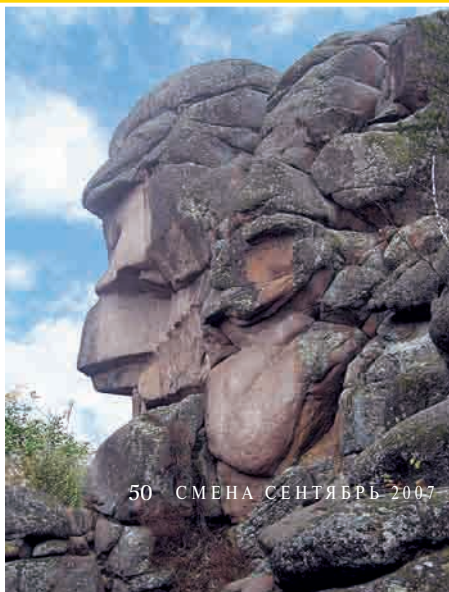
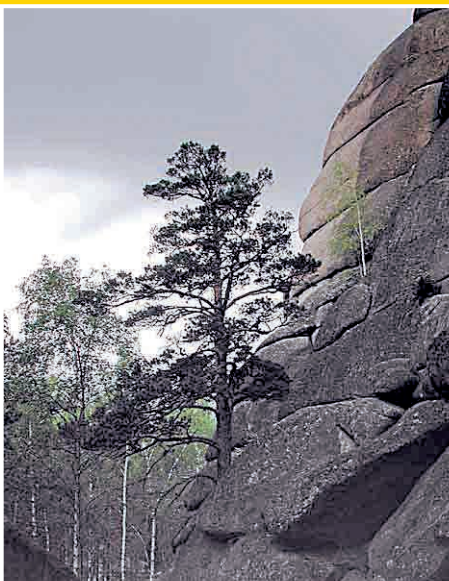
Особенность возвращения к жизни наркоманов заключается в том, что никто по году не сидит на одном месте. Два месяца, и все: переходи в новый центр. В одном тебя поддержат. Научат простым вещам: спокойствию, послушанию, молитве. В другом — оздоровят организм. В третьем — воцерковление. Нет здесь врачей, нет особых палат. Зато есть братство: не захочешь, не пропадешь. Будешь учиться, работать. Можно и здесь, в отделениях центра. Так сейчас живут Анатолий, мастер спорта, Давид — чемпион мира по борьбе, Гриша — троеборец. Все — спортсмены. Все — бывшие наркоманы. Помимо работы в центре, они много времени уделяют и профилактике: выступают в школах, в профтехучилищах, проводят лекции и беседы, на собственных примерах доказывают: жить нужно. И жить без наркотиков, без алкоголя, без рулетки и «одноруких бандитов».

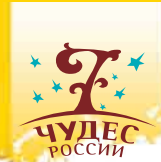
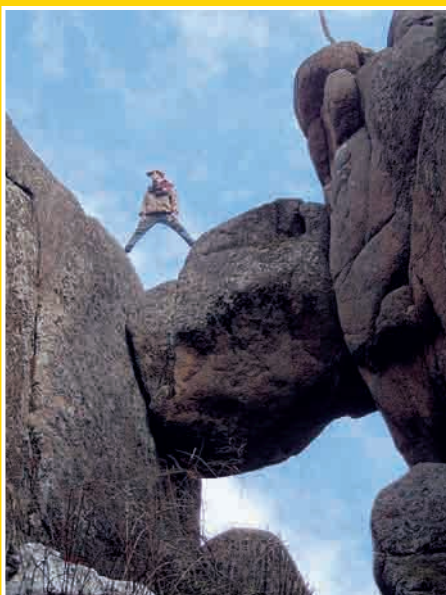
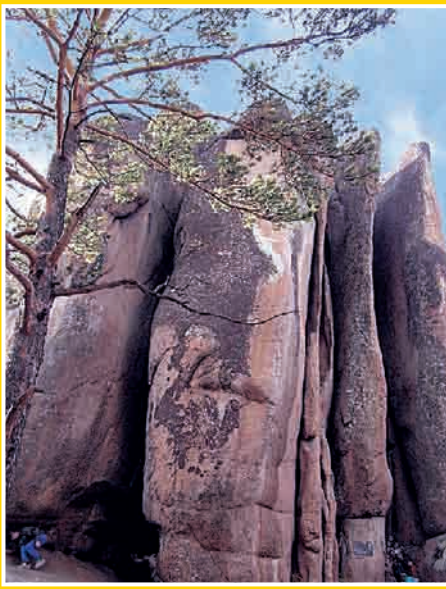
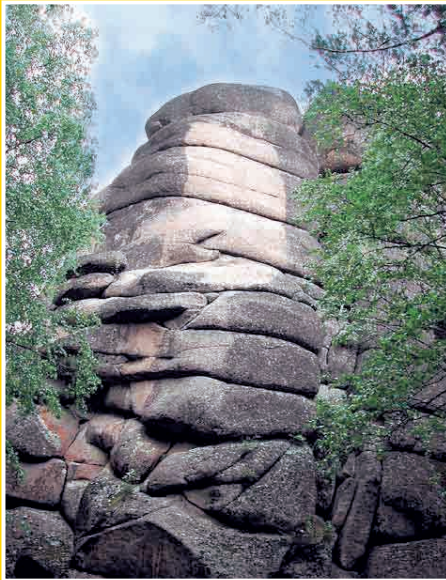
К сожалению, у реабилитационных центров — туманное будущее. Денег катастрофически не хватает. Николай Новопащин говорит: «У нас подавляющее большинство — «бесплатники». Нет, мы всех предупреждаем: нужны деньги. Ничтожно маленькие по сравнению с клиниками. Но как отказать старой матери, уже растратившей все, что только можно, обобранной сыном-наркоманом? Да не могу я так! С другой стороны: приходит бабушка с двумя индоутками. А зачем они? Я же ими за газ не расплачусь, верно? Боюсь, что однажды вся наша затея с реабилитацией провалится: просто не выдержим тотального безденежья. У нас же народ взрослый, его кормить надо... Пока крутимся, но... Сами понимаете».

Понимаем. Хорошо понимаем, что могут потерять и ребята с ломанными судьбами, и их отцы и матери. Может, если хотите, потерять и страна, для которой, к сожалению, этот опыт — пока единственный...

СЕМЬ ЧУДЕС РОССИИ

Красноярские Столбы

Близ города Красноярск расположены необычные и необычайные по своей притягательной красоте горы. Их гладкую поверхность словно долгие века ласкало море. Поджарые, устремленные в небеса, они удивительно напоминают столбы. Многие из скал, а их более ста, названы по образу, который они напоминают. Так, столб «Дед» напоминает четко очерченный профиль старца, «Сторожевой» – мужичка в кепке, правда, издали его практически не видно, но на то он и сторожевой, чтобы быть незаметным. Примечательны и другие – «Перья», «Львиные ворота», «Жаба». Заповедник «Столбы» был основан в 1925 г. по инициативе жителей Красноярска для сохранения этих живописных сиенитовых останцев, расположившихся на северо-западных отрогах Восточного Саяна между притоками Енисея – Базаихи, Маны и Большой Слизнаевой. Скалы высотой до 90 м, существующие более 600 млн лет, в наши дни стали местом объединения многих творческих людей. Сюда приходили покорять вершины, но уходили с покоренными сердцами. Сложные для восхождения горы способствовали созданию выдающейся школы скалолазов и альпинистов мирового уровня. В августе этого года альпинисты, активисты движения «столбисты», приступили к озеленению скальной площадки заповедника «Садик», выгоревшей по неосторожности туристов. Еще несколько лет назад там росли столетние кедры, теперь дождями вымывается земляной слой. И это – не единственный пример.

*В. Свердлова,
г. Железногорск, Красноярской обл.*

ИГРЫ ВЗРОСЛЫХ

Игроки находятся по разным сторонам сетки. Один из них — подающий, вводит мяч в игру. Второй — принимает подачу. Задача игроков — направлять мяч ударами ракетки на сторону соперника, попадая при этом мячом в границы корта. Игрок должен успеть, в свою очередь, ударить по мячу, пока тот не коснулся корта более одного раза. Игрок, допустивший ошибку, проигрывает, а его соперник набирает очко. Таковы правила игры в теннис.

Алексей
Кузнецов

По разные
стороны
сетки

Ракетка победителя

Когда в начале 2004-го года в финале Открытого чемпионата Австралии встретились две бельгийские теннисистки Жюстин Анен и Ким Клейстерс, мало кто мог предполагать, что остальные турниры Большого Шлема и итоговый турнир Женской теннисной ассоциации (WTA) останутся за россиянками. Красивая и уверенная игра Анастасии Мыскиной во Франции, напор, мощь и тактическая гибкость Светланы Кузнецовой на Открытом чемпионате США, изящество, вкупе с неотразимой нахрапистостью Марии Шараповой в Уимблдоне и Лос-Анджелесе, участие Елены Дементьевой в двух финалах Большого шлема и Веры Звонаревой в итоговом турнире, блестящая игра Надежды Петровой сделали Россию лидером мирового женского тенниса. Правда, в том году сильнейшие американки и упомянутые бельгийки много турниров пропустили из-за травм.

Отбить мяч

Между тем в последнее время все чаще критикуют российских теннисистов. Стрелы летят в адрес спортсменов и «лично» Шамиля Тарпищева, президента Всероссийской теннисной ассоциации. Критикуют и качество игры, и качество организации. Успехи объясняются тем, что на тот момент, когда Россия вышла в лидеры, американские и бельгийские теннисистки находились в плохой форме или были травмированы. Заметим, что это не помешало Жюстин Анен стать олимпийской чемпионкой Афин.

Отчасти эта критика справедлива. На фоне прошлогодних достижений нынешние успехи выглядят скромнее, и россиянкам приходится серьезно подвинуться в рейтинге. Тем не менее за последние 52 недели и за текущий календарный год в рейтингах мирового тенниса всегда присутствуют по 3–4 россиянки.

Разве не считать победой выступление на недавнем Открытом чемпионате США Елены Дементьевой, выбившей в четвертьфинале безусловного фаворита турнира американку Линдсей Дэвенпорт и подарившей этим Марии Шараповой звание первой ракетки мира?

Русского финала в Нью-Йорке тогда не получилось — Шарапова и Дементьева полуфиналы проиграли, но разве участие в полуфинале Открытого чемпионата США — не показатель высочайшего класса российских теннисисток на мировом уровне?

При известных проблематичных взаимоотношениях Шараповой с Российской сборной она, тем не менее, во второй раз выиграла Кубок Федерации и близка к третьей победе. Мужчины же стали победителями Кубка Дэвиса. Количество сильных представительниц России в мировом теннисе столь велико, что случайно это назвать невозможно, представляется, что это — результат некой целенаправленной деятельности руководства российского тенниса.

Не парная игра

С наступлением Открытой эры общество окончательно определилось с отношением к спорту как к высокопрофессиональной области человеческой деятельности. Однако международное олимпийское движение находилось на грани финансового и политического краха. Расходы на проведение Игр росли неимоверными темпами, а доходов бы-

Анастасия Мыскина выиграла Открытый чемпионат Франции, Светлана Кузнецова — Открытый чемпионат США.

ло немного. Слишком идеалистичными оказались тезисы Пьера де Кубертена, основателя современного олимпизма. Две летние Олимпиады — 1980 года в Москве и 1984 года в Лос-Анджелесе — были на грани срыва. В знак протеста на ввод советских войск в Афганистан в Москву не приехали сильнейшие атлеты из «капиталистического лагеря». В ответ на это в Лос-Анджелесе не увидели спортсменов из стран социалистического блока.

Испанец Хуан Антонио Самаранч, вставший во главе Международного олимпийского комитета в 1980 году на конгрессе МОК в Москве, принял чуть позже единственно верное решение, взяв курс на коммерциализацию современного олимпизма в частности и спорта вообще, того спорта, что ранее стыдливо назывался любительским. Допуск на Игры профессионалов дал международному спорту и источники финансирования, и новых спортсменов, и новых зрителей, и спонсоров.

В теннисе это выразилось в создании двух серьезных конкурентов для Международной теннисной Федерации (ITF): Ассоциацию теннисистов-профессионалов (АТР) и Женскую теннисную ассоциацию (WTA). Они

Достоверно не известно, кто изобрел теннис. Принято считать, что родоначальником игры был майор Уолтон Вингфилд, придумавший игру для развлечения гостей на приемах в своем особняке в Уэльсе. В 1873 г. он опубликовал правила игры, взяв за основу зародившуюся в XII в. во Франции игру реал-теннис. В июле 1877 г. в Уимблдоне был проведен первый турнир по лаун-теннису, открытый для всех желающих. Стоимость участия составляла 1 фунт стерлингов. В 1888 г. была основана Ассоциация лаун-тенниса (LTA). Начиная с 1920-х гг., профессиональные теннисные игроки зарабатывали деньги, выступая в показательных матчах перед публикой. В течение 40 лет профессиональный и любительский теннис были строго разделены. Как только игрок становился «профессионалом», он не имел более права выступать в любительских турнирах. Но в 1967 г. LTA положила этому конец, и в теннисе наступила так называемая Открытая эра. Теперь все игроки имели право выступать в любых турнирах, а лучшие теннисисты обеспечивали свою жизнь выступлением на соревнованиях. Теннис долгое время был распространен в Австралии, Великобритании, Франции. С наступлением Открытой эры и появлением федераций тенниса в разных странах мира, теннис получил развитие в разных частях света и потерял имидж спорта привилегированных классов.

взяли курс на то, чтобы спортсмены-профессионалы могли сами, а вернее, через эти организации, строить свою жизнь в спорте. АТР и WTA смогли наладить новые турнирные циклы, выстроить их оптимальный график с учетом старых турниров, привлечь спонсоров и телевидение. Теннис стал высокодоходным предприятием. Причем и для игроков, чьи гонорары возросли в несколько раз, и для организаторов, выгодно продающих рекламное время и права на телетрансляции.

Одним из краеугольных камней нового теннисного миропорядка стало создание в 1978 году Теннисной Академии Ника Боллеттиери (NBTA) во Флориде и других многочисленных центров подготовки. Полностью профессиональная система обучения требовалась, чтобы бесперебойно поставлять на теннисный рынок все новые и новые таланты. Само по себе коммерческое предприятие, Академия стала частью коммерческой теннисной структуры всего мира. И на ее примере по всему миру стали возникать другие академии.

Не прогадала и Россия. В начале 1990-х гг. советник спорта Тарпищев сделал теннис не только популярным видом спорта, но и относительно прибыльным. Результатом стало массовое пришествие в теннис молодежи и интерес родителей, старавшихся отправить отпрысков в престижную теннисную академию в Америке или Испании, так как в стране чувствовалась нехватка кортов и преподавателей. Тарпищевым же организуется и Кубок Кремля. Влияние этого турнира на развитие тенниса в стране было неоспоримым: перед глазами молодых появ-

лялось все больше звезд мирового уровня, которые уже не казались небожителями. Так, Елена Дементьева, работавшая девочкой, подающей мячики, однажды дала себе зарок играть на турнирах Кубка Кремля и выигрывать. Субъективизм? Конечно! Но множество достижений как раз и случается по вполне субъективным причинам.

Однако сегодня поколение талантливых девочек, способных играть на мировом уровне, приближается к своему критическому возрасту, требующему ухода из большого спорта. В мужском американском теннисе — та же проблема.

Спустя около 20 лет можно констатировать, что стремление юных теннисистов во Флориду и иные школы усиливается, приобретая необратимый характер. Теннисное путешествие все чаще становится «дорогой в один конец». Теннисные звезды не только играют, но и живут на Западе и далеко не все из них играют за сборные России. Самым ярким примером стало отсутствие в команде Марии Шараповой. Но есть и обратные примеры: Елена Дементьева училась и тренировалась в Москве и стала известной теннисисткой.

Что же мешает созданию таких же центров в России? Отчего из страны уезжают многие талантливые спортсмены? Отчего многие возвращаются?

Несмотря на солидный призовой фонд Кубка Кремля (более 2 млн долларов), лучшие мировые игроки в Москву едут неактивно. Проблемы московского турнира, как показали итоговые чемпионаты мира WTA и АТР, — проблемы мирового тенниса в целом.

**Мария Шарапова
в 2004 г. выиграла
Уимблдонский
турнир и итоговый
турнир года
WTA.**

17-летняя Мария Шарапова после своей исторической победы на Уимблдоне 2004 года была обречена на успех и на пристальное внимание к своей персоне. Пройдя через обвинения в непатриотичности, светскости, склонности к модельному бизнесу, Мария уже заработала свои миллионы, сделав это благодаря успеху на своем главном поприще — на теннисном корте. Ее сравнивают с Золушкой, попавшей на вселенский теннисный бал благодаря не только своим заслугам, но и пронизательности и влиянию папы. Что ж, Маша смогла сторицей вернуть папе все долги.

В Лос-Анджелесе, где теннисная публика едва ли не самая признательная и благодарная в мире, зал во время матчей группового турнира итогового теннисного чемпионата мира среди женщин заполнялся едва ли на треть.

Коммерческая составляющая этих турниров натолкнулась на скрытое сопротивление главных участников действия — спортсменов, вскоре понявших, что силы — не беспредельны, риск травмы увеличивается, и все вместе приводит к потере спортивного результата. После чего и зрители, и телевизионщики, и спонсоры задаются логичным вопросом — за что платить-то? Чемпионаты мира превращаются в откровенную профанацию идеи — идеи тенниса по гамбургскому счету.

Как измотаны спортсмены длинным и тяжелым сезоном. Как устали от чересчур назойливого внимания прессы. Как мечтают быть спортсменами, а не политическими игроками.

Российские спортсмены, став «гражданами мира», также стараются избегать слишком большого участия в турнирах. Для многих явно неинтересными стали командные состязания — Кубок Дэвиса у мужчин и Кубок Федерации у женщин. Эти турниры остаются под эгидой ИТФ. Изменить положение дел не удается, даже при условии, что участие в игре своих сборных является необходимым для попадания на Олимпийские игры.

«Травмы» Марии

В этом смысле не самой типичной, но очень яркой для понимания проблем российского тенниса остается ситуация с Марией Шараповой.

Федерация тенниса России (ФТР) еще перед афинской Олимпиадой 2004 года не сделала практически ничего, чтобы позволить Шараповой сыграть. Дело в том, что от страны на Играх имеют право выступить всего две теннисистки в индивидуальном разряде и лишь те, кто не менее двух раз играл за свою сборную в розыгрыше Кубка Федерации. Шарапова за сборную не играла, но по-прежнему во всех интервью подчеркивает,

что Россия — ее Родина, что она выступает под российским флагом и готова сыграть за сборную. Более того, она активно участвовала в кампании по выдвижению Сочи на право проведения Олимпиады 2014 года. Между тем Шараповой в сборной России нет. Еще пара лет такого невнимания и российские поклонники тенниса увидят в стартовом листе очередного Уимблдона строку Maria Sharapova, USA.

До недавних пор Мария рассматривалась как один из самых серьезных кандидатов на «золото» Пекинской Олимпиады 2008 г. Вопрос был лишь в том, под каким флагом будет она выступать. Отсутствие ее в составе российской сборной выглядит слишком нарочитым. Причины, которые приводились руководством сборной, менялись споро.

Мария сама не хочет, есть разногласия с ее отцом и тренером, состав сборной сбалансирован, Анастасия Мыскина не желает играть с Шараповой в одной команде, травмы Марии.

Почему российская команда отторгает удачную спортсменку?

Почему заявления Марии о желании играть за Россию и отсутствие претензий к теннисисткам и к руководству сборной воспринимаются сдержанно и недоверчиво? Не потому ли, что спонсоры платят Шараповой крупный гонорар за отсутствие в российской команде? Сыграв за Россию один матч, Шарапова три года не сможет представлять другую страну. А ведь уже всю обсуждаются варианты предоставления ей гражданства США.

Мировая спортивная и, в частности, теннисная системы давно требуют пересмотра в сторону меньшей привязанности к гражданству, подданству и паспортам. Не стали же великие фигуристы, двукратные олимпийские чемпионы Людмила Белоусова и Олег Протопопов менее талантливыми людьми и спортсменами оттого, что прожили в Швейцарии 13 лет после эмиграции из СССР. Но это означало бы стирание политических и государственных границ. Утопия?

МИРА ЗДАНИЕ

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетает на Земле человека. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей.

Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»

Надежда Болгова

БОГОЧЕЛОВЕКИ

благородство евгеники

XX век обнаружил несостоятельность идеи создания сверхчеловечества. XXI создает сверхчеловека.

Знает любой селекционер: чтобы создать новую породу с улучшенными свойствами, нужно выбраковать примерно 95% особей. Худшие не должны участвовать в размножении — таков принцип любого отбора.

Термин «евгеника» (от др.греч. *Eugenius* — благородный) изобретен английским психологом и антропологом, двоюродным братом Чарльза Дарвина, Френсисом Гальтоном и представлен публике в 1865 г. в статье «Наследственный талант и характер».

Гальтон утверждал, что интеллектуальные способности наследуются так же, как и физические. Подбором родительских пар можно превратить высокий интеллект из случайного качества в постоянное. Необходимость селекции он обосновывал тем, что цивилизация предъявляет все более высокие требования к умственным способностям людей.

Тем самым евгеника должна содействовать размножению рас, наиболее способных мыслить и подниматься по ступеням высокой цивилизации, вместо того, чтобы

оказывать помощь слабым и задерживать размножение сильных и энергичных личностей.

Создав общественную среду, человечество невольно сгладило жестокость естественного отбора. Цена, которую нам, в конечном счете, придется заплатить за успехи современной медицины, – увеличение частоты ряда неблагоприятных генов, чье действие мы научились смягчать.

Как и всякое явление этого мира, евгеника имеет свою обратную сторону. Первоначально благостная идея увеличения воспроизводства людей с признаками наиболее ценными для общества (высокий уровень интеллекта, развитая физическая форма), воплощенная в жизнь, обозначила свое истинное лицо, а именно – неизбежное уменьшение воспроизводства с последовательным повсеместным уничтожением тех, кого сочли недоразвитыми умственно или физически.

Люди, подорвавшие свое здоровье неправильным образом жизни, дают духовно неуравновешенное, истеричное потомство. Во втором поколении появляется умственная отсталость, эпилепсия, алкоголизм. В третьем – душевные болезни, самоубийства. В четвертом – идиотизм, уродства, бездетность, прямо ведущие к смерти рода.

О. Морель, французский психиатр (1808–1873)

Наследственность определяется генами. Каждому гену, унаследованному от матери, соответствует аналогичный ген, унаследованный от отца. Наличие одинаковых пар генов обозначается как гомозиготное. Различных – гетерозиготное, где доминантный ген влияет на определяемый признак. Проявление второго гена (рецессивного) будет скрыто, но он без изменений будет передаваться из поколения в поколение, и однажды проявится. Выбор определенного гена из каждой пары – случай.

Характер, интеллектуальные способности человека определяются не двумя генами, а особой комбинацией доминантных генов, возможно, вместе с некоторыми гомозиготными рецессивными генами. Чем большее число генов определяет данный признак, тем меньше вероятность передачи их конкретной комбинации в неизменном виде следующему поколению.

Мы считаем себя вправе ограничить свободу неполноценных запрещением браков. Но самым легким и самым верным способом предотвращения размножения таких особей является оперативная стерилизация, мера, которая во многих случаях может быть признана менее противоречащей личным интересам соответствующих особей, чем запрещение браков и многолетнее заключение.

«Современное состояние вопроса о стерилизации в Швеции»

«Вырождение», по Морелю, стало основой отбора кандидатов на принудительную стерилизацию и эвтаназию.

В 1922 г. депутат шведского рейхстага, государственный инспектор по презрению душевнобольных доктор Перрен внес предложение: выработать условия, при которых разрешается стерилизация слабоумных, душевнобольных, эпилептиков. Проект прошел комиссию и был одобрен обеими палатами.

Шведские евгеники опирались на опыт США, где принудительная стерилизация к тому времени уже была законодательно оформлена и применялась во многих штатах. До 1920 г. в Америке зафиксировано 3233 случая принудительной стерилизации.

Программа эвтаназии «Т-4» или «Акция Тиргартенштрассе, 4». Название программа получила по адресу главного бюро по координации программы в Берлине. 9 октября 1939 г. числом потенциальных жертв программы было уста-

новлено 70 тысяч человек. Целями акции провозглашалась борьба за уничтожение людей с неизлечимыми наследственными заболеваниями, ликвидация содержания которых значительно экономила бюджетные средства. В рамках программы «Т-4» впервые (еще до применения в концентрационных лагерях) нацистами были использованы газовые камеры.

Идея социального управления эволюцией человека — не нова. Многие народы древности практиковали детоубийство с целью избавить общество от страдающих различными рода отклонениями индивидов. Так, спартанцы применяли многие из вполне современных евгенических мер: для членов господствующего класса эмиграция была ограничена, браки и рождаемость поощрялись государством, холостяки облагались налогом. Суровая система физического воспитания «отбраковывала» слабых. Устраивались массовые избиения для снижения численности считавшейся неполноценной части популяции. Однако история Спарты не может похвалиться хотя бы одним примером

Этот больной за время жизни обходится народу в 60 тысяч рейхсмарок. Гражданин — это твои деньги!

Из пропаганды убийства неполноценных людей в нацистской Германии

Существует только один стыд: будучи больным и ущербным, производить на свет детей, и наивысшая доблесть — отказаться от этого. И наоборот, следует считать обязанностью производить здоровых детей нации. Государство должно служить гарантом тысячелетнего будущего нации, по сравнению с которым желания и способности отдельных индивидов — ничто. Оно должно поставить на службу этой задаче все новейшие средства медицины.

Адольф Гитлер, Mein Kampf

Устройство евгенического государства по Гальтону

Евгенический контроль населения осуществляется специальной коллегией специалистов, должной оценивать наследственные физические и психические качества индивида и выносить вердикт пригоден/не пригоден к размножению. Лица, не выдержавшие экзамена, содержатся государством до тех пор, пока соблюдают запрет на потомство.

Нарушителей принуждают эмигрировать из страны. Принудительной сегрегации подлежат лишь душевнобольные. Рождение ребенка «выбракованными» родителями рассматривается как евгеническое преступление, даже если ребенок оказывается здоровым, без физических и психических отклонений.

Это — необходимые меры, призванные поднять уровень способностей бу дущих поколений.

талантливого человека, прославившегося в сфере науки или искусства. Они воспитывали воинов.

Также Платон в «Государстве» высказывал идеи евгенического устройства общества.

В 1927 г. на Берлинском конгрессе один из докладчиков, Р. Пир, показал, что 95 % выдающихся личностей имели фенотипически средних (или даже ниже среднего) родителей, которые при евгеническом режиме не получили бы права на воспроизводство потомства, и многие из ценных «особей» не появились бы на свет.

Провал евгеники оказался столь очевидным, что до сих пор генетики стесняются признаваться в евгенических склонностях. Несмотря на то, что евгеника основывается на генетике, наукой не является, так как руководствуется, прежде всего, социальными ценностями.

С момента начала эры контрацепции и легализации

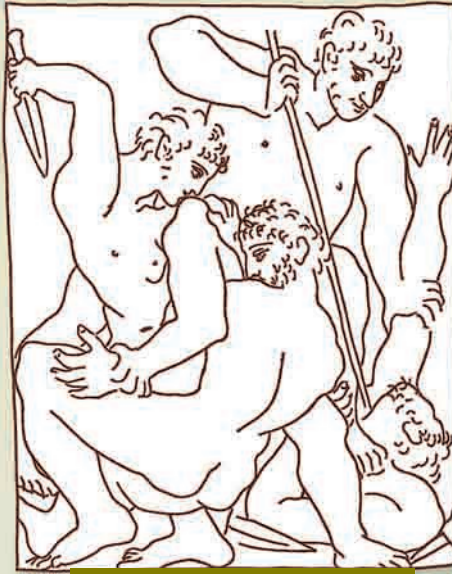
~ смена представлений

абортов ребенок перестал быть просто даром. Он, так или иначе, запланирован.

Трансплантология, новые репродуктивные технологии (искусственная инсеминация, оплодотворение в пробирке), контроль рождаемости (абортирование и контрацепция), генодиагностика, генная инженерия, генотерапия, генетическая идентификация личности, психофармакология, реаниматология — эти новые области медицины требуют от человека не только постановки вопросов о моральности и аморальности, легальности и криминальности при вторжении в область, прежде не подвластную человеческому регулированию, но и понимания глобальной сути происходящего и возможных последствий. «Принципиальная неконтролируемость и непредсказуемость последствий радикальных манипуляций на фундаментальном

Евгеника указала на некоторые явления, несомненно, заслуживающие внимания. Она количественно показала, как на потомстве отражается алкоголизм или венерические болезни родителей. Было проведено несколько важных исследований наследственности слабоумия. Евгеника накопила немало интересных фактов, но оказалась совершенно несостоятельной, когда захотела делать обобщения.

Дионео (Н. В. Шкловский).
Из Англии. Звериная психология

Независимо от Г. Альтона в 1866 г. в России В.М. Флоринский обосновал ту же идею улучшения человеческой породы селективными методами и «социального управления эволюцией человека» (Келликотт). В 1920–1921 гг. в Советском Союзе было создано Русское евгеническое общество, оно же выпускало и специальное издание по евгенике «Русский евгенический журнал». Центром дискуссий стали практические меры государственной евгенической политики: материальное поощрение ценных производителей, например, заработная плата, изоляция с разделением содержанием полов, стерилизация нежелательных производителей, эвтаназия неполноценных. Деятельность евгенистов в СССР к концу 20-х годов XX в. была прекращена. Но основы генетики были заложены именно основоположниками этого общества.

Люди, как реки: вода во всех одинакая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. <...> Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских.

Л. Н. Толстой.
«Воскресение»

биологическом (включая геномный) уровне превращает игру в Бога в своеобразную русскую рулетку». — П. Д. Тищенко.

Подумайте только: учредить институты производителей, в которые будут отбирать сильных юношей и девушек, способных непрерывно рожать, которых там будут всему этому учить, а потом производителям-мужчинам будут давать зарплату чиновника высокого ранга. Фашизм поощрения многодетства.

Заемствованный из животноводства метод селекции предопределяет отношение к населению как к «стаду», где индивид всегда выступает лишь как средство для достижения надындивидуальных (расовых, государственных) целей и ценностей. В отличие от традиционной, евгеника нынешнего толка, называемая «либеральной», в качестве предмета воздействия избрала не генофонд нации, а геном отдельного человека. Неусыпное око государства теперь обратилось внутрь общества, в его «ячейку», направило свой взор на пару потенциальных родителей или

даже отдельного индивида, пожелавших создать свою улучшенную копию методом клонирования. Успехи геномики создают научное основание для идеологии либеральной евгеники.

Разрабатываемый метод репродуктивного клонирования позволяет исключить из процесса стадию «перемешивания» генетической информации, которую потомок получает от родителей. Тем самым снижается элемент случайности и возникает воз-

Теряется разница между природным и искусственным в телесной фактуре человеческого существа. Новая структура ответственности возникает вследствие стирания границы между людьми и вещами.

Юрген Хабермас

Технология репродуктивного клонирования делает ненужным само зачатие, лишая смысла основополагающие культурные символы женского и мужского. Широкое применение технологий пересадки эмбриона в матку матери разрушает связь между зачатием и половой близостью. Использование суррогатных матерей еще дальше уводит эротическую жизнь от деторождения. Сама же эротическая жизнь насковозь пронизывается медиализованными технологиями контроля потенции, влечения, секса.

У произведенного «в пробирке» ребенка может быть минимум три «матери» (биологическая, давшая яйцеклетку, выносившая в своей утробе и родившая, воспитавшая). Клонирование и планируемый в ближайшие десятилетия успех разработки «искусственной матки» создаст ситуацию, при которой станут рождаться дети, «вообще, ни в каком смысле, не имеющие» ни отца, ни матери.

Антони Гидденс, теоретик современной социологии

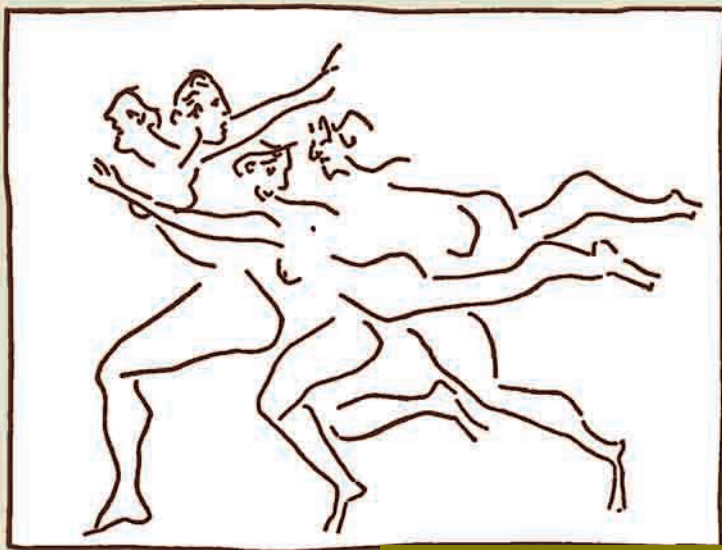
Английская программа практической евгенической политики 1925 г.

- Пресечь размножение безнадежно дефективных индивидов путем сегрегации или стерилизации, распространив ее на алкоголиков, рецидивистов, тунеядцев;
- Ограничить размеры семьи малопригодных родителей. Государство должно иметь возможность оказывать давление на такие семьи либо экономическим путем, либо посредством сегрегации;
- Вести контроль зачатий по определенным медицинским показаниям (для необходимого промежутка между появлением детей, для предупреждения серьезных наследственных дефектов) или из экономических соображений (бедность родителей);
- Организовать добрачные консультации для осведомления молодежи о последствиях выбора нездорового и неинтеллектуального супруга;

можность контролируемой передачи потомству генетически обусловленных качеств. Технологии терапевтического клонирования с целью получения эмбриональных стволовых клеток создают своеобразный «биологический конструктор», с помощью которого практически каждая часть человеческого тела может быть заменена «запчастью», изготовленной из клеток самого тела. С ее помощью можно будет продолжить евгеническую работу уже на стадии взрослого организма и устранить возможные «ошибки первого этапа» — естественного зачатия.

Создание «искусственной матки» еще больше повысит степень контролируемости процессов развития плода от момента зачатия до рождения, превратив самого новорожденного в биотехнологическое изделие, и приведет к «освобождению женщины от бремени репродуктивных функций» для творческой социально полезной деятельности...

В 2003 г. Френсис Коллинз, директор Американского института геномных исследований, объявил, что геномный атлас (полное описание нуклеидных последовательностей) завершен на 99% с высо-

чайшей точностью — одна возможная ошибка на последовательность 100 тысяч оснований.

25 декабря 2002 г. в рождественскую пятницу (по католическому календарю) СМИ сообщили о первом в мировой истории успешном опыте клонирования человека биотехнологической компанией «Клонэйд». У 31-летней американки родилась девочка весом около 3-х кг...

Сегодня «евгеника» в форме принудительной селекции человека поднимает голову!

Наивно полагать, будто генетика ушла далеко вперед в моральном, этическом, **человеческом** отношении своей «праматери» евгеники.

Всего каких-то полвека назад идея создания сверхчеловечества — план А — воплощенная в жизнь, подтвердила свою несостоятельность. Сегодня, в XXI веке, создаем сверхчеловека — план Б. Лишь взгляд переместился: не социум в целом, а индивид в частности.

Иллюстрации Пабло Пикассо

- Ввести пособия для семей — полноценных производителей;
- Легализовать положение незаконнорожденных детей;
- Реформировать налоговую систему, по принципу более выгодных условий для ценных производителей;
- Регистрировать население для составления родословных с указанием наследственных дефектов;
- Регулярно проводить антропологическое обследование молодежи (оценка расовых свойств населения);
- Уделять должное внимание евгеническому воспитанию и образованию;
- Не допускать иммиграцию лиц, могущих понизить расовые качества населения;
- С осторожностью относиться к расовым скрещиваниям до полного выяснения вопроса об их последствиях;
- Улучшить условия существования человека: следить за состоянием окружающей среды.

Документы, защищающие права человека и вмешательство в геном человека

- Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, ЮНЕСКО, 1997.
- Конвенция о правах человека и биомедицине, Совет Европы, 1997.
- Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, ЮНЕСКО, 2005.
- Декларация о клонировании человека, ООН, 2005.
- Хельсинкская декларация Всемирной медицинской организации, 1964 (последняя редакция 2000 г.).

Конвенция о правах человека и биомедицине

Ст. 11. Запрещается любая форма дискриминации по признаку генетического наследия того или иного лица.

Ст. 13. Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено только в профилактических, терапевтических или диагностических целях и только при условии, что подобное вмешательство не направлено на изменение генома наследников данного человека.

Ст. 18. В случаях, когда закон разрешает проведение исследований на эмбрионах «in vitro», законом же должна быть предусмотрена адекватная защита эмбрионов. Запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях.

В 2005 г. Конвенцию подписали страны члены Совета Европы и другие страны.

Всемогущие «карлики»

Наноистория

В Британском музее Лондона хранится легендарный «Кубок Ликурга». На стенках сосуда изображены сцены из жизни этого полумифического спартанского законодателя.

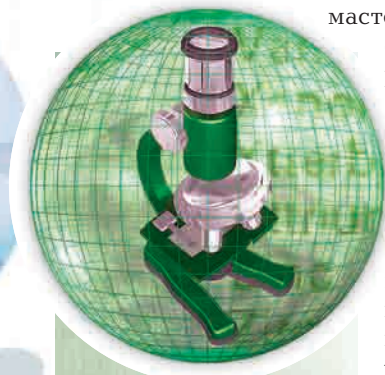
У кубка есть интересное свойство: при различном освещении он меняет цвет:

мастера добавили в стекло микроскопические частицы серебра и золота. Эксперименты с материей теперь называют нанотехнологиями...

Право первооткрывателя наночастиц принадлежит Демокриту. Он впервые использовал слово «атом», что в переводе означает «неделимый». В XVII веке возникла гипотеза, что атомом можно управлять. Но рассмотреть атом не удавалось до XX века. Можно ли управлять тем, что недоступно глазу?

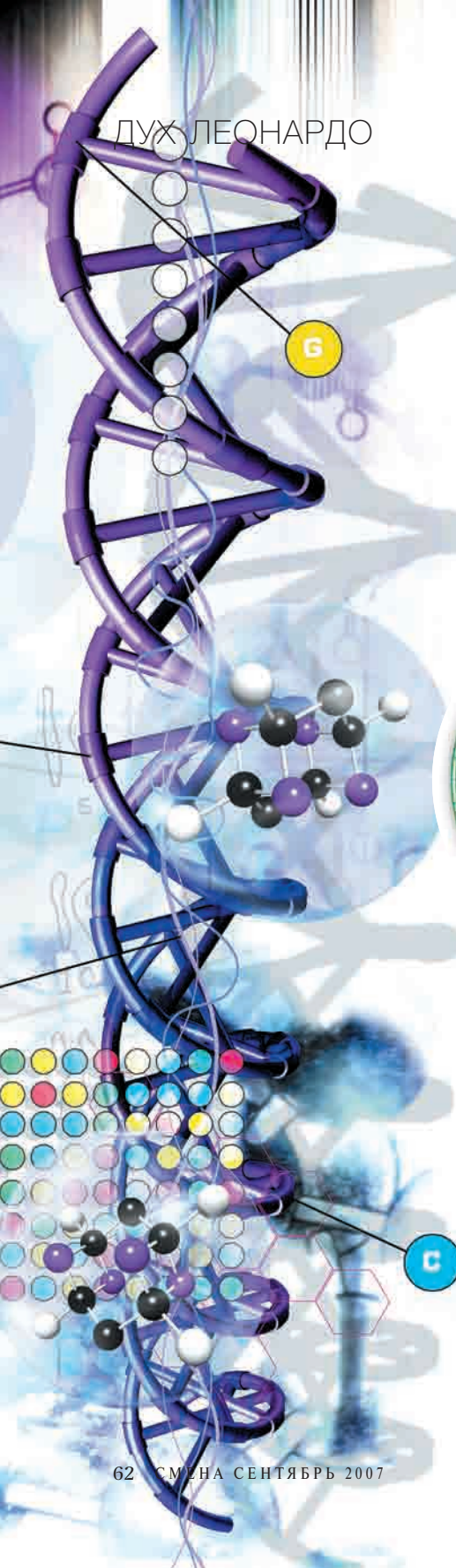
В 1931 году немецкие физики Макс Кнолл и Эрнест Руска создали электронный микроскоп. Мощный аппарат позволял исследовать сверхмалые объекты. Однако вскоре началась Вторая мировая... Гораздо важнее исследования атома стало его скорейшее использование: создание атомной бомбы.

В 1959 году американский физик Ричард Фейнман прочитал в университете лекцию под названием «Внизу полным-полно места». Он заявил

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Во всем мире очень остро стоит проблема очистки водопроводной воды. Томскими учеными на основе нанотехнологий разработана уникальная система очистки воды, которая «превращает» водопроводную воду в действительно питьевую. Но... нет перехода к внедрению. У нас, как и прежде, нет опыта быстро и эффективно переводить наши идеи в коммерческий продукт.

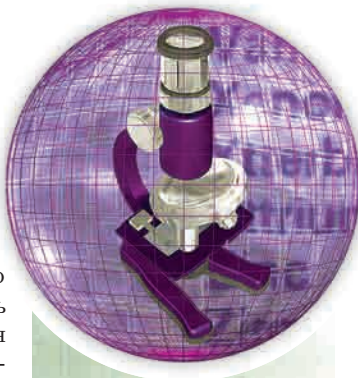

о возможности создания веществ (а потом и отдельных элементов, деталей и целых устройств) совершенно новым способом «атомной укладки». Предполагалось, что человек будет манипулировать атомами поштучно, располагая их в нужном ему порядке. Ученый доказывал, что так возникнут материалы, свойства которых будут «весьма необычны».

Через 20 лет японский физик Норио Тинигучи ввел в научный оборот слово «нанотехнологии». Этим термином ученый предложил называть объекты, размером меньше одного микрона. В переводе с греческого «нанос» означает «карлик»: 1 нанометр равен одной миллиардной доле метра. Даже толщина человеческого волоса в 80 000 раз больше!

Прошли десятилетия.

В 2000 году Билл Клинтон заявил: «Нанотехнологии позволяют создать из вещества, размером с кусочек сахара, материал, в десять раз крепче стали!» Вряд ли американский руководитель до конца понимал то, что он говорит. Многие ученые сегодня воспринимают это заявление как вульгарное: нанотехнологии могут дать человечеству гораздо больше, чем крепкая сталь. Но выступление президента США стало официальным объявлением начала новой гонки. Гонки за «светлое нанобудущее». Штаты выделили около миллиарда долларов на исследования в области нанотехнологий. Сегодня на долю американцев приходится треть всех мировых инвестиций. А общие затраты на Земле составляют около

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Российский научный центр «Восстановительная травматология и ортопедия» имени академика Г.А. Илизарова, основанный в 1971 году: еще недавно здесь только говорили о необходимости внедрения в лечение достижения нанотехнологий. Сегодня вживление в организм пациентов микроципа, который перепрограммирует клетки костного мозга – реальность. Один раз в день пациент подключается к персональному компьютеру, который отражает состояние его здоровья. К сожалению, в нашем регионе трудно найти фирму, которая бы владела в совершенстве этой электронной техникой. Приходится обращаться либо в Федеральный ядерный центр (Снежинск), либо в «Росавианкосмос», которые предоставляют нам необходимые комплектующие». (Профессор А. Худяев, зам. гендиректора Центра).

опыты проводились исключительно на мышах. Планируется создание нанороботов-врачей. Достаточно будет ввести в организм человека специальное нановещество,

9 млрд долларов в год. Работы ведутся в Европе, Японии, Китае, Сингапуре и на Тайване... Россия подключилась к наногонке. Прогнозируют, что к 2015 году в нанопромышленности будет занято 2 миллиона человек, а суммарная стоимость товаров, производимых ими, составит 1 триллион долларов!

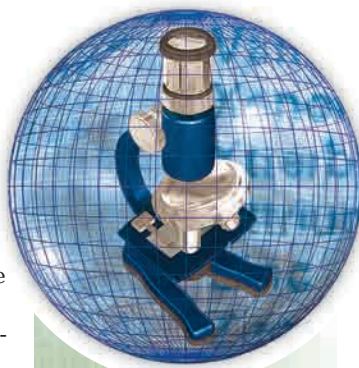
...На планете люди умирают от голода, ресурсы истощаются, военные конфликты продолжают разгораться с новой силой в разных частях света... Неужели необходимо тратить эти миллиарды и миллиарды на нечто столь микроскопическое?

Нанорай

Мнение оптимистов: нанотехнологии – прямая дорога в райские кущи.

Революция ожидается в медицине. Таблетки станут «умными». Их компоненты смогут анализировать общее состояние человеческого организма, выявлять проблемные зоны и наносить «точный удар». Нынешняя медицина больше напоминает «ковровые бомбардировки». Порой процесс восстановления занимает столько же времени, сколько и лечение самой болезни.

Уже сегодня существуют нанопрепараты. Например, наоаспирин. Ученые из Массачусетского технологического университета разработали «наноснаряды», уничтожающие раковые клетки. Пока

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

На развитие нанотехнологий государство запланировало выделить 180 млрд рублей.

Главным центром по нанотехнологиям в России справедливо признан Институт им. Кurchatova. Его своеобразными филиалами являются некоторые научные центры, например Томский политехнический и государственный университеты. По мнению ученых из Курчатовского института, нанотехнологии, объединяющие несколько наук и направлений, предполагают огромную экономическую эффективность от внедрения нанотехнологий, которая переключает советскую атомную и космическую промышленности вместе взятые.

и микроскопические «целители» смогут за считанные часы заживлять раны, сращивать кости, устранять патологии. На этой основе можно... обрести бессмертие и воскрешать умерших!

Далее. Совершится революция в промышленности. Прежде всего, в электронной. Схемы будут состоять из отдельных молекул, появятся устройства памяти с плотностью записи в миллион раз превышающий современный уровень. В компьютерах нановека носителями информации станут атомы.

Далее. Представьте себе дом в сейсмически опасном районе, которому не страшны никакие землетрясения. Или разбитую чашку, которая сама склеивается. Возможно изобретение «персональных наносинтезаторов». Прочитав инструкцию, вы сможете создать любой предмет по своему желанию и фантазии.

В энергетике нанотехнологии существенно повлияют на развитие методов получения, аккумулирования и эффективного использования энергии. Они откроют путь к дешевому водородному топливу. Это уменьшит выброс загрязняющих веществ и улучшит переработку отходов человеческой жизнедеятельности. В том числе отработанного ядерного топлива.

Предполагается, что нанотехнологии смогут решить проблему голода. В домах вместо холодильников появятся мини-фабрики пищевых продуктов, изготавливающие по заказу любой продукт. Существенно упростится и ведение сельского хозяйства. Например, из цепочки «травы-корова-молоко» буренки... исчезнут. Их заменят наноро-

боты. То есть из травы напрямую можно будет выработать высококачественный продукт, ничем не отличающийся от натурального. По прогнозам ученых, первые нанофермы появятся уже в середине нынешнего столетия...

В общем, нанореволюция сулит человечеству золотые горы, кисельные берега и молочные реки. Но, как известно, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. «Даже если он сделан из синтетического молока» — предупреждают некоторые ученые и рисуют мрачные картины апокалипсиса.

Наноад

Для массового производства нанороботов необходимы специальные фабрики. «Укладывать» атомы вручную — задача непосильная даже для шести с половиной миллиардов людей. Получается, что роботов будут делать роботы. Пессимисты утверждают: рано или поздно такие нанофабрики выйдут из-под контроля. Радиационное заражение покажется детской забавой, по сравнению с подобной техногенной катастрофой.

Если произойдет сбой в производстве, размножение нанороботов может принять угрожающий масштаб. Подсчитано: теоретически только

одна нанофабрика сможет за считанные часы переработать всю (!) биомассу Земли. Планета покроется толстым слоем «серой жижи». Все живое исчезнет навсегда.

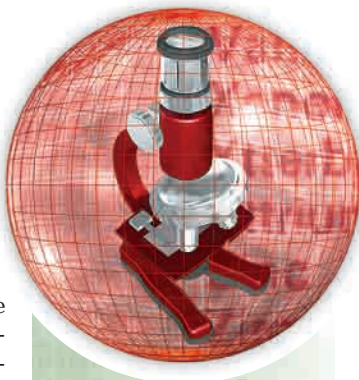
Правда, специалисты утверждают, что риск ничтожно мал. Но кто может исключить возможность проникновения на нанофабрику злоумышленника, безумца или вируса?

Другая опасность — использование нанотехнологий в военных целях. Представим

~ дух Леонардо

«черный чемоданчик», в котором находятся миллиарды доз смертоносного яда. И нет никаких гарантий, что однажды такой «ящик Пандоры» не раскроется...

К тому же террористам не нужно будет воровать материалы для производства взрывчатки. Сверхмощную бомбу можно произвести чуть ли не на кухне чуть ли не из воздуха. Войны — извечный спутник человеческой расы. Геноцид, тотальное уничтожение всего живого в захваченной стране может стать такой же обыденностью, как нынешняя преступность на улицах мегаполисов земного шара. Создание нанофабрик приведет к тому, что человечество останется почти без работы. Чем занять миллиарды людей по всему миру? Некоторые ученые предсказывают распад крупных государств, затем исчезновение государственных институтов. Одни считают, что власть в мире поделят крупные наномонополии. Другие предрекают полную анархию. Самодостаточное человечество больше не будет нуждаться в управлении «сверху».

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Светодиоды, разработанные учеными из Санкт-Петербурга, производство которых еще недавно требовавшее огромных затрат и пугавшее инвесторов, сегодня демонстрирует пример разумного вложения денег. Переход на светодиодное освещение позволит в 4–5 раз сократить потребление электроэнергии. Если все подъезды страны перевести на светодиоды, то экономия затрат на электроэнергию, по подсчетам, составит 10 миллиардов евро в год.

Неизвестно, какие опасности несет использование нанороботов и в медицине. Доказано, что частицы легко проникают в организм человека через кожу, дыхание и желудочно-кишечный тракт. Некоторые нанобъекты могут вызвать токсичное воздействие на клетки различных тканей. Например, углеродные нанотрубки (они считаются самыми перспективными материалами ближайшего будущего) приводят к заболеваниям легких, разрушению мозга и иммунной системы.

Существует угроза того, что человек, измененный нанороботами, со временем превратится в опасного мутанта.

Итак, впереди нас ожидают и фантастические открытия, и реальные опасности. Но ведь и лопатой можно и огород вскопать, и человека убить.

Как сказала Рита Колвелл — директор Национального Фонда Науки США — «Нанотехнологии — это ворота в иной мир». Какой?

*Максим Севрюков-Кистерев
Дополнения Надежда Болгова*

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Совместно с членами Общества Заколдованных Рубашек я со всей торжественностью заявляю:

Несовершенство имеет право на существование, ибо человек несовершенен, а человек — творение Господа.

Слабость имеет право на существование, ибо человек слаб, а человек — творение Господа.

Неспособность имеет право на существование, ибо чело-

век неумел и неловок, а человек — творение Господа.

Смена гениальных прозрений и заблуждений закономерна, ибо человек попеременно проявляет и то, и другое, а человек — творение Господа.

Возможно, что вы не согласны со старомодным и тщеславным утверждением, что человек — творение Господа.

Но я считаю это значительно более прощательным за-

блуждением, чем другие заблуждения, построенные на безоглядной вере в технологию, а именно: что человек живет на Земле только ради того, чтобы создавать все более прочные и производительные свои подобию и таким образом лишать всех и всяческих оснований даже само продолжение своего существования.

*Курт Воннегут,
«Механическое пианино»*

Сергей Каленикин

Сдвиг по планете

Счетчик на выживание включен. Атмосфера Земли вышла из равновесия. До середины XIX века содержание кислорода в атмосфере оставалось постоянным — его приход равнялся расходу. Во второй половине прошлого века ежегодный прирост углекислоты за счет деятельности человека составлял 14 миллиардов тонн, а кислорода расходовалось такое количество, которого с лихвой хватило бы на дыхание 50 миллиардов человек.

С Землей совсем плохо

Институт проблем химической физики РАН. Светлых умов там немало. Среди них — профессор, доктор химических наук Альфа Михайловы. С ним и беседуем.

— При стремительном росте техногенного потребления кислорода и сокращении лесопокрытых площадей разница между притоком и расходом кислорода в 60-70-х годах XX века стала быстро стремиться к нулю. Нулевой же баланс — по данным Римского клуба — между генерацией кислорода и его потреблением пройден лет тридцать назад. Проблема неоправданно высокого техногенного потребления кислорода нами поднималась неоднократно. ...Уже сегодня дефицит атмосферного кислорода составляет около 10 миллиардов тонн в год. Растительность суши ежегодно производит около 155 миллиардов тонн кислорода, из которых 135 уходит на биохимические процессы (в том числе пять миллиардов тонн на дыхание животных и человека) и тридцать — на техногенное потребление.

— А мировой океан? Разве его растительность не вырабатывает свободный кислород?

— Океаническая флора производит около 80 миллиардов тонн кислорода в год. Понятно, что мировой океан работает на себя. Сушу, он практически не обслуживает.

К звездам! Полетим на фотоне?

У каждого времени — свои отличительные умы, открытия, меняющие лик Бытия. Нет, не сразу мы узнали о Сергее Королеве и его команде. И сегодня не обо всех специалистах, ученых сказано, усилиями которых открыта Великая космическая эра. А они — первые не в архивном прошлом. Многие их творения, достижения, открытия и сегодня имеют свою непревзойденную ценность: так или иначе связаны с нынешними полетами к Марсу, Венере, Юпитеру, Сатурну... **И в том ряду имен и первый космический навигатор, доктор технических наук Василий Петрович Селезнев**, который не только на протяжении многих лет бок о бок работал с Королевым, был у истоков отечественной космической навигации. Навигатор — человек, прокладывающий путь кораблям, ракетам. Он в конечном счете и определяет успех полета любого космического судна. Это он определяет маршруты, траектории полета, разрабатывает принципы и системы ориентации... Навигация — это искусство выбора пути и достижения цели. Космическим навигатором № 1 и стал В. Селезнев!

— **Вернемся к заманчивой мысли — полетам во Вселенной. На какую максимальную скорость полета можно опереться?**

— Обращаясь к вычислениям Циолковского, мы обнаруживаем как бы нечто запредельное. Теоретически скорость полета может достигать миллионы, многие миллионы километров в секунду! Возможно ли ее получить? Отвечаю утвердительно: да! да! да! Основание — фотон, физический носитель света. Ибо во всем звездном мире именно он выполняет функции энергетика, связиста, информатора, преобразователя материи и носителя жизни, участвуя в важнейших процессах Мироздания. И по подвижности и быстродействию фотон вне конкуренции.

— **Кажется, даже было решение о форсировании развития фотоники как науки...**

— ... Дающей физические основы проектирования принципиально новой техники,

включая звездолеты, которые могли бы летать быстрее света. Да, имелось такое решение... Тем не менее удалось установить и доказать, что фотон «послушен» — подчиняется известным законам механики и физики; «управляем» — техническими средствами можно ускорять, тормозить и менять направление его движения, изменять его скорость и энергию; «надежен» — сохраняет свои свойства при соударении, прохождении сквозь различные физические среды; «универсален» — имеет неограниченные возможности применения... Фотонный ракетный двигатель — космическое будущее землян. Конечно, межзвездные перелеты, встречи с «сеятелями» Разума на Земле — глубинные перспективы третьего тысячелетия. И тем не менее нас это не может не волновать. Будущее не существует без прошлого и настоящего. Да и кто знает, на каком берегу Великой Реки Времени мы нынче пребываем

Из беседы доктора философских наук Льва Гиндилиса и главного редактора журнала «Наука и религия» Владимира Правоторова.

... Межзвездные фотонные ракеты, движущиеся с релятивистской скоростью, вероятнее всего, никогда не будут построены.

— **Означает ли это, что межзвездные путешествия невозможны?**

— Наука не склонна мириться с таким выводом. Венгерский ученый Г. Маркс, чтобы обойти трудности, связанные с фотонной ракетой, предложил использовать давление лазерного луча для разгона межзвездного корабля. Основная проблема при таком способе путешествия состоит в том, как вернуться обратно. Вероятно, отправить корабль обратно (подобным же образом, с помощью лазерного луча) могла бы другая цивилизация. Но тогда мы должны быть уверены, что она обитает и ждет нас в той точке, куда мы направляем свой полет. Кроме того, она должна обладать соответствующей техникой и должна согласиться применить ее для нашей отправки. Повидимому, без предварительного контакта по каналам связи вряд ли кто-либо решится на

подобное путешествие. Но если даже «договоренность» достигнута, неизбежная временная задержка может радикальным образом изменить обстоятельства. Так что путешественникам лучше все же полагаться на свои силы.

В настоящее время разработано несколько проектов полета к ближайшим звездам, реализация которых в принципе возможна уже в первой половине XXI века. Один из наиболее известных и глубоко проработанных — проект «Дедалус» Британского межпланетного общества. Другой проект, предусматривающий отправку беспилотного зонда к одной из ближайших звезд, предложен советскими учеными У.Н. Закировым и М. Маровым в 1981 году. В проекте предусматривается использовать пятиступенчатую ракету с начальной массой 3000 тонн и полезной нагрузкой 450 килограммов. При этом одновременно запускаются две ракеты, одна из которых служит дозправщиком. Она присоединяется к основной ракете после выхода за пределы Солнечной системы. Это позволяет достичь окрестностей ближайших звезд за время жизни одного поколения.

— **А более дальние путешествия в космосе?**

— Для дальних путешествий главная проблема — возвращение. Можно ли обеспечить путешествие с возвращением при полете с не релятивистскими скоростями? Принципиально это возможно, если... подавляющую часть пути экипаж проведет в состоянии глубокого анабиоза. Еще один способ путешествия послать в межзвездный полет многочисленную колонию землян, потомки которых через много поколений вернутся на Землю. Вероятно, межзвездный корабль в этом случае должен напоминать «маленькую планету». Если когда-то удастся решить все эти проблемы, все равно временной барьер будет оставаться непреодолимым препятствием. Ведь путешествие в пределах Галактики может занять сотни тысяч лет, а полеты к другим галактикам — миллионы лет. За это время человеческое общество может измениться неузнаваемо. Что же застанут космонавты,

возвратившись из далекого путешествия? Общество чужое и непонятное, перед которым будут стоять уже совсем другие проблемы. А может быть, они никого не застанут...

— **Такая же перспектива ожидает и путешественников на фотонной ракете?**

— Если она когда-либо будет создана. Ведь время сокращается только для космонавтов. На Земле оно течет в прежнем темпе. Поэтому к моменту возвращения фотонного корабля на Земле пройдут тысячи...

Если что — полетим на Плутоне

Из беседы с ракетчиком-конструктором Александром Егоровым.

— **Луна, по вашему мнению, как стартовая площадка нам не годится... Стартовать к Марсу с человеком на борту можно лишь только с Земли. Но в ближайшие десятилетия к четвертой планете мы не слетаем. Нет носителя в 50 тысяч тонн... На построение его постребуются многие годы... Дружно сворачиваем затратную пилотируемую программу?...**

— Ни в коем случае. Ее надо планомерно развивать и наращивать. Рано или поздно мы побываем на Марсе, и не раз. Возможно, в будущем люди не только колонизируют четвертую планету, но и оживят ее. Нас уже сегодня волнует, что там — в других Галактиках, созвездиях. Но Марс, схожие планеты в ближайших звездных системах для нас — вопрос номер один: есть ли там жизнь...

Познание — не прихоть человечества, а чрезвычайно острая и естественная потребность. Со временем человеку на Земле не будет места, ибо на ней не станет ни материалов, ни источников энергии. Да и сама Земля, увы, не вечна. Она по своей природе обречена. Словом, продолжительность жизни нашей цивилизации в рамках солнечной системы имеет ясный временной интервал — конечную точку. Я говорю о переселении части человечества на постоянное жительство в далекий Космос.

– **Как переселение осуществить?**

– Надо создавать производства, которые бы были способны серийно выпускать носители со стартовой массой не в 50 тысяч, а миллионы тонн и с полезной нагрузкой 30-100 тысяч тонн. И такую махину можно отправить к любой планете Солнечной системы, но главное – к Плутону.

– **Почему именно к Плутону?**

– Видите ли, самая большая опасность для человека – невесомость. На обычном корабле к другим звездным системам нам не добраться. Организм человека превратится в амэбу. Из-за отсутствия гравитации костный скелет просто растворится. Даже если мы соорудим корабль с носителем в миллиард тонн, соберем весь керосин, который есть на планете, и выведем носитель, соразмерный со зданием МГУ, все равно будет невесомость. Его массы будет недостаточно для образования необходимой гравитации.

Плутон имеет диаметр около 3000 км, его масса составляет около 0,002 массы Земли. На нем возможна благоприятная для человека гравитация, сила тяжести. И Плутон самая удаленная от Солнца планета – удобная точка для отправления к другим мирам, звездным системам. Я говорю все это вам со знанием дела. Моя главная научная тематика – межзвездные полеты. А это расчет энергоносителей, полезные грузы, способы и длительность полетов, проблемы межзвездной транспортировки...

– **Плутон – это что-то вроде гигантского межпланетного корабля... Чуть ли не космический Ноев ковчег.**

– Абсолютно правильно.

– **Хорошо, на Плутон все необходимое мы перевезли, соответственным образом обустроились для межзвездной одиссеи. А как вы запустите столь гигантский звездолет?**

– Помилуйте, на этот вопрос сегодня ответить невозможно. Скорее всего это будет специальный импульс, связанный с ядерной физикой. К тому времени люди научатся, как двигать управлять планетами.

– **Мечтать так мечтать! Допустим, проблема разрешена. Стартовали. Поехали. А куда?**

– Конкретного адреса у меня нет. А Константин Циолковский считал, что жизнь и разум – неперенные «атрибуты Вселенной» и «Млечный путь содержит сотни миллионов солнц и миллиарды планет, на которых могла бы зародиться жизнь. Мы даже несколько не сомневаемся, что она там уже есть, и даже в более совершенной форме, чем на Земле (по крайней мере на большинстве планет). Может быть, немногие из них обладают таким могуществом, которое мы себе не можем вообразить. Это могущество и помогло им рассеять совершенную жизнь, если не на Земле, то на других планетах сколько солнц, столько почти и планетных систем. Поэтому каждая из них служит колыбелью зарождения жизни или обиталищем совершенных существ. Вселенная битком набита совершенными существами».

– **А чем же займутся люди во время полета в никуда?**

– А зачем им чем-то заниматься?

Плутон в автоматическом режиме поплывет по заданному маршруту, к намеченной планете. Представим себе, что полет продлится тысячи лет. Конечно же, посланцы Земли будут вынуждены пребывать в анабиозном состоянии. Тут невозможно детализировать. И не нужно, иначе разговор сведется к фантазированию. Эти и прочие вопросы не нам, нынешнему поколению землян, решать.

Нам хотя бы с Луной, Марсом разобратся!

ПЛАНЕТА UNLIMITED

СВОЁМЫСЛИЕ

Неинтересная жизнь может поработить.
Проблемы – заставить их изобретать вновь и
вновь. Почему человек не свободен от этого?

Жизнемания

Сона Тамамян

пойдет на пользу, а от телевизора
никакого толка.

Порой мы делаем не то, что хотим,
но представьте себе, что будет, если
мы будем делать только то, что нам
нравится! Тогда ~~всё это~~ ^{лучше} ~~не скоро~~ ^{будет} ~~мы~~ ^{станет} ~~станет~~ ^{скучно} и ~~тошниво~~ ^{не интересно} и ~~человеку~~ ^{человеку}
уже будет нехватать тех задач и
проблем, которые возникают у него
каждый день.

Тя написала о коммунистических противоре-
шениях. Но почему "Мао" должно победить?
Тя ждёт беспроблемной победы (я наша).
Тя написала на предыдущей странице (я наша).
Тя не привождает убедительных аргументов,
3/5 примеров.

Безумное шара
Извещение
Тысяч
по поводу

Девочка написала в школе сочинение на тему «Хочу» и «надо», и ей поставили за нее отметку «3» - за честность. Она писала: не будь у нас проблем, мы зачахнем от скуки. Учительнице/учителю не было понятно. Понятно: взрослый мечтает остаться без проблем. Но эта девочка стала думать ПОЧЕМУ ТАК. Выходит, решение проблемы может стать причиной «смерти от скуки и тоски». Так поэтому жизнь подкидывает «свежие» проблемы! Чтобы снова ощутили себя живущими, людьми? Неужели это один из способов самосохранения и развития? Не будет проблем, мы их создадим и охотно примемся их решать, но: зачем решать, если они источник смысла существования? Потому мы и не решаем большинства проблем, тем самым раз и навсегда решив проблему Вечной Жизни? Кто там говорит, что нет и не может быть вечного двигателя?

Склонность к наркомании, ко всякому роду зависимости в нас заложена генетически. Много говорилось о том, что человеку дайте лишь повод, и он будет рабствовать. «Коллективное бессознательное».

Неужели это такой же естественный инстинкт, как инстинкт самосохранения?

Или первый – лишь следствие второго?

Однако, от такого уточнения суть не меняется.

В связи с этим как же объяснить стремление человека к власти?

Стремление, которое в патологии может привести к тирании. Или это – тоже особая форма зависимости? Если да, то снова можно говорить о естественном течении жизни – об инстинкте зависимости/рабства?

Власть над собой должна быть настолько сильной, чтобы не дать себе и/или другим властвовать над собой. Другими словами... Властвовать над жизнью, чтобы она не властвовала над тобой. Но как?! Добровольно прекратить, прервать жизнь? Нет, это равнозначно поражению. Неужели ждать покорно, пока жизнь сама не отнимет себя у нас?

Но, может, жизнь – это тот единственный «наркотик», от которого как раз и не бывает передозировки, и зря люди ищут ей замены? Может, нам стоит задуматься над тем, как ее (жизнь) заполучить в полную меру, чем перебирать в уме все способы, как от нее поскорей избавиться. Жизнь к нам – с приветом, а мы к ней – «Кто такой? Что надо?».

Живем, потому что иначе не можем потому что зависимы от жизни, от природы, от собственной физиологии мы не спланировали наше рождение, но должны планировать свою жизнь хорошо хоть, если только свою, а что сказать о родителях, которым нужно поддерживать еще и своих новеньких уже с первым невольным (а может, как раз-таки вольным) глотком жизни мы уже не в состоянии обходиться без нее, и отныне... жизнь покрутит нас в свободном танце импровизаций.

Бродящие,
и обидно не
прежняя
кинутой, ка
были скуп
никакой
как мру
Но это
чтобы
мешки

ТЕМА «СМЕНЫ»

Олег Рудаков

на выборах

...полно дел, некогда перекинуться словом с соседом, графики других не совпадают с твоим. Кажется, твое исчезновение заметит только близкий человек, и то, если он есть. Реальность кусается! Люди ищут пространство, где могут чувствовать себя комфортно. А еще лучше – королями своей судьбы. Ах, если бы: Вселенной!

Бегство от жизни. Известная, древняя страсть: обрести реальность вне ее. Не так давно мы получили новую «реальность» подобного рода. В ней все так похоже на действительность, но ты способен без труда и надежно уничтожить все проблемы и даже прожить несколько вариантов жизни. Почти бессмертие. Но плата – слишком велика...

«Если компьютерная жизнь начинает прева-лироваться над реальной, время, проведенное за игрой, превышать время на работу, учебу, семью, прогулки и прочие увлечения, зависи-мость налицо».

Виктор Ханьков

Стремление к уходу от реальности путем измене-ния своего психического состояния психиатры назы-вают «аддитивным поведением». Средствами для обретения «нового мира» могут служить специаль-ные препараты или фиксирование внимания цели-ком на одном определенном предмете или полная сосредоточенность на одной форме активности. Если эти вещества, предмет, активность начинают управ-лять жизнью человека, можно говорить о болез-ненном состоянии психики. Как видите, между алкоголиком и заядлым поклонником поп-группы, между наркоманом и коллекционером, с точки зре-ния психиатрии, разница невелика. Однако некоторые при-страстия принимаются обществом. Так, всепоглощающая ув-леченность спортом, опасная для человеческой личности зависимость от предмета любви, изнуряющие диеты, состав-ляющие весь смысл жизни, как считается, не несут социаль-ной опасности, в то время как общественная опасность дру-гих зависимостей – к ним относят алкоголизм, наркоманию, курение, азартные игры, сексуальные извращения – уже не вызывают сомнений.

Вот этот список не так давно пополнен болезнью века.

Кибернетическая лудомания

Зачастую родители сами порождают будущие ужасы своей семейной жизни. Покупают компьютер, часто уже не первый в семье, именно для пользования ребенка и с гордостью признаются знакомым: «Какой молодец! Не пьет, не курит, по подъездам не трется! Наверно, программистом будет».

Симптомы «игровой болезни»

- нежелание отвлекаться от игры
- при вынужденном отвлечении – раздражение и агрес-сивность
- пренебрежение собственной гигиеной и сном ради лиш-ней минуты за компьютером
- ощущение эмоционального подъема только во время игры
- превазирование обсуждения игровой тематики в реаль-ном общении

Человек из дома не выхо-дит, продук-ты заказывает в интернете, а выйдя на улицу, пыта-ется взять в «пяти» перво-го прохожего милиционера.

Виктор

После нескольких часов непрерывной игры в Doom I я вышел на кухню и тут же отскочил от окна с единст-венной мыс-лью: «Нельзя же так под-ставляться!».

Иголь

Грань между простым увлечением и губительной аддикцией – невероятно тонка.

Происходит постепенное стирание между реальным и виртуальным мирами.

Грани миров

Причиной увлечения компьютерными играми преждевременно считать неудовлетворенность реальным миром. Виртуальный мир игр действует под лозунгом: «Все доступно», и неудачу можно исправить в «следующей жизни».

В игре можно достичь успеха при минимальных усилиях. Игрок возводит и разрушает города, уничтожает опасных врагов, приобретает несметные богатства, властвует над людьми и мирами. Чувство собственной значимости, физической и интеллектуальной силы достигается благодаря небольшому мышечному напряжению. Не нужно упорно учиться, трудиться, работать, то есть совершать действия, которые и приводят в реальной жизни к результату, к победе.

Недостаток общения и взаимопонимания с родителями, сверстниками и значимыми людьми также может стать причиной увлечения компьютерными играми.

Заигравшиеся

Неоднократно появляются сообщения о самоубийствах заядлых геймеров и преступлениях, ими совершенных.

Масштабы преступлений компьютерных игроков могут быть преувеличены. Но и масштабы зависимости еще только растут. Как оценить степень своей зависимости и принять соответствующие меры?

Запрещать играть – бесполезно. Так начинается

«Люди, играющие в жестокие игры, имеют сокращенные мозговые отклики на картины настоящего насилия, такие, как нападения с пистолетом. Это — одна из причин агрессивного поведения».

*Брюс Барсло,
американский психолог*

Пару раз отклонял предложение девушки, потому что мне нужно было вернуться домой, чтобы сделать ход в РВЕМ-игре «Galaxy Plus». Я на полном серьезе рассказал по-другому про космические корабли и планеты, ожидающие моего приказа. Если я брошу их без призора, то полгода жизни — насмарку.

Михаил

PS. Детское время расписано по часам. Это мы, взрослые, его расписали. Указали, когда играть, встречаться с друзьями, делать уроки, читать книги, с кем дружить, а кого обходить стороной. Ведь мы — взрослые мы лучше знаем, как

ему, маленькому, неприспособленному к взрослому, полному опасностей миру, быть настроже и все успевать. Зачем приспособливаем ко взрослому? Чтобы потом было легче. Зачем, в угоду радости детства?

Переживаем, что не справится, больше — что оступится. И потому вменяем ему

взрослые обязанности и ответственности.

Вменяем, настаиваем, переживаем. Переживаем, настаиваем, вменяем.

Не потому ли эта древняя страсть к обретению реальности вне ее так присуща ребенку с его не вытравленным чувством свободы, радости жизни, игры?

новый виток семейных скандалов, агрессия. Да и запрет ничего не решает.

Несмотря на невнимание государства к проблеме компьютерной игромании психиатры и психологи начинают все больше сами заниматься этой проблемой из-за возрастания обращений зависимых.

Американская ассоциация психиатров в 2007 году включила компьютерную зависимость в официальный список психических заболеваний. Не так давно появились и первые клиники для зависимых от компьютерных игр – в Китае, в Голландии. Лечение предполагает как однодневные, так и более длительные курсы от 4 до 6 недель. При лечении зависимых сочетают терапевтический, медикаментозный, акупунктурный методы, занятия спортом.

Положительный результат

Голландский профессор Джеффри Голдштейн установил, что игры с компьютером в разумных пределах (не более часа в день) благотворно сказываются на продуктивности труда и психологическом климате в коллективе. Страхование агенты, игравшие в компьютерные игры,

заклучали за месяц в два раза больше договоров, чем их «серьезные» коллеги.

В ходе эксперимента американских исследователей Дафны Бавелье и Шона Грин поклонников Doom, HalfLife и Medal of Honour просили отмечать изображения, появившиеся на краю мониторов. Геймеры справились с этой задачей намного лучше и гораздо быстрее, чем люди, не любящие компьютерные игры.

В обучающих играх (симуляторах) будущие пилоты оттачивают мастерство, не опасаясь за жизни пассажиров.

«Привыкание к играм развивается быстрее, чем к химическим препаратам.

За два-три месяца развивается привыкание к компьютерным играм. Год-полтора не-прерывных игр — это уже критический срок».

Изяслав Адливанкин

Подготовка текста и дополнительные материалы — Надежда Болгова.

С таким же успехом можно говорить про зависимость футбольных болельщиков от футбола или домохозяек от сериалов. У меня геймерский стаж — более десяти лет, я играю, потому что это — мое хобби, в среднем, в день я отдаю этому увлечению 3-4 часа. Геймеры — не больные люди, которых надо лечить. Это — такое же увлечение, как и любое другое.

Павел

Лишая ребенка игры, но, к счастью, не в состоянии выжечь в нем ту первобытную жажду игры до конца, мы оставляем его один на один с его жаждой, реализации которой нет в его маленьком, таком похожем на взрослого, мире.

Поиск способа реализации игры в виртуальном мире

не займет у него много времени, его личный компьютер — здесь же. Как приятно погружение в игру. Как страшно, что вновь в чужую, не в свою.

Обвиняя школу, улицу и прогресс, что ребенок растет Таким, забываем, что он, в первую очередь, Наш ребенок.

Обо всем знаем, но смиряемся, потому что можно ли что-то сделать, кроме любви? Безысходность матери от осознания, что она в целом мире одна со своим ребенком...

Но почему безысходность? Не наоборот ли? Не свобода ли в этом?

Три вопроса
Вере Глаголевой

1. Что почитать

Есть удивительная писательница – Татьяна Москвина, у нее – своеобразное письмо, необычное, завораживающее, очень эмоциональный язык. Почитайте ее книги.

Дина Рубина – хорошая писательница, живет в Израиле. Ее проза – своеобразна и лирична.

3. О чем подумать

Нужно подумать о Москве, город погибает, хоть и говорят, что он обновляется, начинает жить по-новому. Нельзя так безжалостно относиться к старине, к природным ресурсам. Нельзя! Хочется об этом сказать. Новодел и старина – это не одно и то же. Почему в Европе, в любом городке, есть на главной площади указатель – «Старый город», а у нас в столице ничего старинного из памятников архитектуры не осталось, кроме Кремля? Когда едешь по Москве и видишь, как безжалостно вырубается деревья, сердце сжимается. Ну, еще можно согласиться, что тополя цветут, их поэтому вырубят, но когда уничтожают деревья потому, что они, якобы, больны... Отношение к старине, к природе – невероятно неправильное. Если так и дальше пойдет, то у нас истории не будет. У нас перестает существовать город, идут обрушения старых зданий... Это – недопустимо. Почему об этом молчат? Ведь существуют организации, которые должны защищать город. Это все – ужасно, и смириться с этим нельзя. Не так давно в СМИ сказали, что не могут остановить вырубку леса китайцами в Читинской области – уничтожаются реликтовые деревья, редкие породы сосен. Ну, как это невозможно остановить? Непонятно. Это – страшно, и об этом надо говорить.

2. Что посмотреть

Тем, кто еще не видел, даже завидую. Посмотрите картину Ву ди Аллена «Матч пойнт». Замечательное кино! Высокопрофессионально сделанный фильм. Многослойная картина, обобщающая, классно снята. А также картину Софии Копполы «Трудности перевода» со Скарлетт Йоханнсон, она же играет главную роль и в «Матч пойнт». Думаю, что просмотр этого фильма доставит удовольствие.

Вскоре выходит фильм Анны Меликян «Русалка». Картина сделана, что называется, лихо, с огромной фантазией. Действие завораживает. Очень необычная режиссура, зрелищный фильм. Из тех, как и вышеперечисленные, к которым мысленно возвращаешься.

Тем, кто хочет от души посмеяться, отвлечься, рекомендую посмотреть в МХТ спектакль «№ 13» в постановке Владимира Машкова. Ожидается новая постановка в «Табакерке» – «Затоваренная бочкотара» по Аксенову. Этот спектакль помню, еще когда в нем играли Владимир Машков, Евгений Миронов – тогда они начинали, были молоды. Сейчас «Затоваренную бочкотару» восстановили с новой плеядой актеров, в сентябре, в МХТ, состоятся премьерные показы. Советую также посмотреть замечательные спектакли Камы Гинкаса «Дама с собачкой», «Черный монах». Очень, очень интересные постановки.

Записала Елена Феофанова.

Имя **Георгия Александровича Ландау** (1883 – 1974) сегодня известно лишь единицам. А между тем некоторое время назад его произведения хорошо знали миллионы читателей.

Он вошел в литературу в 1910 году, когда присланный им рассказ в журнал «Сатирикон» выбрал для публикации сам Аркадий Аверченко. До тех пор, окончив в Москве Институт путей сообщения, а в Цюрихе Политехнический институт, и работая в департаменте транспорта, Ландау даже не помышлял о карьере писателя. Но доброжелательное отношение главного редактора «Сатирикона» вдохновило его. Он начал писать рассказы, и многие журналы охотно публиковали их. В 1911 году Аверченко пригласил Ландау в группу сатириконовцев, отправляющихся в путешествие по Западной Европе.

Георгий Александрович в совершенстве владел английским, немецким и французским языками и, конечно же, оказался весьма полезным спутником в такой поездке.

Постепенно он становится профессиональным писателем: пишет рассказы, переводит английских, американских, канадских писателей, выпускает несколько сборников своих рассказов, участвует в коллективных изданиях сатириконовцев.

Знакомство с Сергеем Образцовым и его театром кукол подарило Ландау новое увлечение – он начал писать сказки для кукольного театра, и, пожалуй, стал самым известным автором в этом жанре.

Многие его рассказы – о детях. Окрашенные мягким, теплым юмором, проникнутые глубоким пониманием детской психологии, они не утратили своей привлекательности и сегодня, хотя впервые были напечатаны около века назад. Некоторые из них публикуются сегодня впервые.

Любовь

В тот раз она так и окончилась ничем.

Я не сделал ни одного промаха, и тем не менее эта любовь не привела к тому благополучному концу, который так часто достается в удел людям, любившим гораздо менее серьезно, чем любил я.

Девушка, любимая мной, была моей теткой. Двоюродной теткой.

Нам обоим было двадцать пять лет, из которых мне было пять, а ей – двадцать.

Насколько я знаю, я был очень ревнив, а к этой девушке в особенности, что мне, однако, не мешало быть беспристрастным к моим соперникам.

Больше всего я подозревал круглого теткинoго кота и меньше всего одного не старого еще офицера.

К нему я даже пытался снисходительную симпатию, считая его добрым и простоватым малым, не отдававшим себе отчета, чем можно заинтересовать женщину типа моей тетки.

Временами он мне казался просто придурковатым. На ее вечные нежности с котом он смотрел сквозь пальцы, так что, тот искренно считал себя хозяином положения.

Мне он подарил военную форму много красивее, чем его собственная, и тем самым убил свой последний шанс на выигрыш. Вообще, он держался, как простофиля.

Кот вел себя совершенно иначе. Его открытое соперничество со мной казалось мне прямо непристойным, так как, не будь меня, его утопили бы вместе с его сестрой и двумя братьями.

Я выплакал его жалкую жизнь, и в благодарность он оказался мне поперек дороги, едва стал на собственные лапы, претендуя на внимание со стороны женщины, с которой я решил связать свою жизнь.

Чтобы подорвать его влияние, я не останавливался ни перед чем, даже если мои поступки граничили с неблагоприятностью. Результаты были не всегда удачны.

Я мешал ему умываться, но он все-таки оставался чист, гораздо чище меня.

Я запирали его подолгу в гостиной, чтобы вызвать у него проявление естественных, но грязных инстинктов, закрывавших доступ в общество, но он терпел, как фанатик, и сколько бы я потом ни принимался и ни лазил под диваном и креслами, все было чисто, как после ухода полотеров.

Три раза я ловил чужого котенка, запирали его в кабинете отца с предупреждением, что ему ничего не будет, так как мы свалим на другого. Но он пугался книг под кушеткой и орал, пока его не выбрасывали в форточку.

И все же несмотря на все неудачи я верил, что тетка отдавала преимущества мне, и мое общее состояние было недурно.

Еще до того, как я окончательно укрепился в этом мнении, я начал ежедневно таскать в ее комнату самый большой и красивый из всех песочных пирожков, которые пеклись мною на дворе около конюшни.

Я ставил этот пирожок у нее под кроватью и уходил доделывать остальные, никого в это не посвящая, за исключением того же кота. Мне доставляло удовольствие вызывать его зависть, сквозившую сквозь притворно невозмутимое выражение его морды.

До приезда к нам тетки самая большая формочка шла на выделку песочного изображения отца, вторая — матери и так далее, включительно до самой кривой и старой, из которой выходил кот.

Теперь все пирожки получили новое назначение, одной ступенью ниже, так как самый большой и красивый стал походить на интересовавшую меня тетку и отныне принадлежал только ей.

Она каждый день натывалась под кроватью

на своего двойника и выбивалась из сил, чтобы узнать, кто был творцом этого скульптурного изображения, рассыпавшегося при первом прикосновении к нему посторонних предметов.

Она узнала секрет, когда я открыл его сам. Это произошло в день ее именин.

Я подарил ей самую лучшую пуговицу из своей коллекции, оторванную мною незадолго перед тем у одной незнакомой женщины во время обеда.

Она болталась совсем на ниточке, а кроме того, я тут же замолил грех, и она стала не ворованной, а моей собственной.

Тетка, как я и ожидал, страшно обрадовалась и, взяв меня за руку, с места повела в лавку, где купила мне самую большую плитку шоколада.

Эта плитка выдала ее чувство и потребовала ясного ответа.

На пути из лавки я поцеловал тетку в платье на уровне моего рта, недалеко от ее колени, и одновременно сказал:

— Я тебя люблю.

После этого я брыкнул ногами по воздуху и очутился на ее груди. Брыкнул второй раз и мы пошли дальше.

Она сказала, что любит меня очень давно, и попросила указать на приблизительные размеры моего чувства.

Я долго искал подходящих для сравнения предметов и, наконец, указал на колокольню Казанской церкви, самой высокой в городе. Тетка нашла это достаточным, и мы пошли, оживленно обсуждая подробности нашего совместного будущего.

В разговоре я признался, что пирожки делал я сам, чему она никак не хотела верить, так как не ожидала от меня такого искусства и хитрости, а я дал ей понять, что отныне она ни в чем не будет нуждаться, включая и те ягоды на кусте крыжовника, которые я еще не съел.

Конец объяснения был несколько испорчен неизвестным уличным мальчишкой, который выскочил из переулка и стал резко поносить мои рыжие волосы.

Он перебежал на другой тротуар и, кружась, закричал:

— Рыжий, красный — человек опасный!

Я стал уговаривать тетку не обращать внимания на клевету и потратил на это пять минут времени.

Я не помню, чтобы после этого объяснения моя жизнь круто переменялась, если не считать, что я начал вполне открыто ставить под кровать моей тетки не только ее песочный портрет, но рядом с ним и мой собственный.

Кроме того, я сделался гораздо терпимее по отношению к оставленному мною позади коту и еще сильнее привязался к недалекому офицеру. Бедняга казался мне порой очень несчастным, так как ничего не получал от моей тетки, несмотря на все старания хоть чем-нибудь выделиться.

Все ее расположение к нему ограничивалось длинными и совершенно пустыми разговорами и легкими кивками головы, в благодарность за доставляемые им ей конфеты. И это все.

Кот, как менее деликатный, открыто насмеялся над ним и целовался с теткой на его глазах, между тем как он краснел от восторга, если ему случайно удавалось поцеловать ее руку.

Вместе с тем он был по-настоящему добрым, безобидным типом, так что, я сам не раз отзывался о нем с лучшей стороны в присутствии тетки.

Моя симпатия к нему уже почти доросла до крыши соседского дома, когда в один летний день все рухнуло.

Я сидел под кустом крыжовника и спокойно обдумывал, сколькими ягодами удовлетворит-

ся тетка, допуская, что ее жадность примет самые фантастические размеры.

Вдруг я увидел ее, стоявшую недалеко от меня в том самом платье, к которому она пришла, по моей просьбе, подаренную ей на именины пуговицу, а рядом с ней стоял славный, но незадачливый офицер.

Они стояли молча, глупо улыбаясь и разглядывая друг друга с совершенно не понятным мне интересом.

Потом офицер изо всей силы растянул рот и туго повторил мои слова:

— Я тебя люблю.

А она взбрыкнула ногами и очутилась у него на груди. Брыкнула еще раз, и они пошли дальше.

И по тому, как мелькнули в воздухе ее ноги, я понял, что эта женщина потеряна для меня навсегда, — я это думаю до сих пор.

Первой моей мыслью было догнать их и укусить офицера за ногу, но я почему-то раздумал.

Вместо этого я кинулся в самую гущу куста и, царапаясь, стал рвать те самые ягоды, которые я так долго берег для этой женщины, только для того, чтобы похоронить их теперь внутри себя вместе со своим обманутым чувством.

Придя домой, я грубо растолкал дремавшего кота и молча потащил его на двор, к песочной куче, где грелись на солнце сделанные мной утром пирожки.

Там я достал самую большую и красивую формочку, из-под тетки, и снова сделал из нее отца. Потом объяснил коту, что с этого дня и навсегда все пойдет по-старому.

Ребенок

Что может быть прекраснее молодой матери со спящим ребенком на руках?

Просеянное сквозь листву бульвара, играет солнце на розовых пухленьких щеках; тонкая, как лилия, рука матери реет белой птицей над его личиком, и ароматный ветерок от ее крыльев чуть вздымает шелковые стрелы спящих ресниц.

Молодая мать задумчиво говорит:

— Теперь моя личная жизнь кончена.

Эту фразу, которая меня повергает в ужас, она произносит радостно и умиротворенно.

— Моя жизнь — в нем.

— В мальчике, — понимаю я.

— В девочке — в ребенке. Разве вы не видите, что это — девочка?

— Да, действительно, — девочка, — близко-руко присматриваясь к носу младенца, попра-вляюся я. — Вот здесь, эта тень...

Она пугается.

— Какая тень?

— Я хочу сказать — овал. Вот этот овал вы-дает женщину, вернее, — девушку. Три ме-сяца?

— Да. Откуда вы угадали?

Я самодовольно улыбаюсь.

— По лицу. Я никогда не ошибаюсь больше чем на два года.

— Все в ней, — улыбаясь спящей девчужке, тихо говорит мать. — Мы уже свое взяли, те-перь — ее очередь...

— Вам двадцать один? — осторожно спра-шиваю я.

— Двадцать... А что?

— Так, ничего.

Я рассеянно черчу радуги на песке.

— Теперь я — уже старуха, — тихо и счаст-ливо смеется она. — Теперь вот чей черед. Правда, как красиво и умно устроена жизнь?

— В особенности умно, — соглашаюсь я. — Однако, мне кажется, что вы еще долго протя-нете. Старухи очень живучи.

Она суховато пожимает плечами.

— Я должна жить. Кто же будет думать о ней? Надо дать образование, научить... жить. Кто как не мать?

— Отец?

— Отец! — Она вздыхает и безнадежно машет рукой — насмешливо и печально. — Отец... Вы знаете, что он про нее вчера ска-зал? Что ей уже можно давать бульону. Вы понимаете, что это значит?

— Давать бульону?

— Да! Вы понимаете это? Это все равно, что дать ребенку заряженный револьвер.

— Пожалуй, — говорю я.

Некоторое время она молчит, нахмутив брови, полная тревог и сознания тяжести воз-ложенной на нее ответственности.

Вдруг она спрашивает.

— Может быть, вы подержите одну минуту ребенка? Я схожу за колясочкой.

Холод моментально пронизывает мои чле-ны, течет вниз и укладывается свинцом в бо-тинках, выпирая оттуда ноги.

— Может быть, лучше я — за колясоч-кой? — шепчут мои белеющие губы. — Она где?

— Вы не найдете... Берите вот так... Сдвинь-те ноги... Ноги сдвиньте! Тише! Вы ее разбу-дите... Крепко держите?

— Крепко, — шепчу я.

— Одну руку можете вот так. Не бойтесь... Палку бросьте... Ничего, шляпу подымите потом.

Она укладывает мне руки, закрывает часть головы и отступает на два шага.

Долго на нас любуется и уходит ежеминут-но обертываясь и посылая группе воздушные поцелуи.

Уходит все дальше и дальше, и сердце мое наполняется безграничной тоской. Только оно и живо в моем, сведенном судорогой, без-радостном теле.

— Ваша девочка? — спрашивает меня лас-ковый голос.

На краю скамейки сидит маленькая толстая старуха, похожая на завернутый в платок бу-льжник.

Я молчу. Мне кажется, что спящий сверток выкатится сейчас из моих затекших рук. Чтоб сделать ему плавный скат, я инстинктивно вы-тягиваю ноги; делается еще хуже.

— Ваша девочка-то, говорю? — еще привет-ливее спрашивает старуха.

— Моя, — стиснув зубы, отвечаю я.

— Хорошенькая девочка, — с безграничной нежностью говорит старуха. — Когда от гру-ди-то отымать думаете?

— Никогда.

Ее лицо озаряется любопытством и недове-рием.

— До каких же пор кормить будете?

— До двадцати одного года. До совершенно-летия.

Старуха обиженно вздыхает и смотрит в даль.

Я погружаюсь в бесчувствие.

— Сами кормите или с сосочки? — озабо-ченно спрашивает старуха. — Грудью или с рожка?

— Сам кормлю. Грудью.

— Спит, ангелочек, — умиляясь до влажно-сти, шепчет старуха. — Ишь, мушка, никак

сесть хочет... Так и есть — села!.. Дозвольте, я отмахну.

Не дожидаясь моего согласия, она подъезжает на скамейке и крутит корявым пальцем под носом младенца.

— Разбудить хотите? — криво усмехаюсь я. — Доиграетесь, пожалуй.

— Зачем, касатик, будить? Пусть ее, ангелочек Христов, спит — впилась как, проклятая... Ни с чем не уходит... Дозвольте я ее с той стороны зайду, отдую.

Старуха сползает со скамейки и деловито семенит на другую сторону.

— Дуть нельзя, — угадывая ее намерения, говорю я.

— Как это так нельзя?

— Так... С колен сдуть можете — ребенок легкий.

— Что ж, лучше мухам сожрать дать? — враждебно говорит старуха и дует без разрешения.

Муха упирается, в ноздрях младенца начинает свистеть.

— Вре-ешь, — шипит в воинском чаду старуха. — Врешь, слетишь... Довольно тебе человечину-то лопать.

Нос младенца начинает морщиться.

— Долго вы будете дуть? — скрежещу я. — Эй вы! Отец я или нет? Кто здесь хозяин?

— Муху-то надоть отогнать? — поднимает голову старуха.

— Не надо! Мой ребенок — что хочу, то и делаю. Может быть, я его нарочно к мухам приучаю.

Лицо старухи становится каменным.

Она поднимает губы, делает резкую попытку гордо выпрямиться и, потеряв на мгнове-

ние равновесие, попадает локтем в живот младенцу...

Померкло солнце, вихрь ломит деревья...

Треснул свод неба и с грохотом катится в бездонную ревущую бездну.

Старуха черным смерчем взмывает перед моими глазами, налетает на меня хищной тяжелой птицей, и... руки мои уже пусты и ловят в воздухе бьющиеся концы пеленок.

Что это?..

Стихает рев, робко светит небо... Кивают деревья, где-то, кажется, начинают петь птицы...

О, великая старуха!

Я еще жив и славлю Бога.

— Такие еще детей рожают, — безгранично презирая меня, бросает она.

Она делает младенцу какие-то знаки, тот ее понимает.

Они забывают обо мне.

С тихим писком, шелестя, подъезжает колясочка.

— А мы тут без вас, было, ребеночка затравили, — радостно говорит матери старуха.

Она на меня уже не сердится.

— Совсем было, насмерть, затравили.

Крик гнева и ужаса слетает с побледневших губ.

— Затравили, затравили, — щебечет старуха. — Папаша нас затравили, — утопая беззубым ртом в щечках младенца, причмокивает она. — Папаша...

Два горящих глаза смотрят на меня в упор и сжигают меня.

Как побитая собака, удаляюсь я медленно и боком. Дымясь, выгорают мои следы... Как я мерзок!

Нет, я — не папаша.

Планета Дева

Я медленно возвращался домой, мечтая о предстоящей мне перемене жизни, о браке с любимой девушкой, когда из-за угла вынырнул мальчуган, который чуть не сбил меня с ног, и крикнул:

— Предсказание судьбы! Купите счастья на копейку!

При нем была небольшая птичка и чашка со свернутыми бумажками.

Будучи человеком мягким и не способным

сопротивляться бурному натиску, я машинально вынул монетку, птичка клюнула, и мальчишка всучил мне один из билетиков. Хищно схватил копейку и удрал с такой быстротой, что я усомнился бы в реальности его появления, не останься в моей руке свернутая бумажка.

«Маленький шарлатан!» — с улыбкой подумал я, враг всяких примет, прочно державшийся отрицания всего чудесного.

Я собрался бросить бумажку, но почему-то остановился, вспомнив нехоти вещице слова Гамлета: «Много чудес на свете, которые и не грезились мудрецам, друг Гораций!»

Развернул билетик и прочитал:

«Планета Дева, под которой ты родился, предвещает судьбу мужчинам и женщинам! Разница только в том, что первые будут отличаться мягким характером, а вторые исключительной миловидностью, оживленной нежным румянцем».

— Случайно, но это так! — принужден был сознаться я, и продолжал чтение.

«Как женщин, так и мужчин, желающих вступить в брак, Дева предупреждает, что им предстоит развод по причине отсутствия у них детей и вытекающего отсюда столкновения характеров».

Это было серьезнее.

Сознавая нелепость охватившего меня беспокойства, я ускорил шаги и, сбросив наспех пальто в передней, прошел в кабинет к отцу, маститому уже старцу.

— Вот, прочитай! — с оттенком веселой шутки предложил я и протянул старику билетик.

Отец взял очки и пробежал по зловещим строчкам. Снял очки и прочитал еще раз, но уже гораздо внимательнее. Бессильно развел руками и уставился на меня налившимся скорбью взглядом.

Продолжая шутить и думая больше всего о том, чтобы он не услышал в тоне моем упрека, я прибавил:

— Ну, чтобы дорогой матушке догадаться и,

хотя бы на время, переехать в местечко вне сферы влияния этой проклятой Девы!

— Кто мог это предвидеть? — жалобно спросил он.

Смел ли я его упрекать! Он был человек старого поколения, отягченный многими предрассудками, верой в приметы и предсказания, в опасность попа, идущего вам навстречу, черной кошки, умышенно или нет пересекшей вашу дорогу, и во всю эту чепуху, над которой смеемся мы, дети нашего века.

Мы долго молчали, боясь взглянуть друг на друга. Потом, когда тишина стала невыносима, отец откашлялся ненужным кашлем и произнес, словно угадав мою мысль.

— Ну, что ж?.. Ясно одно: ты должен сказать об этом своей невесте. — И, помолчав: — А там пусть она и решает.

— Конечно, — суше, чем я хотел, отозвался я.

И в тот же вечер имел объяснение с Лизой, тяжелое, как я и предвидел.

То была не проверка нашего чувства, в глубине которого мы оба не сомневались, а полное горечи обсуждение вопроса — вправе ли мы, решая нашу судьбу, допустить даже малейший риск, пренебречь даже таким несомненным вздором, как предсказание ее какой-то планетой, да еще Девой, уж, конечно, совершенно некомпетентной в отношениях между супругами.

Моя позиция была ясна. Но Лиза?.. Ни свежесть ее ума, ни трезвость рассудка не могли устоять перед навязчивой мыслью остаться навек бесплодной. Что вы хотите? — женщина!

Она меня не винила, прощала моих родителей, но факт был фактом, планета была планета. Любая звезда, любое созвездие — Большая Медведица, Малая, Рак, Телец, Близнецы, да, и они! — ее не пугала двойня. Но нет, нет и нет! Только не Дева!

Я не мог ее убедить и остался холостяком на весь свой остаток жизни. Много чудес на свете!

Жертва алкоголя

Сидевший напротив кондукторши гражданин был пьян. Это показывала томность, с которой он склонялся на плечо соседнего пассажира и запах из его рта, выдававший количество и название выпитого.

Гражданин покачнулся, посмотрел на проплывший вдали вход в метро и сказал, не обращая ни к кому в частности:

— В трамвай я маменьку посажу, но под землей творить делов не позволю.

— Ладно, ладно, сиди! — отозвалась басом маленькая кондукторша.

Гражданин посмотрел на нее взглядом, отрицающим всю систему в целом, и ударился головой о принимавшую сдачу с рубля женщину.

— Сейчас ссажу! — рывкнула на него кондукторша. — Мокрая пташечка! — улыбнулась она со спокойствием сильного.

— А? Как вы сказали? — спросила сидевшая близко от гражданина культурного вида гражданка.

Выпивший гражданин устремил взгляд на открытый пакет на коленях у погруженного в книгу пассажира и извлек из него одно яблоко.

— Извиняюсь, — проговорил он и откусил половину яблока. Посмотрел на огрызок и положил его в руку кондукторши. — Сохраните! Может, кто потерял: найдется.

Кондукторша возмутилась и дернула за ревку.

— Сходи! — закричала она. — Сейчас сходи!

Она была очень мала, но за ней был авторитет положения. Гражданин противопоставлял ей объем и сознание достоинства, которое повелевало им в пьяном виде.

— Иди, тебе говорят!.. — Она вцепилась ему в рукав. — Бегемот в кепочке.

— О! Вы слышали, как она разговаривает! — пылко спросила всех культурного вида гражданка.

Не получив поддержки она решительно запустила руку за борт своего совершенно новенького пальто и извлекла записную книжечку.

— Кондукторша! Какой ваш номер вагона, я близорука? А?.. 12? Мерси!

Кондукторша повозилась около пьяного, и, не получив поддержки от народа, отправила вагон дальше.

— Кондукторша, какой ваш номер? — спросила гражданка. — Вы не умеете обращаться с большим пассажиром!

— Больным?! — откликнулся пассажир с бородой клинышком, похожий на маляра. — С пьяным, а не с больным!

— Не с пьяным, а с алкоголиком! — поправила его гражданка. — Алкоголизм — это болезнь, и с ее жертвами надежит обращаться бережно. — Она посмотрела на задремавшего после борьбы больного. — Болезнь надо уважать! — строго сказала она смотревшему на нее пассажиру с бородой клинышком.

— Какую болезнь уважать! — критически возразил он. — Хм! Бывают болезни честные, бывают болезни нечестные. — Он привлек в качестве иллюстрации полузаглаженные косметикой выбоины на лице гражданки. — Вон у вас рябь на носу! Я ее уважаю, потому что — бывшая оспа. Ты ее чем не шпаклюй, а раз телячей прививки ко времени не сделали: крышка! А это что? — он выразительно щелкнул себя по горлышку. — За это нашего брата уважать не за что!

Культурного вида гражданка дернула плечиком.

— Кондукторша, я вас записала! Вы с алкоголиком не имеете права так обращаться. У него, может быть, цирроз. Может быть, воспаление почечного эпителия! Брайтова болезнь! Вы это понимаете?

Кондукторша оробела.

— Их разве всех разберешь! — вполборота сказала она. — Другой, он на весь вагон лается.

— Да не лается! У него — катар, а не лается! Гортань! Разветвление бронхов! Легочные пузырьки! У него — утолщение сердечной мышцы!

Обладатель всего этого богатства открыл глаза и, взглянув на свою защитницу, благодарно изрыгнул на ее пальто часть съеденного им яблока.

— Извиняюсь, — корректно прибавил он.

— Ай! — завизжала культурная гражданка. — Кон... кондукторша!

Кондукторша дернула за веревку.

— Возьмите газету, — услужливо предложил владелец пакета с яблоками. Он порвал половину «Известий».

— Сходи, черт! Сходи!.. — вцепившись в рукав больного, захрипела кондукторша.

С помощью добровольцев больного вышибли.

— Повели! — заглянув в окно, сообщил пассажир с бородой клинышком. Он вздохнул. — И Чего болезнь с человеком не делает!

— Болезнь!! — завизжала гражданка. — Бо-

лезнь!.. Да таких больных убивать надо. — Она рванулась к запыхавшейся от борьбы кондукторше. — Стерилизовать! Вы для того здесь поставлены.

— Пожалуйте! У них без того перегруз, — сказал пассажир с бородой клинышком. С ним согласились.

— Хм! — протирая пальто газетой, хмыкнула гражданка. — Труссы! Другие бы, общими силами, так морду ему набили, что он бы бутылкой рта не нашел... Карлица! — Она погрозила кондукторше. — Обрадовалась, что война! Перегруз. Тут вместо такой — мужика надо!

Человек общества

Трудно предположить, глядя теперь на меня, — блестящего человека общества, остроумного говоруна и незаменимого собеседника, в словах которого столько же неподдельного веселья, сколько вдумчивого проникновения в суть понятий, связанного, к тому, с исключительной способностью освещать самый незначительный предмет с новой, совершенно неожиданной стороны, отчего он весь сразу загорается, делается блестящим и ярким, отбрасывающим целый сноп лучей, подобно ничтожному кусочку стекла, мутного и затерянного в поле, в который неожиданно ударило солнце, — трудно, говорю я, предположить, глядя на меня теперь, что еще очень и очень недавно я был едва ли не самым незаметным и молчаливым человеком, служа постоянным предметом не всегда одобрительного изумления для обедающих за одним столом со мной и неиссякаемым источником, если не страдания, то конфуза, со стороны собственной жены, ее и моих родственников.

Переворот этот произошел сразу и неожиданно, пожалуй, даже болезненно, насколько болезненным можно и следует назвать падение зрелого плода, которому предшествовал долговременный период созревания под палящими лучами солнца, период медленно-сладостного движения соков, наполнивших его тонкую оболочку полупрозрач-

ной, многообещающей тяжестью, оторвавшей ее от заботливой, хрупкой, как молодая мать, веточки.

— Опять ты молчал за столом? — как всегда сказала моя жена, когда мы вернулись из ресторана.

И посмотрела на меня долгим, сострадательным взглядом, за которым скрывалась безграничная покорность судьбе, поручившей ей калеку-мужа.

— Я, кажется, разговаривал, — пролепетал я.

— Нет, ты молчал.

Она устало махнула рукой, а под ее глазами легла маленькая тень пугающего неопределенного предостережения.

— Молчи, молчи... домолчишься... И так уж все думают: вот идиот сидит... Приятно, когда... любишь человека?

Она как-то порывисто вздохнула и отвернулась.

— Но ты-то знаешь, что я — не идиот, — как можно тверже сказал я, стараясь взять ее за руку.

— Кто тебя там знает, — уныло прошептала она.

— Я знаю! Я знаю, моя милая.

Искренность моего тона на нее подействовала. По крайней мере, она не отняла руки и, посмотрев на меня с некоторым даже удовольствием, мечтательно воскликнула:

— Вот если бы ты при других так говорил! Не то же самое, конечно, но что-нибудь вроде...

— Да я могу, когда захочу, — ответил я самодовольно. — Мне только разойтись трудно, а то бы я им показал!..

— А ты разойдись, — подбодрила она, любясь моим порывом. — Разойдешься? Ну, для меня... Разойдешься? Ты ведь можешь, когда захочешь.

— Да это мы можем...

— Ну, вот видишь!.. Ты и сегодня уж начал, да этот дурак-доктор перебил. Помнишь, когда ты было сказал, что в Москве трамвай лучше, чем здесь? А он — со своей мостовой идиотской.

— Да, это у него есть — с глупыми замечаниями соваться, — согласился я. — Лишь бы сказать что-нибудь.

— А ты не давай! Сам за себя не заступишься — никто не заступится. Не позволяй перебивать, да и все... Вот еще, всякий там докторишка... Ты у меня — умный.

На это трудно было возразить, и я успокоительно поцеловал ее в лоб.

— Будешь говорить? — с лучезарной надеждой спросила она. — В ресторане?.. При всех? Я потрепал ее отечески, за ухо.

Милая тщеславная головка!

Обед начался, как всегда, с той лишь разницей, что доктору не удалось прочесть вслух обеденную карточку. Он успел только произнести «консье пейзаж», когда я перебил ровным металлическим голосом:

— Горошек англез или филе из судачка.

Потом продолжал, чувствуя на себе благодарный и одобрительный взгляд жены.

— Молодки, крем паризьен и кофе... Господа?

— На первое, все же, консье пейзаж? — небрежно бросил доктор.

Я не дал ему времени закрепить за собой начало разговора и холодно, с оттенком непереносимой иронии, возразил:

— Тем не менее, на второе — горошек англез или филе из судака... мадам?

Пожилая, очень худая дама, жена сыроватого инженера, — мы познакомились с ними на железной дороге, когда ехали в Петербург, — сказала:

— Мне — консье.

Жена, жертвуя собой ради моих первых шагов, отказалась от супа и ответила:

— Я — горошек англез.

— По-английски? — добродушно заметил инженер. — Супу не признаете?

Я дал жене возможность любезно кивнуть головой и, пожав плечами, сказал:

— Как жаль, что такая большая, богатая во многих отношениях нация, как английская, известна громадному большинству русского общества только своим отрицательным отношением к нашему первому блюду — супу... Характерная, между прочим, черта русской интеллигенции...

— Именно? — жадно спросила жена.

— Именно та черта, что, соглашаясь с просвещенными мореплавателями в принципе, — ибо кто же не знает, что бульон весьма мало питателен, так как все наиболее питательные для человеческого организма частицы мяса остаются на сите, при процеживании, — соглашаясь, я говорю, в принципе, мы, тем не менее, не можем себе отказать в этом, с виду невинном, удовольствии, — наполнять в начале обеда нижнюю половину нашего желудка горячей водицей с вываренными сухими корешками и пятнышками жира.

— Мдаа... — задумчиво проговорил сыроватый инженер. — Ядовито... Ядовито сказано...

Я ответил на горячее рукопожатие жены под столом и продолжал, испытывая странно приятное чувство парящей птицы:

— Беспечность русского человека, приведшая нас к Цусиме, к тому, что в столице России, в Петербурге...

— Вот и судачок! — воскликнула инженерша с неожиданной, при ее возрасте, живостью... — Рыбка...

— Вы такая любительница рыбы? — остро спросил я.

— О, да!

— Поразительно! — воскликнул я, изумляясь и не веря, какой неисчерпаемый источник интереснейших тем и блестящих сопоставлений к услугам всякого тонкого и развитого человека. — Поразительно!

Я выдержал захватывающую паузу и, выковыряв вилкой небольшую косточку, протянул ее инженерше.

— Скажите, — процедила она. — Какая кость!..

— Обыкновенная, рыба кость, не правда ли?.. Все для нас «обыкновенно», людей двадцатого века, а между тем?.. Для вас, мадам, это — просто кость, для господина доктора и его прекрасной пациентки (не краснейте, господин доктор!), это — опасный, угрожающий целой жизни предмет, а кое для кого эта «обыкновенная» маленькая кость — источник не только тепла, но и украшения. Какой-нибудь дикарь с этакой вот штучкой в носу, какой-нибудь эскимосский Пуаре, Ворт или, я не знаю там, кто...

Моя речь катилась быстро и вольно, как широкая прозрачная река, в которой плескался я сам, подобно маленькой золотой рыбке.

Боже мой! Как велика сила и красота живой человеческой речи!

И... не странно ли? Я, маленький простой человек, с виду не отличающийся от тысяч и миллионов других, являюсь вдруг обладателем сказочного богатства. Какой-нибудь час тому назад я был нем и бесплоден, как квадратный аршин выжженной степи. Теперь из меня бьет фонтан драгоценной жидкости — человеческого слова, и я — крез, властелин общества.

Поняла ли ты, жена моя, кого разбудила ты во мне, что сидишь теперь такая маленькая, взволнованная, опустив глаза в остаток того, что называют здесь молодками?

— Еще, слава Богу — не пулярдами! Знаете ли вы, господа, что такое — пулярда? Настоящая пулярда, которой в Париже цена — пять семь франков, а здесь вы не получите и за десять рублей! Это — слон! Это, это...

Мне показалось, что кто-то больно ущипнул мою ногу.

— Кит, — помог инженер. — И откуда вы только все знаете? Энциклопедия какая-то ходячая... Брокгауз и Эфрон. Хе-хе... Вот, кстати, и мороженое.

— Смотрите, — лукаво, но в то же время предостерегающе, погрозил я. — Горла не простудите. Мороженое — холодное.

— Да? — изумился болтун-доктор. — Это — парадокс.

Он бросал мне вызов — перейти на беззаботную, со стороны, болтовню, но, фактически, самую утонченную и хрупкую, как легчайший фарфор — во вкусе Уайльда.

Я принял вызов и, улыбаясь, ответил:

— Один из парадоксов, прибавляющий лишнюю грань к стеклышку, через которое мы наблюдаем жизнь, не делая ее, фактически, ни сложнее, ни нелепее. Не так ли, мадам?

Инженерша не нашлась, что ответить, но жена твердо заметила:

— Нам пора, мы сегодня — в театр.

— В оперу или драму? — предвкушая безынтересный диспут, спросил я. — Кстати, Шаляпин — в Петербурге? Нет?.. Жаль... Артист — единственный в своем роде...

— Нам пора, милый.

— Что же касается драмы, я признаю Художественный... В Художественном театре...

— Милый, прощайся.

Я добродушно пожал плечами.

— Приходится покоряться... Жена да боится своего...

— Иди, уж, иди!

— Вперед без страха и сом...

— Одевайся! Ну?.. На чай дал?

— Да, голубушка. Чай, чай и чай. В России на одни чай...

— Бери извозчика, — изменившимся, как мне показалось, голосом сказала жена, против обыкновения не беря меня на улице под руку.

— Извозчик! Садовая — сорок.

— Полтинник стоит.

Я толкнул жену в бок.

— Русский извозчик! Предложи я ему двугривенный, он бы поехал за тридцать. Но стоит ему дать сорок...

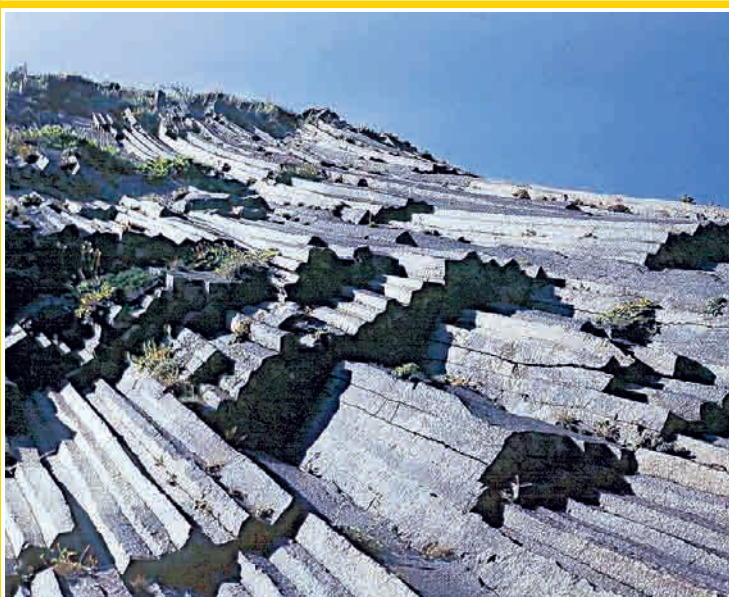
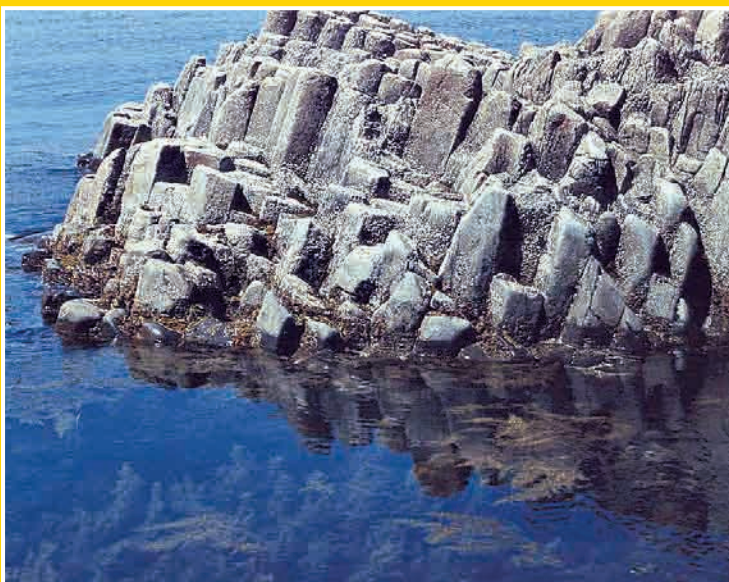
— Ты замолчишь или нет? — неожиданно спросила жена.

Глухой, непривычно враждебный тон ее голоса резанул мое ухо. На извозчике она заплакала. — Слезу... Женские слезы! Женщина готова плакать из-за каждого пустяка. Из-за изменившего любовника, неудачной шляпы, из-за всего... Мужчина? — другое дело...

*Публикация Станислава Никоненко.
Иллюстрация Романа Львова*

СЕМЬ ЧУДЕС РОССИИ

Мыс Столчатый на острове Кунашир, Курильская гряда

Остров Кунашир – самый южный из Курильских островов. Он – ирреален: розы на скалах, джунгли под водой. Общая площадь Курильских островов составляет около 1550 кв. км. Курилы, рожденные вулканами, выглядят весьма нетипично. Наивысшая точка острова – вулкан Тятя (высота 1819 м), он по праву считается символом острова. За ним следуют вулканы Руруй (1486 м), Менделеева (887 м) и Головина (541 м). Все они – действующие. Но самое яркое впечатление оставляют уникальные базальтовые скалы на мысе Столчатый. Он находится в 15 км. от Южно-Курильска и всего 25 км. отделяет мыс от Японии. Мыс похож на гигантский орган, на рукотворную скульптуру, стремящуюся передать ощущение и энергетику полета, волны, крика. Удивительно, что такую идеальную композицию создала случайность природы. Каждый столбик имеет шестигранное сечение. Завораживающее зрелище гармонии, мощи и величия. Покоряет воображение и уходящая прямо в море природная мостовая. Ощущаешь себя, словно на другой планете. Или будто стоишь на спине уснувшего окаменевшего чудовища. На самом деле, это – подводный вулкан, потухший миллионы лет назад, обнажил свое жерло. К сожалению, мыс Столчатый, занесенный в список природных богатств, охраняемых ЮНЕСКО, ежегодно разрушается от смены температуры, морского ветра, воды.

В.А. Марцинкевич

Александр НЕВСКИЙ:

«Ради жены ГОТОВ НА ПОДВИГ»

В Голливуде Александра Невского называют русским Геркулесом, а в России — вторым Шварценеггером. Сегодня Александр Невский — актер, сценарист, преуспевающий продюсер. Он — очень обаятелен, смел и, как всегда, открыт для общения.

— В юности многие начинают заниматься спортом по двум причинам: одна — ради самоутверждения, вторая — чтобы научиться драться и уметь постоять за себя. А что вас заставило серьезно заняться спортом?

— Просто не было другого выхода. Я — очень высокий, и в юности врачи обнаружили у меня искривление позвоночника. Тогда мне было 15 лет, рост — 192 сантиметра, а вес — меньше 60 килограмм. Помочь могли только спортивные занятия.

К тому же родители всегда мне говорили, что проблемы драками не решаются и, по возможности, надо уметь уходить от конфликтов. Я с детства был очень начитанным, особенно увлекался поэзией, знал наизусть Ахматову, Мандельштама, Гумилева и любил читать их своим друзьям. Забавно выглядело: высокий, нескладный парень восторженно декламирует стихи перед мальчишками. Не совсем типичная картина для подростка.

Бывало всякое. Многие надо мной подсмеивались, и порой доходило до настоящих конфликтов. Тогда я и подумал: нет, так не годится: взрослый парень, а постоять за себя не могу. Узнал, где находится секция бокса, и записался туда. Сначала занимался боксом, а потом увлекся кикбоксингом

и бодибилдингом. Это было уже серьезно. Я часто выступал на соревнованиях, и меня заметили, даже как-то сфотографировали для обложки журнала «Супермен». Это была моя первая обложка. Я скупил, наверное, десятую часть тиража.

В то время, при своем росте, я весил уже около 140 килограмм.

В 1996 году, в моей первой книге «Как стать Шварценеггером в России», я опубликовал очень много фотографий того периода. Для мальчишек это – очень важно: показать, что можно сделать со своим телом тренировками, даже если ты от рождения худой и нескладный.

– Родители всег да поддерживали ваше увлечение культуризмом?

– Скорее, никогда не поддерживали. Папа достаточно категорично высказывался по этому поводу. Он считал, что мне больше надо заниматься науками. А мама особо не протестовала. Она понимала, если я занимаюсь спортом, если верю в это, то, наверное, все делаю правильно. Вообще, мама меня всегда поддерживает во всех моих начинаниях. У нас очень хорошие, доверительные отношения.

Я могу понять, почему родителям не нравилось мое увлечение спортом. Днем я учился, к тому же старался где-то подрабатывать. А для тренировок оставалось только ночное время. Папа по ночам работал – писал книги по экономике, а я в это время в соседней комнате гантелями грохотал...

Правда, сейчас, когда удалось добиться некоторых успехов, в семье уже не возникает споров о правильности выбранного пути. У мамы, пожалуй, самый большой архив в мире по Александру Невскому. Она хранит даже те публикации, которые я сам не видел. Это – статьи из каких-то областных изданий. Не знаю, каким образом она их достает. У нее также хранятся все мои спортивные награды, фотографии разных времен. Я часто посмеиваюсь: тебе надо организовать квартиру-музей и брать деньги за посещения.

Папа, конечно, тоже доволен тем, как все сложилось, но не особо это афиширует.

– Наши актеры потихоньку покоряют Голливуд, но пока не очень удачно. Вы же, можно сказать, давно стали там своим человеком. Трудно было первое время?

– Когда я приехал в Лос-Анджелес, было очень много такого, чего я не понимал. Английским, правда, владел неплохо, но недостаточно для того, чтобы играть или проходить кастинги на английском. Поэтому я начал с того, что в университете Калифорнии стал серьезно заниматься языком. Потом поступил в театральную академию Ли Страсберга, где изучал актерское мастерство. Его школы в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке считаются самыми престижными. В 20-е годы он приезжал в Россию, учился у самого Станиславского. Вернувшись в Штаты, Страсберг опубликовал свою книгу «Метод», по которому учили и продолжают учить актеров. В нью-йоркской школе Ли Страсберга занимались Мерелин Монро, Марлон Брандо, Роберт де Ниро. В лос-анджелесской – Аль Пачино, Ким Бесинджер, Алек Болдуин. Вот я и решил примкнуть к такой звездной компании. К своему удивлению, удачно прошел собеседование. Но одно дело изучать английский язык в Америке, а другое – учиться на английском актерскому мастерству. Тебе никто не делает никаких скидок, подразумевается, что ты должен все понимать. Конечно, ударов по самолюбию я получил там много. Со мной учились ребята из Европы, младше меня на пять лет, но владели они английским прекрасно. Для меня это был дополнительный стимул, чтобы в совершенстве выучить язык.

– Как получилось, что из спорта вы перешли в кино?

– Я всегда играл – и в школе, и в институте, в самодеятельных спектаклях и в команде КВН. Но настоящая профессиональная учеба актерскому мастерству началась в школе Страсберга, можно сказать, с нуля. Больше года ушло на занятия языком и актерским мастерством. Наконец, в 2001 году меня пригласили на эпизодическую роль в фильме «Непререкаемые», где снимались Снайпс и Майкл Рукер. Режиссер Уолтер Хилл был в свое время первым американским режиссером, получившим разрешение снимать в России. Я помню, как он привез сюда Шварценеггера. Это был 1988 год. Арнольда поселили в гостинице «Спорт», только там был достойный тренажерный зал. Но... Его туда не пустили, потому что у него не было разрешения Госкомспорта. Когда мы встретились в Штатах, я напомнил Арнольду об этом почти анекдотическом случае.

– Кто был первой голливудской знаменитостью, с которой вы познакомились в Штатах, и как это знакомство состоялось?

– В принципе, первой знаменитостью, с которой мне довелось пообщаться, был Арнольд Шварценеггер. Он – потрясающий человек, очень теплый, очень открытый. У нас сложились теплые отношения. И когда сегодня я часто слышу, что похож на него, очень горжусь этим.

А Стивен Сигал был первым, кто принял меня у себя дома. Я показал ему свои публикации, подарил его дочери свою книгу. Мы замечательно провели время вместе.

Вокруг звезд ходит очень много разных слухов, чаще всего, надуманных. И я стараюсь, по возможности, разрушать сложившиеся стереотипы о России там, в Америке, и о Голливуде – здесь, у нас.

– А откуда пришло желание самому снимать фильмы?

– В 2003 году я приступил к первому проекту, в котором участвовал и как автор сценария, и как продюсер вместе с Александром Изотовым, и как исполнитель главной роли. Назывался фильм «Московская жара». Это, на мой взгляд, первая картина за всю историю Голливуда, в которой Россия представлена позитивно. Так как кино было сделано совместно с американцами, оно – на английском языке. 80 процентов действия происходит в Москве. Естественно, амери-

канцы хотели снимать или в Праге, или в Торонто, но, в итоге, все московские сцены снимали здесь – на Красной площади, на Москве-реке, в Царицыно, на смотровой площадке Воробьевых гор, в московском метро, на улицах... Показали Москву, какая она есть на самом деле.

– Потом было еще два фильма...

– Да. Второй – «Время перемен», для съемок которого сюда приехала Мэриел Хемингуэй, внучка великого писателя. Это – документальный фильм о политической жизни России за последние 15 лет. Было много плохого, и они об этом знают. Но было и много хорошего, о чем они знают мало. Мы построили фильм на хронике и комментариях ведущих.

Третья картина, в которой я принимал участие как соавтор сценария, продюсер и соведущий, – «Настоящая Москва». Фильм неполитический, развлекательный, о том, какая красивая, замечательная и разная, наша Москва.

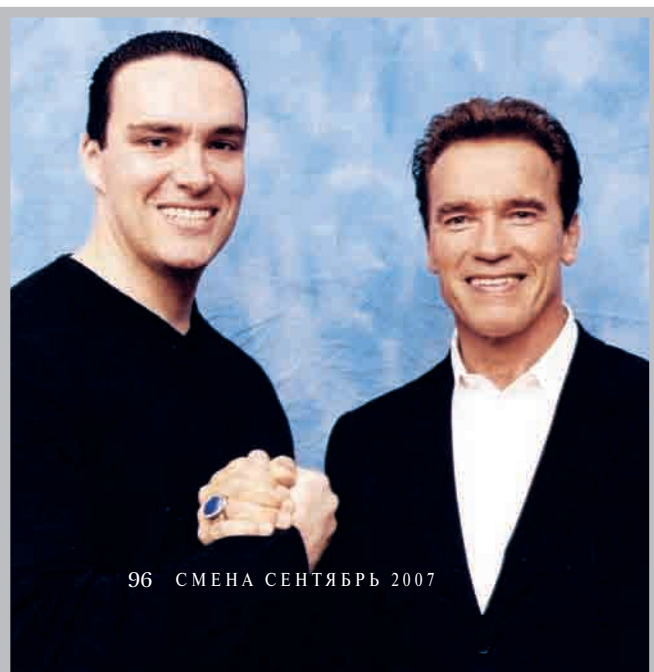
– Карьера уже, можно сказать, состоялась. А как с личной жизнью?

– Хороший вопрос. Я женился в Америке, причем очень удачно, на девушке, с которой познакомился в России еще в 93-м году. Ее зовут Катя, мы учились вместе в институте. Потом вместе уехали в Америку. Тогда мы еще не были женаты и не думали, что останемся в Америке надолго. Я-то планировал посниматься полгодика и вернуться назад. Кто же предполагал, что целый год придется изучать язык и актерское мастерство.

Когда мы с Катей познакомились, я уже качался, меня показывали по телевизору. В общем, был первый парень на деревне. Как-то друзья мне сказали: «Есть одна девчонка, которая все время тебя пародирует». Естественно, я сразу обратил на нее внимание, к тому же она была первой красавицей в институте. Мы со временем подружились, вместе поехали в Америку, а в 2000-м поженились в Лос-Анджелесе. Гостей из американцев на свадьбе было человека три. Это же «чужая территория», мы мало кого тогда знали.

– Чем Катя занималась здесь, до вашего отъезда, и чем занимается сейчас в Америке?

– После института Катя хотела пойти в аспирантуру, но я уговорил ее поехать в Штаты. Там

~ частное мнение

она вместе со мной совершенствовала английский язык. Там же увлеклась фотографией. Сейчас Катя мечтает о персональной фотовыставке. Ведь ей позировали и Микки Рурк, и Арнольд Шварценеггер, и Стивен Сигал. Может, в будущем фотография станет ее профессией, и из нее выйдет хороший фотожурналист.

– Какой самый неординарный поступок вы совершили ради Кати?

– Как-то мы с ней отдыхали на Канарских островах. Пошли в аквапарк. Там есть огромная гора, называется «Камикадзе». Я мало чего боюсь в жизни, но, честно говоря, высоту не люблю. Катя говорит: «Давай, забирайся туда. Я тебя сфотографирую в движении». Тогда наш роман был на самом пике, и я не мог сказать любимой девушке, что боюсь высоты. Пришлось залезать на гору. По свистку инструктора надо было отпустить руки от перил и съезжать вниз. Инструктор свистит, а мне – страшно. Катя снизу машет: «Спускайся!» Инструктор опять свистит. Я делаю вид, что якобы настраиваюсь, и вдруг вижу, как мимо меня летит какой-то пацан лет семи. Это меня задело. Я оттолкнулся, закрыл глаза и полетел вниз. Катя потом смеялась: «Ты что так долго собирался?» «Траекторию выбирал, чтобы кадр получше получился».

Это был мой первый большой подвиг ради нее...

– Отличается ли западная модель семейных отношений от российской?

– С одной стороны, все более прагматично. Сразу заключается брачный контракт, вы обговариваете, как будете делить деньги «на выходе». Конечно, это не так романтично. Вроде любовь, а тут – дележка имущества. Хотя мы с Катей и поженились в Америке, но брачный контракт не составляли. Но, с другой стороны, контракт – большая гарантия того, что люди будут себя вести по-человечески и впоследствии обойдутся без всяких дрызг. В Америке очень уважают семейные ценности и стараются держаться за семью, хотя нам это кажется несколько странно – столько слухов о громких разводах.

Я искренне убежден, что если твоя цель – добиться серьезных успехов в карьере, обязательно должен быть тыл. Надеюсь, что скоро и молодежь поймет, насколько важен в жизни институт

брака. А как по-другому? Всегда должны быть рядом близкие и любимые люди, это помогает двигаться вперед.

– Все ваше время и ваше жизненное пространство заполнены спортом и кино. А что еще важного происходит у вас в жизни?

– Скоро в Америке выходит моя пятая книга. Она – о спорте в жизни звезд кино. Я хочу привлечь внимание подростков, доказать, что занятия спортом могут привести к успеху не только в соревнованиях и чемпионатах, но и в одной из самых привлекательных в мире профессий – профессии кинозвезды. Я вообще люблю встречаться с молодыми ребятами, беседовать с ними. Ведь и мне в 15 лет было важно услышать от уважаемого мною человека совет о том, как тренироваться, как добиться успеха честным путем. Я и в Америке провожу много семинаров по здоровому образу жизни.

А вот свободного времени катастрофически не хватает. Я живу в десяти минутах от океана, и, когда выдается свободная минутка, иду к нему. Люблю смотреть на океан, бродить босиком по берегу. Взглянешь на эту огромную стихию, и сразу же чувствуешь какой-то внутренний покой. Будто волны миролюбиво шепчут тебе: «Ты всего-навсего обычный человек. Будь спокойнее, будь тише...»

Беседовала Ирина Васильчикова.

Ричард Деминг

РИСК

В воскресенье за ужином Лайл равнодушно сообщил, что в понедельник утром вылетает в Чикаго.

— Надолго? — поинтересовался я.

— На неделю до следующего понедельника.

— На целую неделю! — воскликнул я так громко, что маленький Тод вздрогнул от страха и уронил ложку с пюре. — Ты оставляешь Марту одну на целую неделю?

Едва эти слова слетели с моих губ, как я пожалел о них. Конечно, по городу разгуливал маньяк-убийца, и я имел право беспокоиться о сестре, но мне нравился Лайл. Он был настолько чувствительным, что при разговоре с ним приходилось тщательно взвешивать каждое слово. Мой шурин быстро обижался и мог часами сидеть молча и смотреть в одну точку.

Марта с тревогой взглянула на мужа, но, увидев, что он никак не отреагировал на мои слова, облегченно вздохнула.

— Меня будет защищать Тод, — пошутила она.

Хорош защитничек! Моему племяннику-тезке было два с половиной года.

Я тревожился за сестру не напрасно. Маньяк-убийца, прозванный «Чулком» за то, что душил своих жертв чулками, уже расправился с шестью женщинами в Сент-Луисе. Вскоре у этого подонка появились подражатели. В Канзас-Сити и Чикаго произошло по подобному убийству. Все убитые в нашем городе были молодыми красивыми замужними женщинами. В момент убийств мужа дома отсутствовали. В двух случаях они уезжали в командировки, а в четырех других — куда-то уходили.

То, что всех шестерых убил один и тот же человек, было очевидно. Убийца пробирался в дом ночью, когда хозяйки уже спали, находил чулки, в которых ходили жертвы, после чего одним душил, а второй уносил с собой. Ни одна жертва не подверглась сексуальному насилию. Преступник наверняка действовал в перчатках. На все шесть убийств имелась одна-единственная свидетельница, которая видела, как из дома одной из жертв вышел какой-то высокий мужчина во всем черном. К сожалению, она видела его со спины и, естественно, не могла описать.

— Мне — не до смеха, — мрачно покачал я головой. — Не забывай, что одно из убийств произошло всего в полумиле от вашего дома.

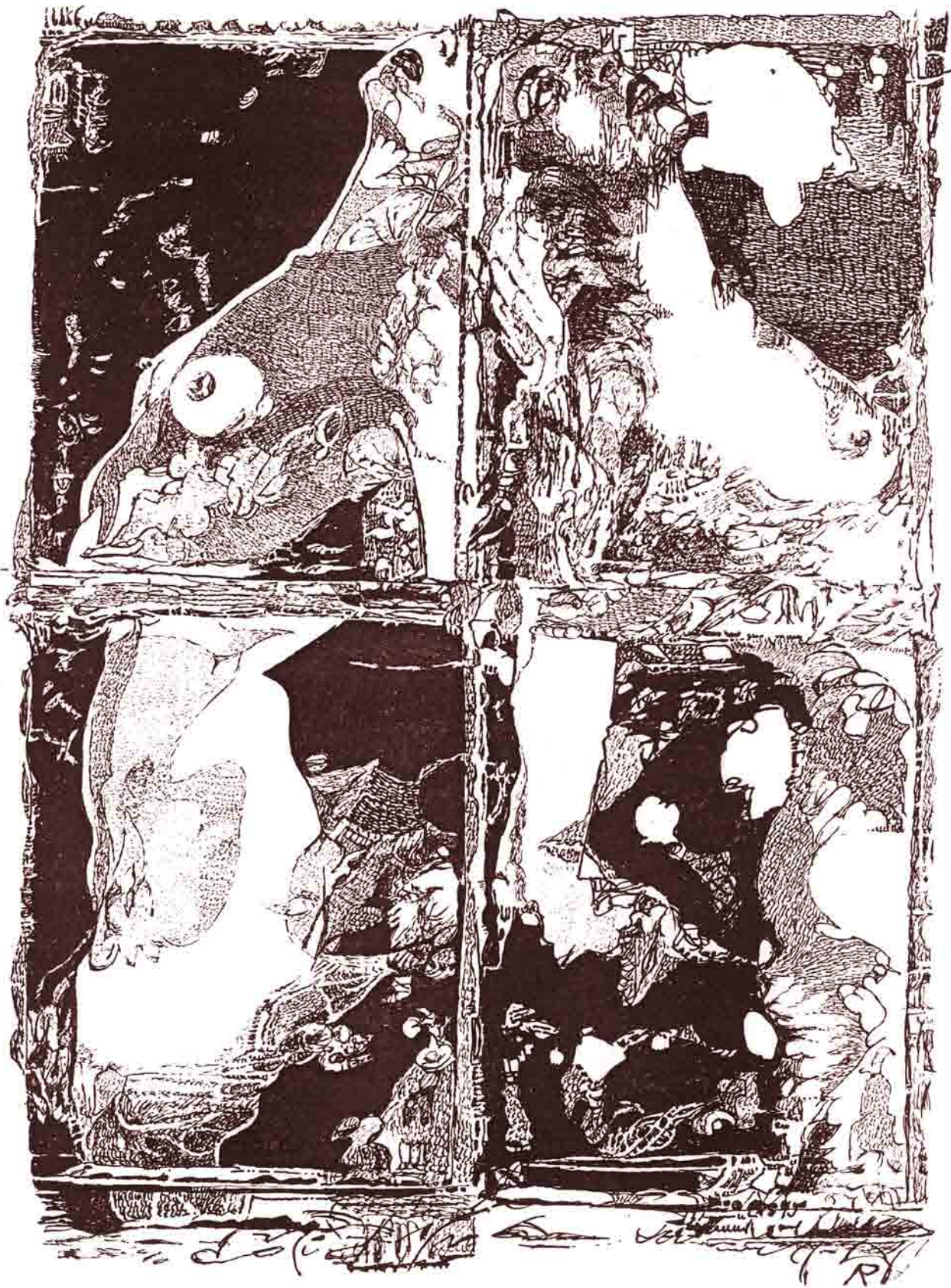
— Если он вздумает забраться ко мне, то его будет ждать неприятный сюрприз, — улыбнулась Марта. — В армии я прошла курс дзюдо.

— Состоящий из целых двух уроков? — хмыкнул я. — А если этот Чулок тоже специалист по дзюдо?

— Двенадцать уроков по часу. — Марта обиженно поджала губы. — Если хочешь, могу показать, чему меня там научили.

— Я велел Марте запирать по вечерам все двери и никому не открывать, — пожал плечами Лайл Бартон.

— Послушай, Лайл, — хмуро проговорил я и выразительно посмотрел на него. — Я занимался этой историей с самого начала и знаю кое-какие подробности, о которых не было ни слова в газетах. Полиция попросила репортеров попридержать их,

опасаясь, что они вызовут панику. Убийца проникал в дома жертв при помощи отмычки.

— Значит, нужно поставить на обе двери засовы, — вздохнул Лайл. — Но я улетаю рано утром, когда хозяйственные магазины будут еще закрыты... Тод, выручай. Будь другом, поставь завтра засовы.

— Конечно, поставлю, но и засовы не дадут стопроцентной гарантии. Одна из жертв заперлась изнутри на засовы, но убийца аккуратно сделал стеклорезом дыру в стекле около ручки. Я говорю о том случае, когда в газетах написали, будто он забрался в дом, разбив окно. Детективы испугались, что, если написать правду, начнется паника, и домохозяйки станут палить из ружей по мужьям, которые поздно возвращаются домой... Эта поездка необходима?

— В Чикаго каждый год проходит выставка новых электронных товаров, — со вздохом объяснил шурин. — Я не могу ее пропустить.

Лайл работал в отделе снабжения крупной электронной фирмы и регулярно ездил в командировки. Правда, такой продолжительной командировки я что-то не мог припомнить. Обычно он уезжал на один-два дня. Уволившись из армии, Лайл полгода ходил на курсы по ремонту телевизоров и теперь подрабатывал по вечерам, устраняя неисправности в телевизорах. Он зарабатывал около десяти тысяч долларов в год, но их едва хватало, чтобы прокормить семью из трех человек и выплачивать взносы за дом.

— Тогда я перееду к вам на эту неделю, — решительно объявил я.

— Я — не против, — пожал плечами Бартон. — Если, конечно, ты согласен спать на диване в кабинете.

— Репортеры могут спать где угодно, — заверил его я.

— Конечно, с тобой мне будет спокойнее, — улыбнулась Марта. — Но, по-моему, ты напрасно беспокоишься, братец. Чулок убивает только красивых женщин.

— Не сомневайся, ты относишься к их числу, дорогая, — тут же заявил мой шурин.

Марта ласково улыбнулась, хотя и понимала, что красива только в его глазах. Моя сестра не была уродиной, но только ослепленный любовью мужчина мог бы назвать ее красавицей. Худая, с тонкими некрасивыми ногами, но главной отличительной чертой ее был, как и у всех Конноров, тонкий, длинный и острый нос, придававший ей сходство с птицей. Короче, вылитая копия меня, за исключением разве того, что я на двадцать сантиметров выше. В газете меня называли Нос Коннор. Редактор, придумавший это прозвище, уверял, что намекает на мой поразительный нюх на сенсации, но я подозревал, что у большинства моих коллег оно ассоциируется с длинным носом.

Все наши друзья и знакомые сильно удивились, когда Марта вернулась в Сент-Луис с красавцем-мужем. Лайл Бартон был высоким мускулистым блондином с волнистыми волосами и лицом древнегреческого героя. Конечно, я очень любил свою младшую сестру, но, признаюсь, и у меня их брак вызывал удивление до тех пор, пока я не узнал подробности.

Марта работала медицинской сестрой в психиатрическом отделении военного госпиталя в Форте Орд. В этот госпиталь привезли рядового Лайла Бартона с диагнозом «невроз военного времени».

По словам Марты, такие больные часто влюбляются в своих врачей, особенно если они женщины. Когда больных очень много, врачи занимаются, в основном тяжелыми. Поэтому «брошенные» больные влюбляются в своих медицинских сестер.

Марта рассказала, что в нее уже не раз влюблялись больные, но после выздоровления быстро излечивались от любви. Однако в случае с Лайлом все оказалось по-

другому. Ей самой не хотелось, чтобы он разлюбил ее, потому что она влюбилась в Бартона.

После выписки из госпиталя и почетного увольнения из армии Лайл Бартон продолжал любить Марту. Им тогда было по двадцать шесть лет. Марта, взрослая женщина, решила не торопиться, чтобы разобраться в чувствах.

Лайл был сиротой. Его вырастили дядя с тетей, которые до сих пор жили в Висконсине. Марта посоветовала ему проведать стариков и пообещала, что, если через месяц его любовь к ней не угаснет, она выйдет за него замуж. На двадцать девятый день Лайл прилетел в Форт Орд «на крыльях любви», а неделей позже они стали мужем и женой.

Едва Бартон успел закончить курсы по ремонту телевизоров, как Марте, ждавшей ребенка, пришлось уйти из госпиталя. Они приехали в Сент-Луис, и он начал искать работу. Первый месяц Бартоны жили в единственной спальне моей холостяцкой квартиры, а сам я спал на диване в гостиной.

Лайл быстро понял, что работа телевизионного мастера — занятие неприбыльное. Он расширил круг поисков и быстро нашел работу в отделе снабжения одной из крупнейших в городе электронных фирм. С тех пор Лайла дважды повышали по службе, и они купили маленький домик на бульваре Беллерив.

Мне казалось, что у Лайла остались некоторые проблемы с психикой, выразившиеся в его повышенной чувствительности и регулярных депрессиях. Со мной были согласны и власти, которые платили ему небольшую пенсию по инвалидности.

В понедельник вечером Марта уложила Тода спать, и мы устроились в гостиной с коктейлями в руках. Виски развязало ей язык. Когда я поинтересовался, как дела у Лайла со здоровьем, она ответила не сразу.

— Знаешь, не очень, — наконец вздохнула Марта. — Дело в том, что у него был не только «невроз военного времени», а серьезные проблемы с психикой и до армии. Он даже год лечился в психиатрической клинике в Висконсине от легкой шизофрении.

— Шизофрении! — изумленно воскликнул я. — Но как он попал в армию с такой болезнью?

— Просто скрыл на медкомиссии. О шизофрении узнали только после его возвращения на лечение.

— Но если Лайл шизофреник, — пробормотал я, — это значит, что он — опасен.

— Ничего это не значит, — хмуро покачала головой сестра. — У Лайла — не серьезная, а легкая шизофрения. Он — никакой не шизофреник. Я уверена, что, как минимум, у десятка твоих знакомых и друзей при желании можно найти симптомы легкой шизофрении. Это — распространенное явление.

— А если в его состоянии наступит ухудшение?

— Не наступит ни ухудшение, ни улучшение. Скорее всего он так и будет жить с регулярными депрессиями, во время которых прячется в своем мире.

— Пойми меня правильно, сестренка, мне нравится Лайл, — как можно ласковее произнес я. — Но если ты знала диагноз, как ты могла выйти за него замуж?

— Я люблю Лайла, — пожалла плечами Марта, не сводя с меня пристального взгляда. — Он — не шизофреник, Тода, а человек с легкими психическими проблемами. — Сделав несколько глотков виски, она взяла себя в руки и заметила с робкой улыбкой: — Я знаю, что ты беспокоишься обо мне, и поэтому не имею права злиться на тебя. К тому же ты прав. Но я все тщательно взвесила, прежде чем выходить за него замуж. Лайл тоже меня любит. — Когда я вопросительно поднял брови, Марта объяснила: — Лайл — единственный мужчина, который обратил на меня внимание как на женщину. — Я только вздохнул и молча отхлебнул виски. — Ты никогда не любил,

Тод, — мягко проговорила сестра. — Я люблю Лайла и не перестала бы его любить, даже если бы он был маньяком. Ради него я готова пойти на все.

— Давай лучше сменим пластинку, — торопливо предложил я, понимая, что разговор рискует зайти слишком далеко. — Ты любишь Лайла, мне он тоже нравится. Поэтому хватит о его болезни. Поговорим о чем-нибудь более приятном... Ну, что, по последней?

— Не откажусь, — кивнула сестра.

Я пошел на кухню за льдом и виски. Поставил пустые стаканы на стол и, повернувшись к холодильнику, в котором лежал лед, неожиданно замер, как вкопанный. На другой стороне освещенном окне раздевалась молодая красивая блондинка с отличной фигурой.

Я, как и всякий нормальный мужчина, стоял и смотрел на этот «стриптиз». Девушка явно не торопилась. Она сняла платье и аккуратно повесила его в шкаф. Потом спустила чулки, на несколько минут куда-то исчезла и вернулась уже без чулок. Я догадался, что она выстирала их и повесила сушиться в ванной.

Заждавшаяся Марта пришла на кухню узнать, не случилось ли со мной чего-нибудь, и, увидев, что я смотрю на обнаженную блондинку, расхохоталась.

— И ты туда же? Лайл занимается этим просмотром регулярно раз в неделю.

— Она что, никогда не задвигает шторы? — спросил я, не сводя взгляда с девушки, которая неторопливо надевала прозрачную ночную рубашку.

— Только по выходным, когда дома муж. Он работает в ночную смену. Думаю, именно он их и задвигает. Она очень любит мужа, мы как-то разговорились по-соседски. Мне кажется, ей просто лень закрывать шторы.

— И ты так спокойно относишься к тому, что Лайл пялится на нее? — поинтересовался я, смешивая коктейли.

— Конечно, — весело ответила Марта. — Ведь он спит не с ней, а со мной. И этот стриптиз здорово его заводит.

Когда следующим утром я ехал на работу, в голову мне пришла не очень приятная мысль. В газете я предупредил, что переехал на неделю к Марте. Так что, они знали, где меня искать в случае необходимости. Хотя по ночам меня поднимали крайне редко, но все же такие случаи бывали. Поэтому я решил, не откладывая дело в долгий ящик, поставить засовы. С работы я выехал пораньше, около пяти, и по пути домой заехал в хозяйственный магазин и купил два засова.

— Где Лайл держит свой инструмент? — спросил я Марту, показывая бумажный пакет с засовами.

— В подвале.

Лайл разделил подвал тонкой перегородкой и устроил в одной части мастерскую. Я быстро нашел нужную отвертку и начал рыться в ящиках длинного стола в поисках дрели. В нижнем нашел небольшую кожаную сумку и запертый металлический ящик.

В сумке лежали тонкий пинцет, стеклорез, резиновая присоска с металлическим кольцом для пальца, черные лайковые перчатки и длинный тонкий стальной стержень, очень смахивающий на отмычку.

С головой у меня — все в порядке, но несколько минут я никак не мог понять, зачем Лайлу понадобился набор инструментов взломщика. Первым делом промелькнула мысль о том, что мой шурин — маньяк-убийца, но я тут же ее прогнал.

Отложив сумку в сторону, я взялся за металлический ящик. Замок оказался простым, и через пять минут я его открыл отмычкой. В ящике лежали восемь нейлоновых чулок!

Я начал лихорадочно искать объяснения странным находкам. По словам Марты, Лайл не раз наблюдал, как раздевается блондинка в доме напротив, знал, что ее муж работает по ночам. Но если он — маньяк-убийца, то почему блондинка до сих пор жива? К сожалению, ответ на этот вопрос, неприятный для меня ответ, пришел еще быстрее. Среди психов нередко попадаются очень хитрые парни. Блондинка жила в доме через дорогу, поэтому ее убийство таило в себе большой риск.

Не придумав другого объяснения, я принялся внимательно разглядывать чулки. Четыре чулка не имели пар. Один был длиннее, второй — короче, еще два отличались от остальных цветом. Оставшиеся четыре чулка были одного цвета и размера и вполне могли составлять две пары, хотя с таким же успехом могли быть и чулками из разных пар.

Особого утешения в том, что чулок было восемь, а убийств — только шесть, я не видел. Но потом я вспомнил, что по одному убийству было совершено в Канзас-Сити и Чикаго. Полиция думала, что какие-то психи подражают Чулку, но это было только предположением. Может, для того, чтобы сбить с толку копов, Чулок решил совершить вылазки в другие города?

Лайл ездил по делам и в Чикаго, и в Канзас-Сити. Значит, нужно выяснить, где он находился в те дни, когда в Чикаго и Канзас-Сити произошли убийства.

Прежде чем идти в полицию, я должен быть абсолютно уверен в его вине. Если я пойду к копам, то поставлю перед ними одно условие: мое имя должно остаться в тайне. Конечно, я не хотел, чтобы моя сестра жила с маньяком-убийцей. Но еще меньше хотел, чтобы она вычеркнула меня из своей жизни. Я не сомневался, что Марта никогда не простит мне того, что я выдал Лайла полиции, даже если он — убийца.

Я положил чулки обратно в ящик и при помощи отмычки закрыл замок. Потом все-таки нашел электродрель, поднялся наверх и установил засовы.

— Лайл часто ездит в Чикаго? — равнодушно поинтересовался я за ужином.

— Да нет, не особенно часто, — покачала головой Марта. — Пару раз в год. В предпоследний раз он был в Чикаго на День Благодарения. Помнишь, ты еще приходил к нам в гости?

Конечно, я помнил, как на прошлый День Благодарения пришел к Бартонам, а Лайл оказался в командировке. Я попытался вспомнить, когда произошло убийство в Чикаго. Кажется, осенью или зимой, но точную дату я забыл.

— А в Канзас-Сити он, кажется, тоже ездил на какой-то праздник, да?

— Нет, в Канзас-Сити Лайл был прошлым летом, — поправила меня сестра. — В середине июня.

На следующее утро, приехав на работу, я первым делом спустился в подвал, где располагался наш архив.

Убийство в Канзасе произошло в среду, 16 июня, прошлого года. В Чикаго — в пятницу, 26 ноября, на следующий день после Дня Благодарения.

Я поднялся в отдел городских новостей и позвонил доктору Сэму Картеру. Сэм был очень известным психоаналитиком и брал за час приема не меньше ста долларов, но мы учились в одном университете и с тех пор дружили.

Ровно в девять я уже был у Сэма. Он с улыбкой показал на кожаное кресло:

— Садись, Тод. Или ты предпочитаешь кушетку?

— Речь пойдет не обо мне, — покачал я головой. — Хочу тебя кое о чем спросить. Как по-твоему, Чулок может быть хорошим отцом и любящим мужем?

— Может, — подумав с минуту, кивнул Сэм. — Встречаются сексуальные маньяки, которые любят детей и жен. Хотя более вероятно, что Чулок — одинокий мужчина, но не исключено, что у него — семья и что он любит своих жену и детей.

— Если человек, о котором я говорю, и есть маньяк-убийца, то он хранит чулки своих жертв. Почему?

— Я — психиатр, а не ясновидящий, — пожал плечами Картер. — Если хочешь, могу дать пару предположений. Может, он хранит их как трофеи. Ну, как, например, индейцы собирали скальпы своих жертв... А может, перед нами — классический случай фетишизма. Не исключено, что твой маньяк-убийца собирает чулки для того, чтобы набить ими подушку.

— Ты занимаешься явно не своим делом, — нахмурился я. — Тебе бы работать комиком на сцене и смешить публику, а не врачом... Не окажешь услугу?

— Окажу, если она не потребует нарушать закон и медицинскую этику.

— Насчет закона и этики не беспокойся, — заверил я друга. — Только учти: все, что я тебе сейчас расскажу, должно остаться между нами. — Дождавшись от него кивка, я твердо произнес: — По-моему, Чулок — Лайл Бартон.

— Муж Марты? — Сэм не смог скрыть изумления. — И на чем основывается твоя фантастическая версия?

Я рассказал Сэму обо всем, в том числе и о шизофрении Бартона. После того, как я закончил рассказ, он задумчиво поинтересовался:

— О какой услуге ты хотел попросить?

— Я хочу, чтобы ты порылся в истории болезни Лайла. Каждый год он проходит медицинское освидетельствование в военном госпитале. Тебе как психиатру будет легче получить ее, чем мне.

— Никаких проблем. Я консультирую в этом госпитале... Только, если не возражаешь, поеду туда вечером. У меня день расписан по минутам до пяти часов.

— Не возражаю, — согласился я. — Время еще есть — целых пять дней. Позвони, когда вернешься из госпиталя. Я буду у Марты.

— Мне нужно будет осмыслить то, что я найду. Лучше поговорим завтра утром. Встретимся здесь.

— Договорились, — кивнул я. — Буду у тебя в восемь.

— Я откопал кое-что интересное в истории Лайла Бартона, — сообщил Сэм Картер в восемь часов утра следующего дня. — Ты знал, что его отец задушил мать, а потом застрелился?

— Первый раз слышу! — покачал я головой. — Марта никогда об этом не говорила. Когда это произошло?

— Когда Лайлу было двенадцать. Насколько я понял, мать Лайла заслужила такую участь. Мальчик ненавидел мать и души не чаял в отце. Она, по его словам, была очень красивой женщиной, но изменяла мужу направо и налево. Она не пряталась от сына и угрожала убить его, если он расскажет отцу о любовниках. Лайл молчал, но однажды специально не предупредил мать о внезапном возвращении отца из командировки в надежде на то, что тот поймает ее с любовником. Так оно и получилось.

— И Бартон-старший убил ее?

— Убил, но не сразу. Сначала он избил любовника и вышвырнул его на улицу. Потом ушел и ударился в пятидневный запой. Не протрезвев, вернулся, задушил жену и застрелился сам.

— Значит, у Лайла возник комплекс вины, — уверенно проговорил я. — Ведь трагедия произошла по его вине...

— Это у вас, психиатров-любителей, комплекс вины в голове, — недовольно пробурчал Сэм. — Почему у психически неуравновешенного человека обязательно должен быть комплекс вины? Я перерыл всю историю, но не нашел ни слова о том, что Лайл винил себя в смерти родителей. Конечно, он сильно переживал смерть отца, но

винил в ней не себя, а мать. Он даже был доволен, что она погибла из-за него. Думаю, Лайл считал, что Бог сделал его своим орудием, призванным уничтожить зло. Скорее всего здесь — не комплекс вины, а целая комбинация чувств. В глаза сразу бросается одно — Лайл испытывает глубокую антипатию к красивым женщинам. Не хочу тебя обижать, но, по-моему, это объясняет, почему он выбрал Марту. Возможно, выбирая ее в жены, он надеялся, что она не станет ему изменять.

— Ты меня ничуть не обидел, — успокоил я его. — В нашем роду еще не было ни одного победителя конкурса красоты... Значит, все это он делает потому, что ненавидит красивых женщин? И каждый раз, убивая какую-нибудь красотку, Лайл думает, что убивает свою мать...

— У этого не говорил, — раздраженно прервал меня Картер. — Если бы мне дали немного поработать с Лайлом, то я, наверное, докопался бы до причины, если, конечно, твой шурин и есть знаменитый маньяк Чулок. Вполне возможно, что он таким образом мстит за смерть отца. Но в этой версии есть одна большая нестыковка. Если он думает, что расправляется с матерью, то его жертвы должны быть не только красивыми женщинами, но и неверными женами.

— А почему бы и нет? — кивнул я. — Все жертвы были замужем...

— Но как Лайл мог узнать, изменяют они мужьям или не изменяют? — пожал плечами Сэм. — Насколько мне известно, убитые никак между собой не связаны. Откуда у него такая информация?

И тут меня осенило.

— В свободное время вечерами Лайл подрабатывает, ремонтируя телевизоры! — воскликнул я. — Эти женщины могли быть его клиентками. А что, если они заигрывали с ним? Женщины от Бартона без ума. Сложен он, как древнеримский гладиатор, и красив, как античный герой.

— Но почему, в таком случае, он не убивал их сразу, когда они с ним заигрывали?

— Не было возможности, — быстро нашелся я. — Предположим, муж дома, или по комнате бегают дети. А скорее всего, время просто было неподходящим — слишком рано. К тому же нам не известно, как проходило это заигрывание. Может, женщины не бросались ему на шею и не тащили к себе в спальню, а просто намекали, что будут рады, если он придет в другой раз, когда мужа не будет дома. Как ты думаешь, такое предложение возбудит его?

— Пожалуй, — согласился Сэм Картер. — Однако я не стал бы делать выводы без предварительной беседы с Лайлом.

— Ты — ученый, — кивнул я, вставая, — и имеешь право на сомнения. Я же — простой репортер, и мне этого вполне достаточно, чтобы пойти к сержанту Бурмейстеру и все ему рассказать.

Сержанта Бурмейстера, ведущего дело маньяка-убийцы, я нашел в отделе по раскрытию убийств.

— Здорово, Нос! — приветствовал он меня с кислой улыбкой, которая часто бывает у опытных полицейских. — Присаживайся. Чем обязан?

— Не хочешь закрыть дело Чулка? — спросил я, усаживаясь на стул.

— Еще как хочу! — воскликнул мгновенно проснувшийся к жизни Бурмейстер.

— Конечно, полной гарантии дать не могу, но думаю, что я знаю имя убийцы. Однако у меня есть одно условие...

— Ты первым узнаешь все подробности дела, — нетерпеливо прервал меня сержант.

— Я — не об этом, — покачал я головой. — Мне нужно, чтобы никто не знал, откуда ты узнал имя преступника. Я не хочу выступать в суде свидетелем.

— Ладно, договорились, — после некоторых раздумий согласился детектив.

После повторного допроса мужей жертв выяснились интересные подробности. Трое вспомнили, что у них действительно выходил из строя телевизор. В двух случаях мастеров вызывали жены. Мужей не было дома, поэтому они не видели, кто приходил ремонтировать. Двух мужей в день убийства вообще не было в городе. Поэтому они ничего не знали ни о каких поломках и мастерах. Шестой уверял, что никакого телевизионного мастера не было, но детективы выяснили, что вызов все же был. Бурмейстер ездил в ателье и разговаривал с диспетчером. Она собственноручно позвонила Лайлу Бартону и сообщила адрес, а в подтверждение своих слов показала сержанту чек оплаты.

В пятницу сержант Бурмейстер приехал к Марте с ордером на обыск. Ради меня он даже придумал легенду. Полиция якобы узнала, что Лайл ремонтировал телевизоры у жертв, и ему нужно просмотреть его рабочий журнал. Марта, конечно, расстроилась, но, слава Богу, не догадывалась, кто «заложил» ее мужа.

Бурмейстер быстро нашел кожаную сумку и металлический ящик в нижнем ящике стола в подвале. В рабочем журнале Лайла оказался всего один вызов к жертве, тот самый, о котором полиция уже знала.

Тщательно проверив чулки, полицейские эксперты так и не решили, составляют ли они пары тем, которыми были задушены женщины. Оставшиеся два чулка были отправлены в Канзас-Сити и Чикаго.

В понеделник вечером Лайл Бартон, прилетевший из Чикаго, был арестован прямо в аэропорту Сент-Луиса. Опасаясь, что Марта не выдержит этого удара, я решил еще какое-то время пожить у них.

Бурмейстер не сомневался, что Бартон — убийца, но в деле против него были и слабые места. Во-первых, доказанным можно было считать только один вызов. Детективы были уверены, что он побывал в домах у всех жертв. Сержант Бурмейстер думал, что Лайл решил схитрить и не стал заносить их в журнал. Скрыть последний вызов он не мог, поскольку тот прошел через диспетчера.

Неприятные для обвинения ответы пришли и из Чикаго и Канзас-Сити. Оба присланных чулка отличались от тех, какими были задушены женщины в этих городах. Выяснилось, что Лайл Бартон вернулся из Канзас-Сити за день до убийства. Первоначальная версия о том, что убийцы в этих городах подражали знаменитому Чулку, оказалась правильной.

Несмотря на слабые места, Бурмейстер считал, что защите будет трудно объяснить, что делали в доме Лайла орудия взломщика и чулки. Во время второго обыска в доме Бартона были найдены черные брюки, черный свитер и черная шапочка. Полиция провела опознание, на котором нескольких мужчин одели во все черное и поставили спиной к свидетельнице. Она не могла утверждать на все сто процентов, но выбрала по росту и телосложению Лайла. Еще в активе обвинения находилась история болезни Лайла.

Против Лайла говорило и то, что у него не было алиби на те дни, когда происходили убийства. Все убийства произошли в дни дежурств Марты, которая подрабатывала в городской больнице по ночам. Бурмейстер был уверен, что Бартон «шел на дело», когда жены не было дома.

Для защиты мужа Марта, уверенная в его невиновности, наняла лучшего сент-луисского адвоката по уголовным делам. Первая встреча со знаменитым Джорджем Бринкером прошла в моем присутствии.

— Миссис Бартон, все улики против вашего мужа — косвенные, — заявил Бринкер. — Моя задача — обратить на это внимание присяжных... К примеру, набор ору-

дий взломщика мы назовем инструментами телевизионного мастера. Мистер Бартон объяснил, что инструментом, который полиция считает отмычкой, проверяют электрические контакты. Перчатки необходимы для защиты от тока. — Я обратил внимание, что он ничего не сказал о стеклорезе и резиновой присоске. — Такую же позицию мы займем, когда прокурор предоставит чулки. Пусть он попробует доказать, что они пары тех, которыми были задушены жертвы. Нам не нужно объяснять, зачем мистеру Бартону понадобилось хранить в ящике нейлоновые чулки. Я не буду возражать, если присяжные будут считать его чудачком. Главное, чтобы они не считали его убийцей.

Из кабинета Бринкера я вышел с ощущением, что адвокат не очень-то верит в оправдательный приговор, а уверенность изображал только ради Марты. По хмурому виду сестры я догадался, что у нее сложилось такое же мнение.

Убедившись, что Марта пришла в себя, я вернулся к себе на квартиру и теперь каждый день заезжал или звонил, чтобы узнать, как у нее дела.

За неделю до начала суда произошло очередное убийство. Я как раз сидел в отделе городских новостей, поэтому поехал разбираться на место преступления.

Убийство произошло на бульваре Беллерив, в доме напротив квартиры Бартонов. Когда я с любопытством посмотрел на сидящего в кресле растерянного мужчину, сержант Бурмейстер пояснил:

— Муж. Пойдем наверх.

Мы поднялись на второй этаж. В той самой спальне, которую я полтора месяца назад видел из окна кухни Марты, на кровати лежала красивая блондинка в прозрачной ночной рубашке. Сильно раздувшееся лицо было фиолетовым, на шее крепко затянут нейлоновый чулок.

— Муж вернулся утром с работы... он работает по ночам... — устало проговорил сержант, — и нашел ее мертвой. Тот же почерк. Следов сексуального насилия и отпечатков пальцев нет. Обе двери закрыты на засовы. Убийца аккуратно вырезал кусок стекла в задней двери рядом с засовом и вошел в дом. Второй чулок, как всегда, исчез.

— Как это скажется на деле Лайла? — спросил я, с трудом отведя взгляд от блондинки.

— Дело закрывается, — пожал плечами Бурмейстер. — Бартон сидит в камере и поэтому не может быть Чулком.

Как и предсказывал Бурмейстер, перед Лайлом извинились и отпустили. Убийства нейлоновыми чулками прекратились. Я много думал над тем, что произошло, и пришел к выводу, что Чулком все же был Лайл. Я помнил, как однажды вечером Марта сказала: «Я так люблю Лайла, что буду продолжать его любить, даже если он станет маньяком-убийцей. Я на все готова ради него». Не забыл я и о том, что в армии Марта занималась дзюдо. Конечно, на черный пояс она не тянула, но с женщиной, по моему, могла справиться без труда. Стеклорезы же продаются во всех хозяйственных магазинах...

Сейчас Марта работает только днем. На время дежурств она договаривается с няней, которая присматривает за маленьким Тодом.

Последний раз, когда они приглашали меня на ужин, племянник повел меня в подвал показать новый велосипед. Перегородка вместе с рабочим столом и инструментами исчезла. Я не стал спрашивать у Лайла, почему он перестал подрабатывать ремонтом телевизоров. Уверен, на этом настояла Марта.

Так будет спокойнее, решила она. Подальше от греха!

Перевод с английского Сергея Манукова.

ТВОРЕЦ И ЖЕНЩИНА, ДРУГАЯ

Модильяни, один из выдающихся художников начала XX века, чье имя стоит в истории искусств рядом с именами Пикассо и Шагала, Сутина и Риверы, — замечательный мастер портрета. Он оставил нам целую галерею работ, на которых с удивительным теплом, проникновением в душу своих героев запечатлел образы тех, кого любил, к кому испытывал нежность и дружеские чувства. Он не писал людей, которые были ему неприятны или просто несимпатичны. Все его персонажи согреты теплом его души. Среди этих портретов есть серия работ особенно пронзительных — они посвящены Жанне Эбютерн, последней любви художника, той, для которой существование без Модильяни не имело никакого смысла, той, которой он подарил вечную жизнь на своих полотнах.

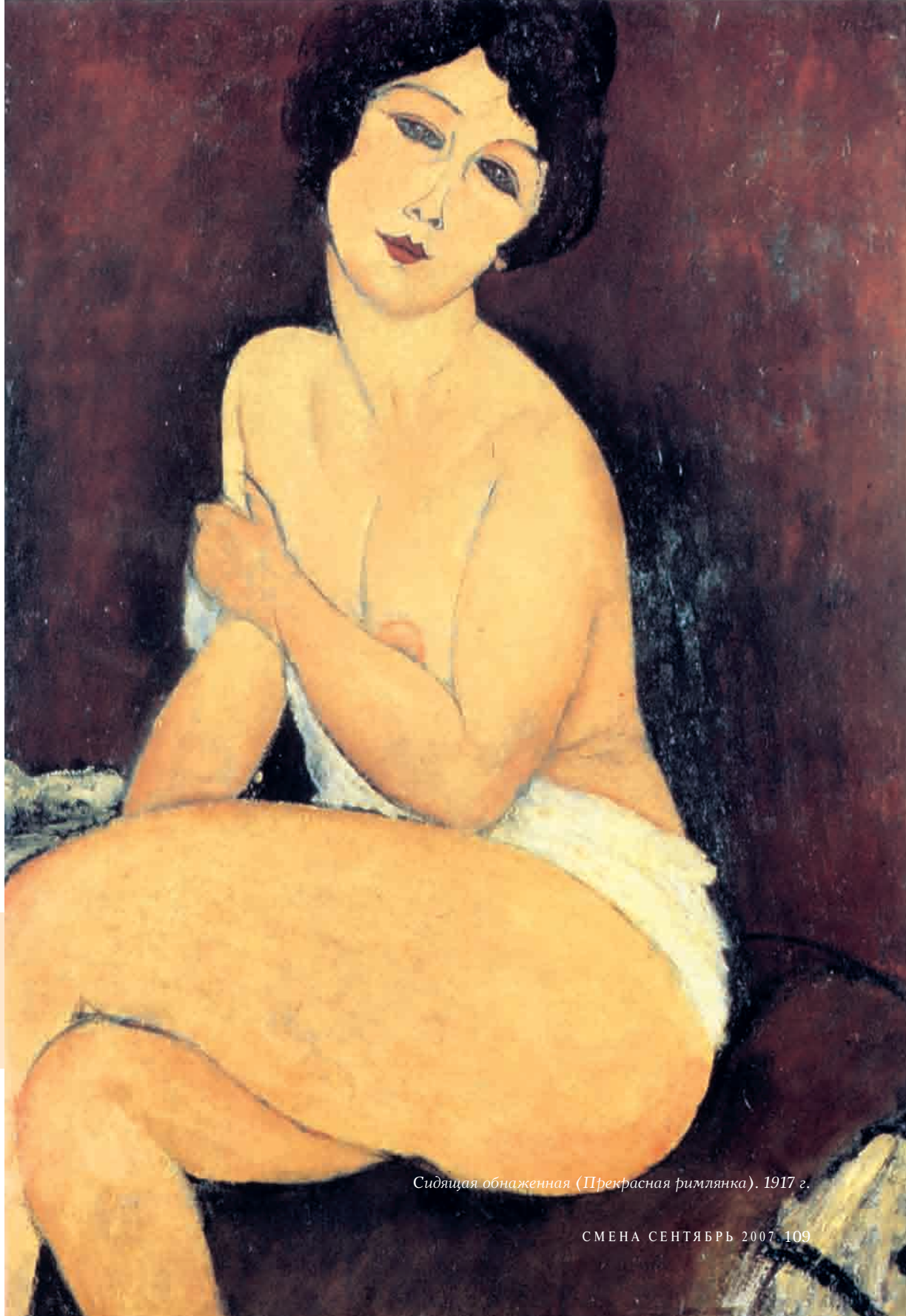
Они познакомились весной 1917 года. Жанне было девятнадцать лет, и она занималась на курсах живописи в Академии Каларосси, мечтавшая стать художницей. Умная, серьезная, с сильным характером, девушка была несомненно талантлива. Уже первые ее работы производили сильное впечатление — строгий стиль, тонкие тона, смелая композиция. Родители Жанны были добропорядочными буржуа. Отец, Ашиль Казимир Эбютерн, обладатель седой окладистой бороды, работал бухгалтером в парфюмерном магазине и при этом страстно обожал французскую классическую литературу, особенно произведения философов-просветителей XVIII века. Часто по вечерам, собираясь в кругу семьи, зачитывал домашним любимые страницы. В трудные дни Первой мировой войны, когда все парижане порой испытывали трудности с едой, он декламировал жене и детям Паскаля. Однажды мсье Эбютерн вдруг проникся религиозным чувством и стал ярким католиком. Мать Жанны, мадам Анаис Телье, ироничная и скептически настроенная дама, с трудом поспевала за духовным ростом своего супруга. У Жанны был брат Андре. Красавец, романтик, он, как и Жанна, хотел стать художником и даже писал совсем неплохие пейзажи.

И вот девушка из такой благопристойной семьи, со своими устоями и традициями, встречается с Модильяни. Моды, как звали его друзья, появился в Париже в 1906 году. Он стал одним из самых ярких представителей Парижской школы, этого уникального явления в истории

Последняя любовь Модильяни

Денис Логинов

искусства, а уж там были поистине выдающиеся личности — Шагал, Пикассо, Ривера, Сутин и многие другие. Модильяни, этот еврей, приехавший во Францию из солнечной Тосканы, был очень хорош собой, — правильные черты лица, худощавая, мускулистая фигура, горя-

Сидящая обнаженная (Прекрасная римлянка). 1917 г.

Портрет Леопольда Зборовского. 1916-1917 гг.

щие глаза. А еще чертовски обаятелен — перед его обаянием никто не мог устоять, и невероятно начитан. Илья Эренбург вспоминал, как Модильяни «читал на память Данте и Вийона, Лепарди, Бодлера и Рембо». Жизнь Модильяни, наполненная искусством, страстями, творчеством, любовью, высокими душевными порывами и пороками, рождала множество легенд. Недаром о нем до сих пор пишут воспоминания, романы и снимают фильмы (среди них знаменитый «Монпарнас-19», в котором роль Модильяни сыграл Жерар Филипп). Про Модильяни говорили, что он — коварный покоритель женских сердец (например, ходили слухи о его страстном романе с Анной Ахматовой), пьяница, дебошир, скандалист, драчун и наркоман, почитатель гашиша. Это была правда,

но не вся. В самые темные моменты своей жизни он сохранял какой-то аристократизм, вкус, печать интеллекта. Наделенный ярким талантом, он еще всегда много работал. Искусство было главным в его жизни. Эренбург пишет, что Моди не только напивался в «Ротонде», излюбленном ресторанчике парижской богемы, «не только рисовал на бумаге, залитой кофе, он проводил дни, месяцы, годы перед мольбертом, писал маслом «ню» и портреты».

Одни биографы утверждают, что Модильяни и Жанна познакомилась в Академии, другие — во время карнавала, третьи — в «Ротонде», куда Жанна заходила со своим братом. Так или иначе, увидев Жанну, Моди не мог не запомнить ее. Эта девушка отличалась какой-то особенной прелестью. Небольшого роста, с каштановыми волосами рыжего отлива и при этом белокожая (друзья дали ей прозвище «Кокосовый орех»), с тонким умным лицом, почти восточными глазами, мягкими манерами, юная и прелестная. А уж Моди, когда хотел, мог быть неотразим, и неопытная Жанна сразу поддалась его очарованию. Она дала художнику все, в чем он так нуждался, — свежесть, красоту, восхищение, преданность, любовь. Очень быстро Жанна решила уйти из родительского дома и поселиться с Моди. Можно представить, какой это был удар для мсье и мадам Эбютерн. Их девочка связалась с каким-то нищим художником, да еще евреем! И живет с ним во грехе! Родители надолго вычеркнули дочь из своей жизни, так никогда и не примирившись с ее выбором. Но для Жанны это было не важно. Она любила и была любима. Друзья Модильяни ее сразу признали и считали не просто подругой — подруг у Модильяни было много, — а настоящей его женой.

Все годы жизни с Жанной он ее непрерывно писал. Увлекательное занятие — сравнивать эти портреты с фотографиями Жанны. Он словно вводит ее образ в поле своего искусства: вытягиваются линии, обостряются черты лица, в позах появляется некоторая ломкость, угловатость, и при этом ярче становится сущность личности этой совсем еще юной женщины. В ее глазах — свет преданной души, чистота и незащищенность.

~ творец и женщина, другая

У Модильяни было множество знакомых — в его приятелях ходил почти весь Монпарнас. С одними он пил (например, с Утрилло и Сутиным), с другими скандалил, с третьими — говорил об искусстве, читал стихи. Среди всех этих людей только несколько действительно понимали, что Модди — по-настоящему талантлив. Таким человеком был Леопольд Зборовский, сыгравший огромную роль в жизни художника. Когда Зборовский приехал в Париж из своего Кракова, — а это произошло в 1914 году, накануне войны, — ему было двадцать пять. Он происходил из родовитой аристократической семьи, получил прекрасное образование, великолепно знал французский язык. В военные годы зарабатывать деньги в Париже было трудно, но Зборовский обладал определенной коммерческой жилкой. Он начал собирать редкие книги, потом удачно перепродавал их, а затем перешел на картины. Вскоре он стал частым посетителем «Ротонды», познакомился с молодыми художниками, завсегдатаями ресторана. Поначалу бизнес его шел не очень успешно, он и его очаровательная жена Анна жили не намного лучше, чем живописцы, полотна которых они покупали. И вот эта чета поляков полюбила Модильяни — нежно и абсолютно бескорыстно, прощая ему бесцеремонность, пьянство, неблагодарность, все прощая за талант и обаяние, которые они видели и ценили в нем. Зборовский поддерживал Модди не только духовно, но

Портрет Анны Зборовской. 1916 г.

Жизнь Модильяни, наполненная искусством, страстями, творчеством, любовью, высокими душевными порывами и пороками, рождала множество легенд.

и материально — платил ему 20 франков в день, что по тем временам было совсем не так уж плохо, снабжал красками и моделями. В годы войны художественная жизнь в Париже текла весьма вяло — совсем другие проблемы заботили парижан, а потому поддержка Зборовского просто спасала Модильяни.

Видя, как Модильяни губит себя, растрачивая здоровье в пьянстве и дебошах, Зборовский очень переживал. И потому, когда в июле 1917 года Жанна и Амадео поселились в мастерской на Гранд-Шомьер, у Леопольда и Ан-

ны появилась надежда, что у Амадео начнется новая жизнь — спокойная, упорядоченная. Чтобы поддержать Амадео, Зборовский организовывает в октябре 1917 года его первую персональную выставку — в галерее Берты Вейль на улице Тетбу. Это было очень трудное время для Модильяни — его картины никто не хотел покупать, и он постепенно терял веру в себя. Для этой своей первой и единственной при жизни персональной выставки Модильяни отобрал тридцать две картины и рисунка. В день открытия приглашенным на вернисаж

Madagliani

~ творец и женщина, другая

пришлось помочь устроителям снять пять «ню» — полиция посчитала их оскорблением общественного спокойствия и нравственности. «Эти обнаженные женщины... У них же волосы!» — кричали служители порядка. Такая реакция была удивительной — ведь все происходило в Париже, где уже давно привыкли к обнаженной натуре! По-видимому, случившееся было связано с непривычным и оскорбительным для обывателя сочетанием в них условности, намека и шокирующей откровенности. Выставка, на которую и Модильяни, и Зборовский возлагали столько надежд, успеха не имела — вся эта история кончилась тем, что были проданы всего два рисунка. Правда, в связи со скандалом имя Модильяни стало известно в широких кругах.

Денег постоянно не хватало. Непостоянное богемное существование бросало Амадео и Жанну из одного грязного гостиничного номера в другой.

Очень скоро Жанна осознала, что ее усилия исцелить Амадео от его страшных, губительных пристрастий — алкоголя и наркотиков, абсолютно напрасны. Он сам себя убивал — медленно, но верно, не желая или не обладая возможностью ничего менять в своей жизни. В марте 1918 года Жанна сообщила близким, что она беременна. Старшие Эбютерны и Зборовские решают отправить Жанну и Амадео из холодного, обстреливаемого немцами

Портрет Жанны Эбютерн. 1918 г.

Слава и любовь, жена и дочь, друзья, искусство, творчество — все это он забывал в пьяном угаре, под властью гашиша. А еще был туберкулез, который неотвратимо делал свое дело.

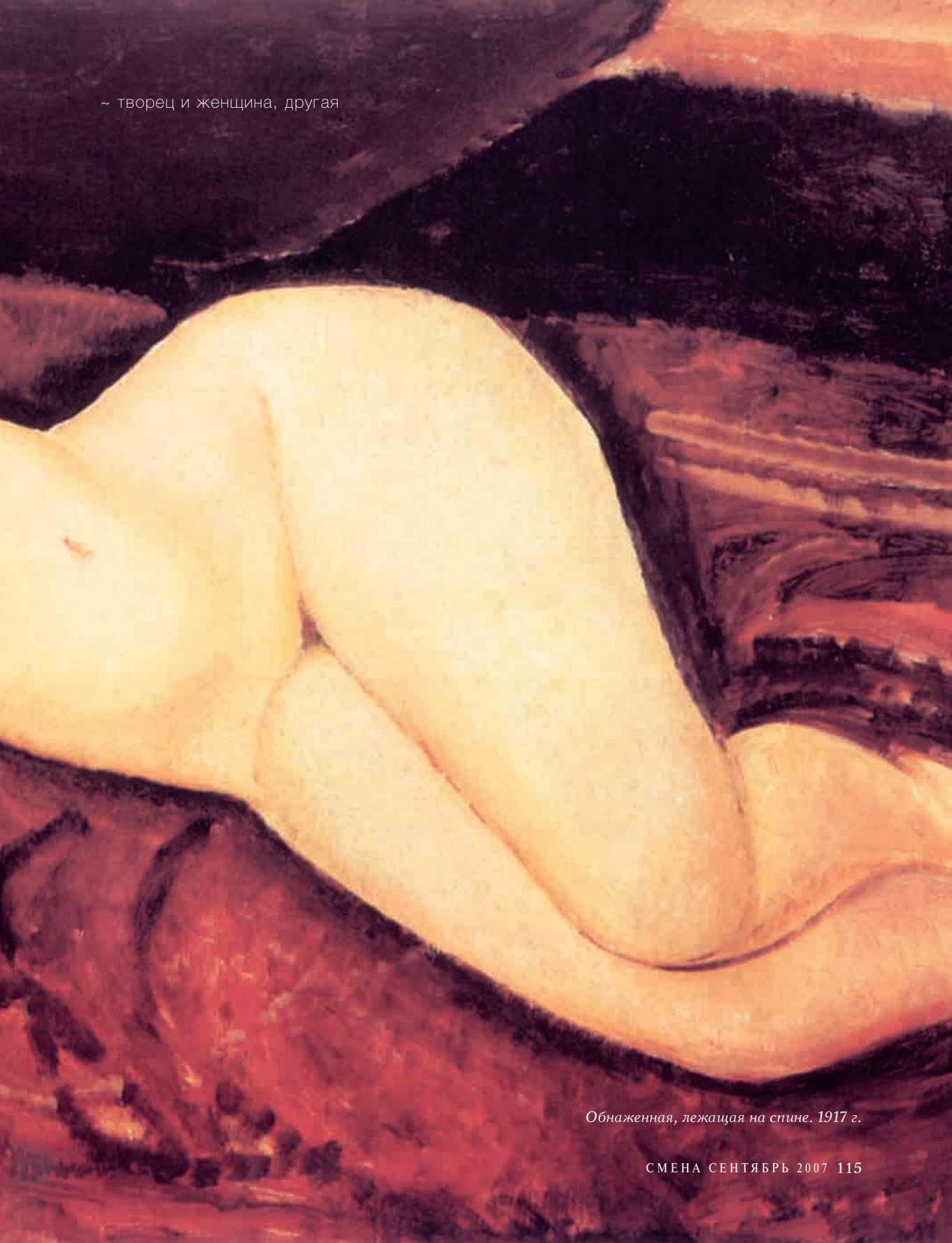
Парижа на юг, в Ниццу. С ними едет и мать Жанны. Поначалу они снимают квартиру на улице Мастена, но отношения мадам Эбютерн и Амадео оставляют желать лучшего, и вскоре Амадео перебирается в гостиницу. 29 ноября в одном из родовых Ниццы появилась девочка. Ее зарегистрировали как Жанну (Джованну) Эбютерн, дочь мадемуазель Эбютерн от неизвестного отца, поскольку родители ребенка жили в гражданском браке.

Дама с черным галстуком. 1917 г.

В Ницце, как и в Париже, работы Модильяни тоже особенным успехом не пользовались. Витрину галереи, где была выставлена картина Модильяни, забросали камнями, в Тулузе разгорелся скандал в продававшем его холсты магазине. Денег хронически не хватало, несмотря на помощь Зборовского. Обстановка в доме была нервной, мадам Эбютерн Амадео не жаловала, скорее наоборот. Да и почему она должна испытывать к нему нежные чувства? К этому нищему художнику, картины которого никому не нужны, к этому пьянчуге и нар-

~ творец и женщина, другая

Обнаженная, лежащая на спине. 1917 г.

Портрет Моиса Кислинга. 1916 г.

коману, который делал ее девочку несчастной.

После возвращения в Париж Жанна поняла, что снова забеременела. Вот она, на портрете 1919 года — медленно встает со стула, ощущая свое потяжелевшее тело, устало, но в то же время грациозно. Этот портрет — одна из самых последних и лучших работ Модильяни, отличающийся благородством цвета, глубиной чувства, теплотой, пронизывающими всю композицию, — картина, несомненно, создавалась с любовью. И, наверное, в один из дней, когда он писал это полотно, Модильяни на листе бумаги в полоску написал: «Сегодня, 7 июля 1919 года, я обязуюсь жениться на мадемуазель Жанне Эбютерн, как только получу документы. Модильяни». (Незадолго до того у него украли деньги и паспорт.) Официаль-

ность бумаги подчеркивали подписи свидетелей Леопольда Зборовского и Люнии Чековской. Маленькая Жанна жила в это время в доме Зборовских — у родителей не было ни денег, ни сил заботиться о ней, и все хлопоты были возложены на приятельницу Зборовских Люнию Чековскую. Позже Чековская рассказывала выросшей Жанне, как ее отец, «иногда, напившись, трезвонил в дверь ночью, чтобы спросить про дочь, а она, Люния, отвечала ему из окна, чтобы он не шумел».

В это время картины Модильяни начинают покупать, в газетах появляются первые хвалебные статьи. Зборовский выставляет его работы на выставке в лондонской галерее Хилл, и они продаются дороже работ других художников. Коллекционеры проявляют все больший интерес к его творчеству, приобретают его полотна, но, к несчастью, уже ничто не могло остановить неумолимый ход событий.

Слава и любовь, жена и дочь, друзья, искусство, творчество — все это он забывал в пьяном угаре, под властью гашиша. А еще был туберкулез, который неотвратно делал свое дело.

Модильяни, со всей своей аристократичностью, гениальностью, душевной добротой, обаянием, порой бывал жестоким, бесцеремонным, непереносимым, отвратительным, и только искренне и бескорыстно любившие его люди могли прощать ему вспышки безумной ярости и жестокости, его бесконечные запой. И Жанна была среди них первой. По ночам она обходила кафе и рестораны, пробираясь между столиками, спрашивала знакомых и незнакомых, не видели ли они Моды, а потом, найдя его в каком-нибудь злачном месте, тащила домой... Однажды, зайдя к ним, его близкие друзья Кислинг и Сарате обнаружили Модильяни в постели в неотапливаемой мастерской. Везде валялись пустые бутылки и банки из-под сардин. Рядом с Амадео сидела Жанна на последнем месяце беременности — она писала портрет своего любимого...

В середине января 1920 года, после очередного и особенно продолжительного запоя, Амадео попал в госпиталь — друзья, найдя его в ужасном состоянии, отвезли художника в клинику Шаритэ. Через несколько суток, вечером 24 января, он умер. По заключению вра-

чей, причина смерти — туберкулезный менингит. На следующий день Жанна пошла в больницу. Ее отец, простивший дочери все ее грехи, молча и преданно брел рядом. Жанна приблизилась к трупу, а отец ждал ее у дверей морга. Друзья Жанны, присутствовавшие при этой скорбной сцене, потом рассказывали, как Жанна «не поцеловала его, а, ни слова не говоря, долго смотрела, словно глаза ее наслаждались горем. Не поворачиваясь, она пятилась до двери. Жанна хранила в памяти лицо умершего Модильяни и старалась больше ничего не видеть». Потом она пришла к Зборовским. Туда же пришел и ее отец и увел дочь домой. Она не проронила ни одной слезинки — только откровенно молчала. Ночью ее брат Андре, обожавший сестру, несколько раз заходил к ней в комнату — она стояла у окна и смотрела на темный город. На следующее утро, около четырех часов, Жанна выбросилась из того самого окна. Под утро Андре задремал, а когда услышал шум, было уже поздно. Эбютерны жили на шестом этаже. Жанна разбилась насмерть. Так закончилась ее недолгая жизнь — ей было всего двадцать два года.

Чтобы избавить родителей от вида искаленного тела, Андре сказал им, что Жанна ранена, и велел отвезти тело в полицию. По другой версии, родители, когда тело принесли к ним в квартиру, в ужасе захлопнули дверь, не в силах принять мертвую дочь.

Модильяни, художник, чувствуя близость смерти, позвал Жанну последовать за ним, чтобы быть в раю вместе с любимой натурщицей и вкусить с ней вечное блаженство. И Жанна выполнила его просьбу. Эта история могла быть правдой.

Похороны Модильяни были пышными. Казалось, его пришел проводить весь Париж. Гроб утопал в цветах. И хотя французы за годы войны привыкли к смерти, этот уход, уход такого яркого, талантливого и молодого художника, был воспринят как трагедия. Модильяни любили. Полицейские, когда-то с таким презрением усмирявшие разгулявшегося пьяного Моды в парижских кабаках, теперь стояли в почетном карауле, а торговцы потихоньку договаривались о покупке его работ...

Похороны Жанны были совсем иными. Ее родители никого не хотели видеть у могилы дочери, и потому назначили скорбную процедуру на 6 часов утра. Но самые близкие друзья Моды и Жанны — Зборовский, Кислинг, Хана Орлова — все-таки пришли на скромное загородное кладбище проводить ее в последний путь. Спустя годы они вспоминали, что тело Жанны в гробу казалось невероятно маленьким и беззащитным и напоминало средневековую мадонну...

Прошли годы, и теперь останки Амадео Модильяни и Жанны Эбютерн, его преданной подруги, матери его дочери Жанны, покоятся рядом, на кладбище Пер-Лашез, под одним

Модильяни оставил нам целую галерею работ, на которых с удивительным теплом запечатлел образы тех, кого любил, к кому испытывал нежность и дружеские чувства.

Из полицейского участка тело Жанны доставили в мастерскую Модильяни на Гранд-Шомьер. И там она лежала, с выступающим животом под грубой тряпкой, которой ее накрыли. Вокруг повсюду валялись пустые бутылки от вина, консервные банки. На мольберте стоял незаконченный мужской портрет, а рядом лежали рисунки Жанны, на которых она изобразила себя с длинными косами. Рисунки эти были страшные — на них Жанна пронзала себе грудь длинным стилетом. Наверное, она предвидела свою смерть... По одной из легенд о Мо-

надгробием. Рядом с именем Модильяни — надпись: «Смерть настигла его на пороге славы», а рядом с именем Жанны — «Верная спутница жизни Амадео Модильяни, которая не захотела жить без него».

Но живут ее портреты, и по-прежнему светятся ее синие бездонные глаза, и по-прежнему сияют нежные краски Модильяни, и по-прежнему жива история их легендарной любви, история, где все так переплелось — искусство и страсть, жизнь и смерть, история, ставшая одним из самых прекрасных мифов XX века.

ХЛЕБ ЕДИМЫЙ

В наши дни под словом «карвинг» объединено несколько понятий. Для любителей экстремального спорта — это определенный стиль катания на лыжах, клиенты салонов красоты употребляют этот термин, говоря о долговременной завивке для волос, а в последнее время это слово можно часто услышать из уст поваров и рестораторов. значений много, но в основе лежит одно: в международном употреблении слово «карвинг» давно стало обозначением резьбы по самым разным материалам.

Искусство художественной резьбы по овощам и фруктам возникло много тысяч лет назад на Востоке и стало там частью национальных традиций. Мастерство карвинга веками оттачивалось, совершенствовалось и передавалось из поколения в поколение. Вплоть до наших дней эта традиция не исчезла: в Таиланде, например, девочек в школах обязательно обучают вырезанию из овощей и фруктов. Для родителей резьба по фруктам и овощам — хороший способ воспитать у детей вкус, научить ручному труду, развить внимание и усидчивость. Занятия карвингом прививают одновременно и навыки сервировки стола и любовь к изящному, развивают творческие способности.

Не стоит думать, однако, что карвинг — везде одинаков. В разных восточных странах существуют технические приемы, которые существенно различаются.

Тайский карвинг — утонченный и хрупкий, как фарфор. Чаще всего в нем преобладают украшения из цветов, используя для этого так называемый специальный «тайский нож» в сочетании с различными резцами. Здесь — большой простор для фантазии. Именно поэтому тайский карвинг дышит элегантностью и артистизмом.

Китайская и японская техники карвинга очень похожи. Здесь существуют строгие каноны по вырезанию и оформлению блюд фигурками животных, людей и изображениями иероглифов. Особенно сильно прослеживается тенденция к изображению драконов, боевых сцен и поздравительных надписей. В отличие от тайской техники, мастера не используют нож, а пользуются специальными графаредами и выемками.

карвинг
как искусство

Мария Жукова

Мода на восточную кухню подогрела интерес европейцев к этому искусству. Ни одно продуктовое шоу, кулинарная выставка или торжественная церемония теперь не обходится без украшения резными композициями. В России искусство карвинга стало известным благодаря одному человеку... Наш собеседник – президент Российской академии карвинга **Алла Вячеславовна Мишина**.

Алла, как карвинг «пришел» в Россию?

Я много путешествую по миру и бываю на международных кулинарных шоу. Однажды в ресторане отеля в одной восточной стране мое внимание привлек резной арбуз, украшавший «шведский» стол. Я сказала себе: «Если это делают не боги, я тоже смогу научиться этому». Так я занялась карвингом. А потом пришла идея обучать этому мастерству в России. Я привезла мастера из Таиланда, мы начали работать, открыли Академию карвинга.

Вы искали мастера именно с Востока?

Не скажу, что это было целью. Но я столкнулась с тем, что в России нет резчиков по овощам и фруктам. Есть резчики по камню, дереву, по кости и даже по льду, а вот высококлассных поваров, которые бы специализировались на карвинге, нет. Разумеется, вырезать розочку из помидора и сделать мухомор из помидора сможет любой выпускник кулинарного колледжа, но вот сказочно красивую многоцветную и многоярусную композицию... Я посетила крупнейшие кулинарные салоны в США, Германии, Китае, Италии, Турции, искала мастеров в Египте, Швейцарии. Меня поразила одна вещь: ни один мировой производитель не делает полноценный качественный инструмент для карвинга, нет никаких методик по технике карвинга! И в 2002 году я отправилась на родину карвинга: в Таиланд.

Слово «карвинг» в переводе с английского (*carving*) означает «вырезание», «резьба», «резная работа».

Вы ехали в Таиланд, уже зная карвинг?

Базовые знания у меня были, но и только. В Таиланде я провела в доме мастера две недели. Учеба шла нелегко: мастер не знала никакого языка, кроме родного тайского. Но когда от многочасового сидения в неудобной позе болели спина и шея, и от бесконечного мелкого вырезания глаза сходились в точку, а мышцы рук сводило от неумелого напряжения, я начала понимать все: и тайский язык, и технику вырезания и какие инструменты могут облегчить кропотливый труд резчика!

И к чему это привело?

Поняв принцип и суть карвинга, мне нужно было создать инструмент, удобный для вырезания. За время своих международных поисков я собрала большую коллекцию самодельных ножей для карвинга – было на чем учиться и с чем сравнивать. Мне оставалось только определить для каждого ножа наиболее удобный радиус кривизны и угол заточки, выбрать

удобные ручки, сделать чертежи, запатентовать инструмент и найти завод, который взялся бы за производство набора ножей. На это ушло немало времени, но результат того стоил! Создав удобный инструмент, можно было двигаться дальше, что мы и сделали, основав Академию карвинга.

Расскажите немного об Академии карвинга.

Наша Академия – единственная в мире, специализирующаяся только на карвинге по овощам и фруктам. Во всем мире резьба по овощам – это маленькая программа в приложении к кулинарным курсам. Обычно – это несколько часов наблюдения за мастером и мини-курс практических занятий на 2-3 часа. Мне же хотелось раскрыть заинтересованным людям красоту предмета во всем объеме, принести в Россию целый пласт иностранной культуры.

Самое лучшее и податливое «сырье» для вырезания – южные и экзотические продукты: арбуз, дыня, папайя, авокадо, манго, ананас, имбирь... Эти овощи и фрукты – плотные, но не твердые, а пластичные. А какое разнообразие цветов и запахов!

Сложно ли научиться искусству карвинга?

Нет. Три дня по 8 часов с двумя перерывами «на чай» – и вы хорошо понимаете технологию. Скорость набирается практикой.

Нужно иметь предрасположенность, талант?

Мы «раскрываем» и «вытаскиваем» всех. Начиная с десяти лет. Когда люди берут в руки свои работы после восьми часов наших занятий, они порой не верят в то, что именно они это создали. Главное, что необходимо человеку для достижения результата в занятиях – желание, усидчивость и терпение. Неспособных обучиться карвингу просто нет!

Много ли у вас студентов? И что это за люди?

Ежедневно девять месяцев в году у нас идут курсы. Больше пяти человек в день мы на курс не берем. Нам поток не нужен, наша цель – «влюбить» человека в карвинг и дать ему поверить в собственные силы. Это очень индивидуально. Никаких массовых сеансов.

Как долго учатся карвингу?

Чтобы потом преподавать – годы. Резать на высоком уровне – 24 часа (3 занятия), а за 48 часов занятий можно подняться до уровня участия в чемпионате России.

Алла, насколько карвинг популярен в мире и в нашей стране?

Популярен карвинг по льду, маслу и шоколаду. Карвинг по овощам и фруктам популярен только в южных странах, где экзотические овощи-фрукты стоят очень дешево, так же, как и рабочее время людей. Для Европы и Америки – это экзотические и эксклюзивные украшения – нет южных плодов и нет мастеров.

Как вы считаете, популярность карвинга будет расти или, наоборот, пойдет на убыль?

~ хлеб едимый

Расти, расти и еще раз расти. Это красиво, интересно, престижно, наконец, вкусно! Ярчайшее воспоминание – о необычайной красоте, сделанной руками человеческими, остаются у всех, кто хоть раз видел произведения этого искусства. Равнодушных – нет.

Возникнет ли «русской карвинг»?

В России мы уже обучили несколько тысяч человек, половина из которых – профессиональные повара. Многие даже открыли свои «школы карвинга» на местах в регионах. Честно сказать, у меня есть 8 патентов на карвинг по овощам и фруктам – и на технику резьбы и на методологию обучения. Об этом новоиспеченные «мастера» не думают, копируя мои уроки. Я пока на это внимания не обращаю. Поскольку им до реального уровня преподавания карвинга – как до неба. Вот мои менеджеры уже 2,5 года ежедневно общаются с тайскими мастерами, много режут, но преподавать не берется никто. Потому что тайский мастер, работающий 20 лет, «вытаскивает» любого ученика за три занятия на такой уровень, что люди даже мнят себя преподавателями, как видите. Только после их уроков у их студентов ничего, кроме ощущения, что у них «руки не из того места растут», не возникает. Намного приятнее нам работать с кулинарными колледжами. Хотя история с использованием чужих запатентованных методик там та же, я всячески поддерживаю их желание развивать детей, и мы имеем отличные результаты. Многие колледжи ввели у себя дисциплину «карвинг». Проводим городские и региональные соревнования.

Карвинг консервативен?

Нет. Хотя, на первый взгляд, карвинг довольно традиционен, в нем постоянно появляются новые элементы. С каждым новым видом овощей или фруктов вырезание приобретает новые и новые очертания. Широчайший простор для творчества!

Есть ли у вас самой любимые фигуры? Что вам интереснее вырезать?

Всегда и везде всех радуют «букеты роз». Пользуюсь проверенным сюжетом. Тем более, что розочку можно вырезать за пять минут. Когда надо создать нечто необычное, очень серьезное – прошу тайского мастера.

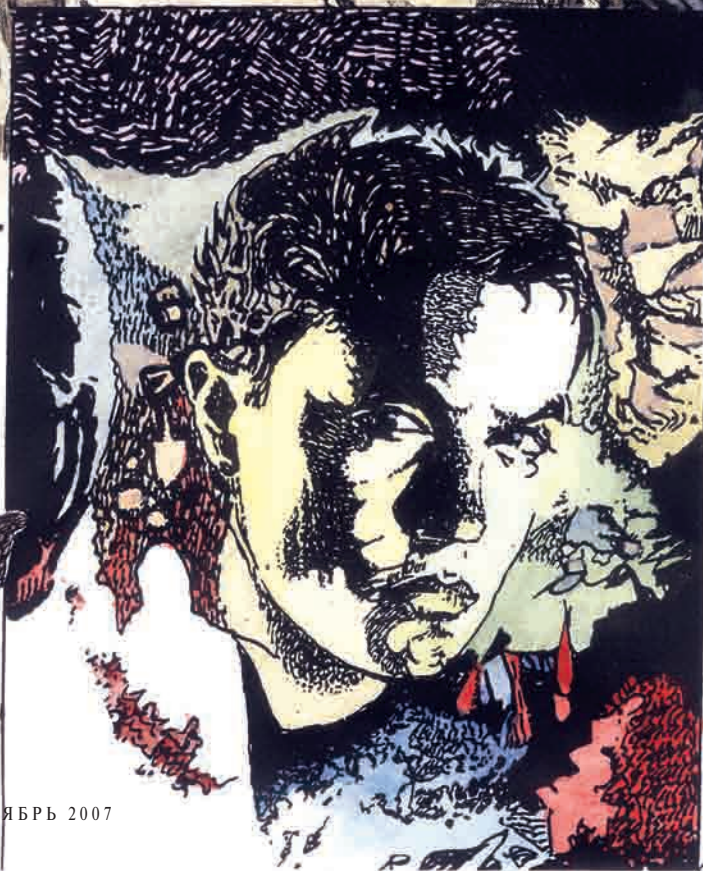
Что бы вы сказали читателям «Смены»?

Карвинг по овощам и фруктам – это такой же постепенно появляющийся навык. Совершенство в нем достигается только практикой. Работа эта – созидательная и очень творческая. Ваше вознаграждение – удовольствие, изумление и восхищение всех, кто увидит законченный дизайн. Другой наградой вам будут самые разные догадки ваших гостей о том, из чего было сделано то или иное украшение! Пробуйте! Это – действительно очень интересно и необычно! Заинтересуетесь – приходите в Академию.

Причин былого отсутствия карвинг-мастеров в нашей стране – две. Во-первых, в отличие от того же Таиланда, где овощи и фрукты созревают круглый год, в России ситуация иная. Весь декор можно было придумать, в основном, из огурца, моркови и тыквы – не разгуляешься. Да и те мастера, кто сам чему-либо в карвинге научился, учить дальше этому не стали бы – слишком дорого и медленно даются эти знания, чтобы делиться ими с конкурентами.

КОНКУРС

Анастасия Румянцева,
г. Москва, 23 года, студентка

Незаметно...

Я шпынял своего младшего брата все время, сколько себя помню. Он младше меня на четыре года и ниже ростом сантиметров на 10, из-за своей сутулости.

Помню, я постоянно отбирал у него сигареты, если они у него были, и часто выделял ему одну, которую он долго мусолил в руках, а затем пытался пристроить за ухо. Бывало, мы курили молча, иногда разговаривали по ночам в нашей вонючей тесной комнатухе, в которой из мебели было всего-то две кровати, шкаф с отвалившейся дверцей у стены между нашими койками и тумбочка у двери.

Мы оба носили очки, но в школьные годы дразнили почему-то только его. Забавно, но мой брат часто засыпал в них, не то забывая снять, не то потому, что они являлись как бы его частью. Мне теперь даже сложно представить брата без очков. Кажется, он носил их с рождения.

Курить он начал, конечно, глядя на меня, а, может, глядя на нашего отца. Но суть в том, что с сигаретой он смотрелся еще более нелепо, чем без нее. Впрочем, особого дела мне до него никогда не было. Наверное, это чувство в некоторой степени было взаимным.

После окончания школы несколько лет я искал работу, а в свободное время болтался по городу, сбивая куски кирпича и кладки с углов зданий кроссовками. Или ошивался в местном заведении, что-то типа бара, хотя это слишком шикарное для него название. В нашем подобии бара меня привлекал дартс, в который я мог кидать часами напролет. Без пива, конечно, не обходилось. Брата я с собой брал редко, в основном, он сидел дома или где-то бродил в одиночестве. Я никогда точно не знал, чем он занимается.

Я-то всегда был целеустремленным человеком, хорошо понимал, чего хочу и чего не хочу, а может, мне лишь так казалось. Но в любом случае я вечно был на ногах, что-то искал, знакомился с людьми, дерзил им, довольно рано уяснив, что им нравится такое поведение, поскольку оно их будоражит. А брат мой был размазней, тихоней, порой казался даже придурковатым типом. И это из-за того, что много молчал и редко отвечал на вопросы, шаря глазами по любой близлежащей поверхности в поисках ответа. Но дураком он вряд ли был, просто — не в кого. Да и молчание еще никогда не считалось признаком дурости. К тому же со мной он иногда разговаривал, то есть задавал свои бестолковые вопросы и слушал.

Кстати, он так и не научился играть ни в футбол, ни в дартс, поэтому я редко брал его с собой. Но зато он неплохо освоил швыряние жестянок в заборы и изымание дартов из круга.

По-серьезному я никогда не обижал брата, не делал ничего такого, за что можно было бы на меня обидеться.

Один раз, правда, был случай, когда мы с друзьями нарезали круги по городу в маршрутном автобусе, который двигался по замкнутому кругу, как по рельсам. Мы оккупировали конец автобуса, открыли окна и орали в них фанатские песни нашего футбольного клуба, задирали проходящих

пижонов с кейсами в руках и простых обывателей: женщин с кошелками, чьи платья были сшиты то ли из тяжелых портьер довоенного времени, то ли из пледа, высокомерных девиц, чьи обтянутые джинсы не оставляли нас равнодушными, а еще противных ворчливых старичков, которые вечно ищут повод облить нынешнюю молодежь, хотя на самом деле ничего о ней не знали.

Но не надо глубоко копать, и так ясно, что люди всегда испытывают потребность в разговоре с кем-нибудь, тем самым пытаясь самовыразиться. Лично я — не против, мой брат — тем более. Он часто поворачивал голову влево, независимо от того, что там находилось: стена, окно или человек, давая понять этим жестом, что не хочет ни говорить, ни слушать, ни, тем более, отвечать. Этот его поворот головы я расщелкивал в секунду. Но это я, а другие не совсем понимали, бывало, даже раздражались.

Поскольку на тот момент он являлся частью нашего «стада» в конце автобуса, не помню, как получилось, что он увязался за мной, и, скажем так, собой олицетворял слабую часть нас, на него и набросились в первую очередь. Начали те самые острозубые стариканы, они что-то ворчали, говорили о его приличном виде, а затем в салон ввалилась компания, которая мне сразу не понравилась, будь они хоть сто раз прекрасными людьми.

Нет смысла долго рассусоливать на эту тему, время не имеет памяти, мы помним о времени, так порой говорил мой брат, когда мы были детьми, когда нас запирали в комнате, если один из нас в чем-то провинился.

В тот раз нас никто не наказывал, да и кто бы посмел уже, но время остановилось. Перед тем, как покинуть салон автобуса, он, кажется, снова пробубнил ту фразу о времени, символично повернув голову влево к окну, лицом в стекло. Дело в том, что одна из девиц в новоприбывшей компании начала кадриться к нему, а он был из тех ребят, что вызывали у девчонок либо жалость, либо желание поглумиться. Как бы то ни было, от излишнего внимания он сильно засмутился, начал поправлять очки каждые пять секунд, хватаясь за них, как за спасение. А когда девица вконец допекла его, спровоцировав всеобщее ржание компании, мой брат резко рванул на следующей остановке, на выходе ставя поочередно обе ноги на каждую ступеньку.

Остановок через пять вышли и мы, нашим пространством и настроением завладела та неприятная компания. Я отделился от ребят и пошел бродить по городу, который можно было обойти за три-четыре часа, но именно это мне и нравилось. Часто ловил и ловлю себя на мысли, что, о чем бы ни думал, все равно где-то в голове мелькает мой брат. Будто я пытаюсь или, наоборот, не пытаюсь думать о нем. Конечно, он — странный тип, местами даже дурной, но он — мой брат и всегда им останется. Я изо всех сил стараюсь не забывать думать о нем.

Когда к нам домой кто-нибудь приходил, подкидывая темы для разговоров, и даже просто за обеденным столом, когда наши родители о чем-то болтали, он как-то странно, ни с того, ни с сего, вставлял фразы в разговор, как бы заканчивая монолог одного из нас или просто вместо образовавшейся паузы, после чего уже не было смысла продолжать. Отец ругался, мама тяжело вздыхала, а я давал ему подзатыльник, чтобы помалкивал.

Тот случай в автобусе. Брат вернулся только под утро, шлялся где-то, весь изгваздался и промок. За что мать долго орала на него утром, до этого за гла-

за весь вечер и ночь кляла его на чем свет стоит; отец молча взирал из своего кресла, а я просто ушел. Я всегда мог просто уйти.

Мать орала тогда, что он ни хрена не делает, просиживает пятую точку в диване, ничем не помогает, а мог бы, если бы у него была голова на плечах. Дурацкая фраза, ибо именно она и покоится на шее, кстати, а не на плечах. И если бы он хотел, то мог бы кем-нибудь стать. Хотел ли? А хотел ли я, и чего? И кто вообще хочет? Жизнь дана — живи, а о желании никто и не спрашивает. О настоящем желании; все прочие желания навязаны; желания, которые мы обязаны желать.

Иногда я смотрю на своих родителей другими глазами, и мне становится очень грустно от того, что ни я, ни брат не оправдали их надежд и мечтаний. Они — такие же, как и мы, но у них есть мы — их дети, а у нас есть они. И где начало, где конец — не ясно, как и не ясно, кто кому нужнее, но, кажется, что мы им больше, чем они нам. И должны мы им больше, чем они нам, только мы-то понимаем и видим не только своими, но и их глазами, а они — лишь своими. Иногда бывает иначе, наверное...

В то утро я ушел, недоев свой завтрак. Быстро сбежал по лестнице, не замечая ногами ступеней, и целый день кидал камни и пустые жестянки в обгаженные стены любимого города, разноцветные заборы и ограды, даже сбил со злости пару дорожных указателей. В общем, плодотворно провел день.

Вернулся домой поздно, продрогший и промокший до костей, до глубины души. Мать смотрела телевизор, а отец на кухне слушал радиоприемник, стоящий на углу подоконника, рядом с которым сто лет пылилась вечно пустая стеклянная банка, грязная, как неизвестно что. Какую роль она выполняла уже столько лет — одному Богу известно, но он не делится соображениями. Я ее просто ненавидел и знал, что когда-нибудь с восторгом разобью ее, возможно, даже об окно.

Отец что-то бубнил в воздух о бесполезности моего рождения, пока я цедил воду из-под старого крана, вошла мама и начала меня расспрашивать насчет нашего младшего, где он, и что он о себе думает? Я хмыкнул и выпил безо всякого удовольствия жестяного вкуса воду.

Младший пришел глубокой ночью. Не включая свет, не снимая обуви и одежды, он рухнул на кровать и заснул. А я не спал, а если бы и так, то он все равно слишком шумно вошел. Мне казалось, что прошло полночи, когда на соседней кровати зашевелились, и раздался щелчок зажигалки. Мне было слышно, как он выдыхал дым, после того, как оранжевый уголек резко оживал на секунду. Впервые я притворялся спящим. Мне хотелось, чтобы он думал, будто я не знаю об его присутствии, будто я — не здесь. И теперь, порой просыпаясь среди ночи, я замираю в одном положении, не смея громко дышать, поворачивать голову, зная, что там, рядом со мной тлеет оранжевая точка.

В последующие месяцы дождем были заполнены дни, утра, ночи, выбоины на дорогах и клумбы. Я редко куда-то выбирался. Из обуви у меня были только кроссовки и зимние ботинки, а по такой сырости долго не побродишь с промокшими ногами, тело начинает быстро замерзать. И я сидел дома, пытался рисовать в тетради, читать книги, мешать родителям, путаться у них под ногами, пререкаться за столом и сталкиваться в узком коридоре.

Брат мой, как раз наоборот, пропадал вне дома целыми днями, уходил рано, когда я еще спал, а приходил поздно ночью, не разговаривая ни с кем. Мама часто допытывалась у меня, где брат, что он делает, неужели занялся делом и так далее, а отец слушал свое черно-белое шуршащее радио на кухне. Дни стали по-осеннему тоскливыми.

В один из особо сырых вечеров младший пришел домой такой мокрый, что капало не только с головы, но и с дужек его очков за ушами. Он наследил по всему дому грязными подошвами, и тогда отец влетел в комнату, хотя уже много лет общался с нами только с ее порога, и начал орать на нас обоих. Брат забился в глубину кровати, как зверек, а отец от этого стал орать только на него, да только все сильнее и громче. Меня же как будто вырубил из сети, я смотрел кино или что-то вроде того, на бред, который казался дурацким фильмом. Из тех, что каждый день показывали по телевизору с четырнадцати двадцати до двадцати трех часов вечера. Я тогда подумал, что мог бы написать поэму. Почему нет? Персонажи готовы, ситуация есть. Только зачем, и кто станет это читать? И в тот момент меня как будто вырвало из оцепенения желание. Желание заорать. Я так и сделал. Не помню, как долго и пронзительно я это делал, но через какое-то время вбежала мама и присоединилась ко мне в свойственной ей манере, но я не слышал ни ее, ни себя. Мелькали руки, искаженные лица моих родителей, творилось что-то похожее на сумасшедший дом, а потом я заметил кровь на лице своего брата. Да, родители порой одаривали нас подзатыльниками, его, конечно, чаще, чем меня, но бить — никогда!

Все закончилось, когда младший соскочил с кровати, его движения были резкими и плавными одновременно, как в кино, в замедленной съемке, если человек движется не спеша, но точно. Казалось, он несомненно знает, какое следующее движение будет следовать за предыдущим. На меня навалилось неприятное чувство, такое тяжелое, что я осел на свою кровать, и тело пробрал озноб.

И он как раз не кричал, но все остальные разом замолкли. Наступила та самая удушающая тишина, в которой было слышно лишь дыхание четырех людей. Громче всех дышал он.

— Я хочу спать. Погасите свет.

Брат внезапно выключил свет, громко ударив по выключателю ладонью. Уверен, что мы с родителями синхронно вздрогнули в тот момент. Я сидел, а они так и остались стоять, как и стояли.

Вот-вот что-то должно было случиться, кто-то должен был разорвать это чудовищное молчание. Мутный свет из коридора слегка прошелся по нашим лицам и силуэтам, а затем погас, разок мигнув на прощание. Из-за грозы часто отключали свет во всем районе, и в тот момент это пришлось как нельзя кстати. На улице громыхнуло, и дождь застучал по жестяному подоконнику с новой силой. Мама выдохнула что-то типа: Господи! Боже! И засуетилась, спотыкаясь о нашу обувь, в поисках дверного проема. Отец хлопнул дверью, от чего она, конечно, не закрылась.

— Давай включим музыку? The Jam*. Мне нравится.

Это была моя пластинка, но ему разрешалось ее послушать, иногда даже вместе со мной, когда у меня бывало настроение. Все-таки из меня вышел ужасный старший брат.

*The Jam — британская пост-панк группа, популярная в начале 80-х годов.

В ту ночь мы так и не заснули, слушали The Jam с начала до конца несколько раз, потом все остальные мои пластинки, которые с того момента стали «нашими». Я тогда впервые слушал, а не говорил сам, и не только слушал, но и слышал. А к утру, когда через занавески стало заметным едва светлеющее небо, мой брат ушел. Он как-то неожиданно выключил музыку, встал, застегнул молнию на куртке до подбородка и остановился спиной ко мне, лицом к двери. Он стоял, и я видел, хотя было еще довольно темно, но глаза за ночь привыкли видеть в темноте, как его рука с силой сжималась в кулак и разжималась. Кажется, он обернулся и посмотрел прямо мне в глаза. И еще за стеклами съехавших на бок очков, в которых отражались зарождавшиеся утренние блики с улицы, из-за которых не было видно выражения его глаз, я все-таки определенно увидел то, что было в его глазах тогда.

Как-то давно он рассказал мне о своей мечте, даже не знаю теперь, почему он решился на это. Тогда мне показалось, что мечтать о таком — ужасно глупо, и рассмеялся прямо ему в лицо, а он, поправив очки, один раз за всю нашу жизнь наморщил нос, в точности как я всегда это делал.

Его мечта помещалась в салоне машины, стоящей на мойке, как в фильмах. Он описывал ее так: «Ты сидишь внутри, а вокруг вращаются огромные щетки, и пенная вода скользит по окнам в разные стороны. Ты — внутри всего этого, что тебя напрямую не касается. Ты прикладываешь руки к стеклам, но они, конечно, сухие, хотя ты можешь видеть влажную поверхность и совершенно точно знать, какая она на ощупь. Ты — будто в безопасности, как до рождения, и являешься частью этого процесса, который тебя окружает, так близко и так далеко одновременно».

Тогда я смеялся, но больше — никогда. Одно пытаюсь понять, зачем он назвал это мечтой, если, только представив себе это, оказывался там. А теперь и я вместе с ним.

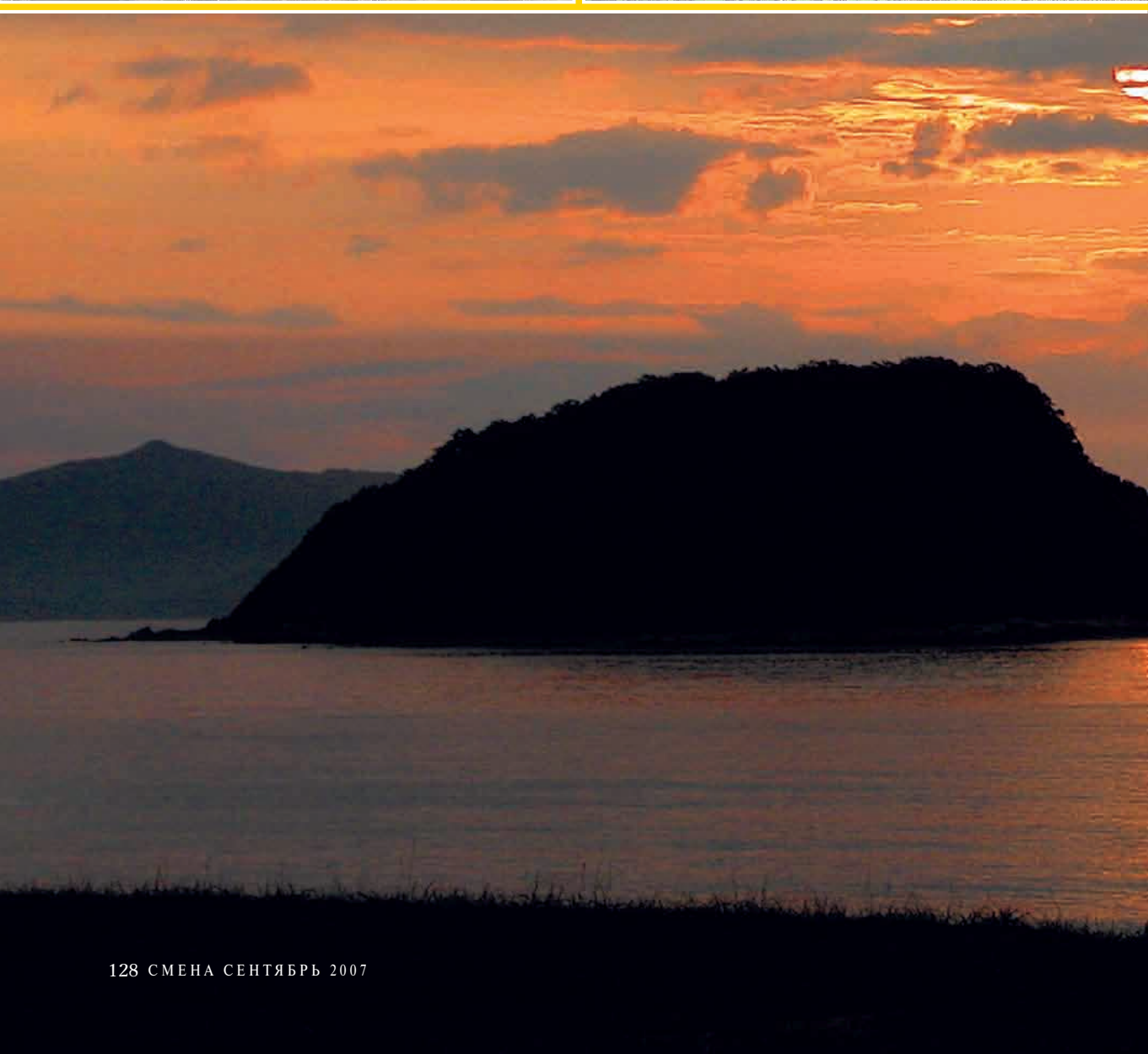
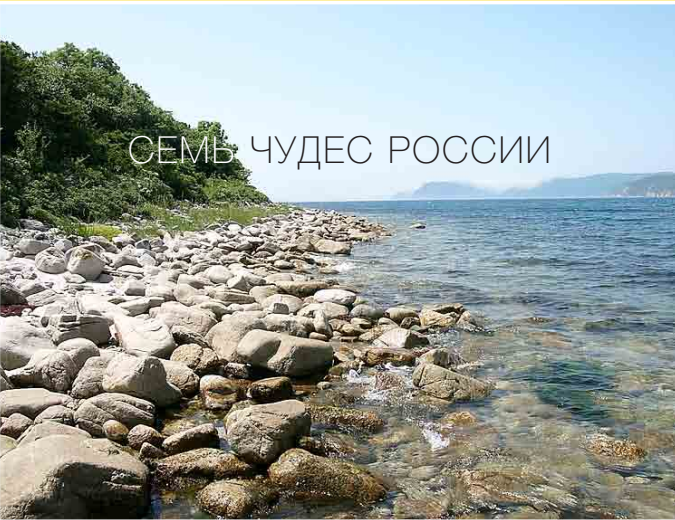
Дверь осталась распахнутой после его ухода, но из-за того, что окно в комнате никогда до конца не закрывалось, образовавшийся тягучий сквозняк беспокоил деревянную дверь. А она ворчливо поскрипывала о своем одиночестве в ответ. Я слушал и слушал этот однообразный раскачивающийся монолог и не заметил, как заснул.

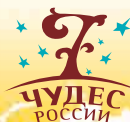
Вечером того дня в городе была какая-то потасовка у железной дороги, сошлись скинхеды с кем-то еще. Я так и не понял, не узнал, из-за чего был конфликт, но на том сборище убили моего брата.

Внешне ничего не изменилось в нашей жизни: я так же целыми днями где-то шлялся, искал работу, чтобы потом купить машину, отец слушал радио, мама смотрела телевизор, квартира наша так же располагалась на пятом этаже; банку, что стояла на окне, я так и не тронул, она сама однажды упала и разбилась на мелкие осколки, а голуби, как и прежде, засиживались на подоконнике до наступления темноты. Только теперь среди нас троих не было одного, который вечно засыпал, не снимая очков, оставявших вмятины на щеках целый день. Того, кто склеивал все наши разговоры, заканчивая ни с того ни с сего наши оборвавшиеся мысли.

Иллюстрация Льва Рябинина

СЕМЬ ЧУДЕС РОССИИ

Остров Петрова

Остров Петрова на Дальнем Востоке, открытый офицером русского флота Александром Петровым, был заселен людьми еще 5 тыс. лет назад.

Когда-то остров считался резиденцией бохайских князей, а с VIII по XIX век здесь жили китайцы – иолу, то есть морские разбойники. Считается, что именно они посадили на острове тисовую рощу, единственную на сегодняшний момент в мире. Предполагается, что в роще разбойники собирались для проведения культовых обрядов и жертвоприношений. Может, именно поэтому они высадили эти деревья в строгой геометрической последовательности таким образом, чтобы с высоты птичьего полета можно было прочесть загадочную (или устрашающую?) фразу. Иероглифы эти до сих пор никому перевести не удалось.

Уникальность и редкость тисовых деревьев заключается в том, что растут они чрезвычайно медленно, около трех тысяч лет, а древесина, содержащая яд, практически не подвергается гниению. Возраст тисовых деревьев на острове составляет около 1200 лет. Сегодня они в России занесены в Красную книгу. Тис во все времена был деревом дорогостоящим. Так, две дощечки из тисового дерева могли обменять на горстку драгоценных камней.

В древности тис был символом печали и скорби. В Египте из тисового дерева делали саркофаги для фараонов, а в Древнем Риме ветви тисовых деревьев несли во время погребальных процессий. На острове Петрова под тисовой рощей бьет родник. Считается, что его вода обладает магической силой, способной исполнять желания.

Инга Светлова, г. Владивосток

ИЗДАЛЕКА

Еще одна тяжелая ночь накрыла своим покровом лежащего в мастерской больного художника Левитана. Рядом с ним неотлучно находился лечащий врач, старавшийся в какой уж раз вырвать его из лап смерти. На этот раз опять удалось, но с каким напряжением, с каким трудом! Сколько еще подобных ночей выдержит измученное сердце?..

Ирина БЕСПАЛОВА

Друзей прекрасные черты...

После ухода врача Левитан позвал к себе брата и попросил принести все собранные за многие годы письма и сжечь их. Он чувствовал, что сердце скоро остановится — поэтому все — в огонь, безжалостно, ни о чем не сожалея.

Пачки писем летели в печку — письма Серова, Третьякова, Коровина, Нестерова, короткие записки в изящных конвертах от поклонниц, подруг и любимых... А главное — более ста писем самого близкого друга, Антона Чехова.

Вот таким образом великий художник сводил счеты с жизнью, которая принесла ему много страданий, много счастья и необыкновенную дружбу с талантливым и неординарным человеком...

— Крокодил!

Это веселое приветствие Чехов услышал утром на реке, где ставил вершу.

На другом берегу, размахивая руками, кричал Левитан, с которым Антон Павлович познакомился через своего брата Николая и успел подружиться за это лето.

Исаак Левитан и Николай Чехов учились вместе в Училище живописи и ваяния в классе Поленова. Одно время даже жили вместе в «Восточных номерах». Общие невзгоды сблизили их, они постоянно поддерживали друг друга, делясь своими скудными средствами. Иногда даже создавали вместе картины. Например, в картине Николая Чехова «Мессалина» небо написал Левитан, а в единственном пейзаже Левитана, где присутствует человек, — «Осенний день в Сокольниках», фигуру женщины в черном написал Чехов.

Он и уговорил Левитана приехать в Бабкино, где семья Чеховых каждое лето отдыхала на даче в имении Киселевых. Исаак с радостью согласился и снял по соседству маленькую сараюшку в деревне Максимовке.

На этом сарае братья Чеховы, как-то дурачась, повесили вывеску: «Ссудная касса купца Исаака Левитана».

Семья Чеховых, включая сестру Машу, была шумной и насмешливой, к тому же просто обожала всякие забавы и розыгрыши. Каждый пустяк, даже ловля карасей или прогулка в лес по грибы, разрастался в веселое событие. А по

утрам за чайным столом начинались невероятные выдумки и раздавался неудержимый хохот, не затихавший до позднего вечера.

Больше всех доставалось Левитану. Его постоянно «обвиняли» в смехотворных преступлениях и даже как-то устроили над ним «показательный суд». Антон Павлович, заgrimированный прокурором, произнес обвинительную речь. Николай, изображавший дурака-свидетеля, давал сбивчивые показания и старался походить на героя чеховского рассказа «Злоумышленник»... Все задыхались от смеха, смеялся и Левитан. Но шутники не замечали, что больно задевают самолюбие художника.

Иногда, в разгар забавы, он убегал, но проходило несколько дней, и он, забывая обиду, вновь участвовал в веселых затеях Чеховых.

Особенно попадало Левитану за его красивое восточное лицо.

Позже в своих письмах друзьям Чехов часто упоминал о красоте Левитана. «Я приеду к вам, красивый, как Левитан». Или: «Он был томный, как Левитан». Антон Павлович даже придумал свое слово — «левитанистый», и употреблял его очень метко. «Природа здесь гораздо левитанистей, чем у вас», — писал он. Даже картины Левитана были для Чехова «более или менее левитанистыми».

Вначале это казалось шуткой, но со временем стало ясно, что в этом веселом слове заключен очень точный смысл — оно передавало особое обаяние пейзажа средней полосы России, которое удавалось воплотить в своих полотнах одному только Левитану.

Здесь, в Бабкине, Левитан особенно сблизился с Чеховым. Их влекла друг к другу общность вкусов и интересов. Им нравились одни и те же книги, они одинаково любили в природе и элегию сумерек, и буйство заката. И им просто было очень хорошо вместе.

Поэтому Чехов пригласил Левитана перебраться в Бабкино. Тот сразу же откликнулся и занял флигелек рядом с большим домом, где жили Чеховы.

Вставал Левитан раньше всех. И хотя Чехов начинал свой рабочий день в семь утра, Левитан к этому времени успевал написать очередной этюд.

Скоро стены флигеля уже были увешаны его многочисленными этюдами.

Дружная компания даже сочинила стишок по этому поводу:

*А вот и флигель Левитана,
Художник милый здесь живет.
Встает он очень-очень рано
И тотчас чай китайский пьет.
Позвав к себе собаку Весту,
Дает ей крынку молока.
И тут же, не вставая с места,
Этюд он трогает слегка.*

Как-то, в порыве творческого настроения, Левитан усадил Чехова в кресло и начал писать его портрет. Он очень любил лицо Антона Павловича. Но сеанс оказался коротким, этюд не был закончен. Левитан к нему больше не возвращался, боясь утратить то хорошее, что удалось передать во вдохновенном наброске. Он сумел увидеть в лице Чехова черты, которые как бы предугадывали будущее большого писателя. Увидеть такое мог только проникательный художник и близкий друг.

Бабкинское лето протекало весело и беззаботно. Но однажды в него все же вторглась драматическая нотка.

Левитан всерьез увлекся Машей Чеховой и со всей своей экспансивностью шумно признался ей в любви.

Сама Маша так вспоминала об этом признании:

«Иду я по дороге из Бабкина к лесу и неожиданно встречаю Левитана. Мы остановились, начали говорить о том о сем, как вдруг Левитан бух передо мной на колени и... объяснение в любви.

Помню, как я смутилась, мне стало чего-то стыдно, и я закрыла лицо руками.

— Милая Маша, каждая точка на твоём лице мне дорога... — слышу голос Левитана.

Я не нашла ничего лучшего, как повернуться и убежать от него.

Целый день я плакала в своей комнате. К обеду, как всегда, пришел Левитан. Я не вышла. Тогда Антон Павлович сам пришел ко мне и спросил:

— Чего ты ревешь?

Я рассказала ему о случившемся и призналась, что не знаю, как и что нужно сказать теперь Левитану. Брат ответил:

— Ты, конечно, если хочешь, можешь выйти за него замуж, но имей в виду, что ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты.

Мне стыдно было сознаться, что я не знаю, что такое «женщина бальзаковского возраста», но я почувствовала, что он в чем-то предостерегал меня. Левитану я тогда ничего не ответила. Он с неделю ходил по Бабкину мрачной тенью».

Чехов хотел уберечь сестру от возможных страданий, но своей осторожностью уберечь ее, наверное, и от счастья.

Прошло совсем немного времени, и Маша снова по-дружески общалась с Левитаном, а воспоминание о пылком объяснении в лесу затянулось грустной дымкой. Он на всю жизнь остался для нее всего лишь шестым братом.

Но для Левитана история неудачного сватовства не прошла бесследно. Никогда больше он не искал счастья семейной жизни.

...Милое Бабкино пришлось оставить в самый разгар жаркого лета. Левитан заболел и уехал в Москву, в свой скучный номер меблирашек, к полному одиночеству. Он очень хотел вернуться, но болезнь, которую врачи называли катаральной лихорадкой, долгие дни прудержала его в постели...

Наступила зима. Еще осенью Чеховы переехали в Москву. Антон Павлович снял квартиру возле Кудринской, в двухэтажном особняке Корнеева, который он шуточно называл «комодом». Этот «комод» находился совсем недалеко от дома Левитана.

Случалось, заработается Левитан у себя в номере или задержится в гостях, и вдруг неожиданно вспыхивает острое желание увидеть друга. Он тут же одевается и спешит к дому Чехова, спальня которого расположена на первом этаже. Слышится легкий стук в стекло, затем — пронзительный шепот:

— Крокодил, ты спишь?

Чехов выходит в прихожую, не зажигая свет, тихо открывает дверь и впускает Левитана вместе с ночной, морозной сыростью.

Вечер. Золотой Плес. Художник И. Левитан.

Они сидят в кабинете. Под зеленым абажуром уютно горит лампа, за столом льется дружеская беседа, и такой покой ложится на душу...

Бывал Левитан на Кудринской очень часто. Если Антон работал, можно было подняться на второй этаж, посидеть с Машей, попросить Николая сыграть на фортепиано любимые вещи.

Чехов всегда приглашал Левитана на чтение своих новых рассказов. А пьесу «Иванов» Левитан впервые услышал тоже в авторском исполнении. Понравилась она ему и в театре.

Чехов писал об этом брату Александру: «Николай и Левитан уверяют, что на сцене она до того оригинальна, что странно глядеть!»

В доме Чеховых — всегда весело. Здесь молодой душой убеленный сединами писатель Григорьевич и распрямлялись морщины на лице поэта Плещеева.

Особенно бурно веселились в дни рождения Чехова. Играли, исполняли шуточные танцы. Сколько разыгрывалось сверкающих остроумием импровизаций, сколько придумывалось забав!

Со всеми Чеховыми Левитан виделся еще в одном доме — у Софьи Петровны Кувшинниковой, которая постоянно устраивала званые вечера и приглашала на них писателей, художников, артистов.

Кувшинниковы жили неподалеку от знаменитого Хитрова рынка. Дмитрий Павлович Кувшинников был полицейским врачом и всеобщим любимцем, даже хитровские жулики относились к нему с грубоватой нежностью.

Софья Петровна поздно увлеклась живописью, но училась настолько упорно, что постепенно о ней заговорили. Узнав о Левитане, она поспешила познакомиться с ним и при встрече спросила, не согласится ли он проводить с ней занятия живописью. Естественно, Левитан не смог ей отказать.

Чехов, чуткий к переменам настроений друга, в одном из писем очень коротко, но точно охарактеризовал это знакомство: «Левитан закружился в вихре...»

А весной, наконец, Левитан сумел осуществить свою мечту — вместе с Софьей Петровной он поехал на Волгу писать этюды.

Стоя на палубе парохода, они внимательно рассматривали волжские берега в поисках места, располагающего к творчеству.

Вдруг оба одновременно вскрикнули от неожиданности: перед ними появился зеленый холм, а на нем — темная деревянная церквушка и кресты погоста возле нее. Решение пришло мгновенно — вот здесь и надо остановиться. Узнали, как называется пристань — Плес. И здесь, в этом маленьком волжском городке, они застряли надолго.

Как-то Софье Петровне захотелось посмотреть, как проходит церковная служба в старом храме. Войдя в церковь, Левитан, всегда и везде остававшийся художником, тут же принялся за этюд. К нему присоединилась и Софья Петровна.

Писал Левитан с удовольствием. Свободно и широко набросал старинные иконы, ворота, расписанные ликами святых. Кувшинниковой тоже удался ее этюд, даже настолько, что зимой того же года Третьяков приобрел эту работу, первую, удостоившуюся высокой чести. А Чехов отозвался на это событие теплым письмом:

«Поздравляю Вас с праздником и вступлением в ряды бессмертных. Ничего, что Ваша картина маленькая. Каждая картина, взятая в галерею, служит великому делу — скоплению в стране богатств. Видите, во мне даже патриот заговорил!»

Приезд художников плесские обыватели живо обсуждали только первые дни, потом к москвичам привыкли, даже появились знакомые, один из которых, Фомичев, оказался страстным охотником. Охота в густых волжских лесах показалась Левитану столь заманчивой, что он с удовольствием согласился составить компанию новому знакомому. К ним охотно присоединилась и Софья Петровна. Она ходила в мужском костюме, стрелять научилась еще в молодости и была не менее азартна, чем Левитан.

Но главной, конечно, была работа. И Левитан вернулся в Москву с большим запасом этюдов и замыслов будущих картин. Он еще не насытился Плесом и разлуку с ним считал временной. Когда Чехов посмотрел привезенные с Волги работы, он удивился и с одобрением произнес:

Саля в Алушке. Этюд. Художник И. Левитан.

— Знаешь, на твоих картинах появилась улыбка.

Левитану не сиделось в Москве, он просто «заболел» Волгой и еле дождался следующего лета, чтобы вместе с Софьей Петровной снова поехать в Плес.

Совместные поездки на этюды сблизили их. Кувшинникова была очень хороша собой — большие, испытующие карие глаза, темные выходящие волосы, тонкая стройная фигура. Эта своеобразная талантливая женщина по-настоящему полюбила Левитана. Никто еще не относился к нему так заботливо, и одинокое сердце сразу откликнулось на чувство, несмотря на некую двусмысленность ситуации — ведь в Москве Софью Петровну ждал очень хороший и добрый человек, муж Дмитрий Павлович. Но это не могло остановить их, настолько сильно было влечение, которое, при определенных обстоятельствах, могло бы не только подарить радость любви, но и принести страдания не одному человеку...

Именно в Плесе Левитан узнал о том, что от скоротечной чахотки скончался Николай Чехов. Первое горе посетило семью Чеховых, а Левитан был просто потрясен этой безвременной потерей. К тому же она как-то настоятельно художника, и он понял, что надо спешить, чтобы успеть осуществить хотя бы часть своих планов и надежд. И он писал, писал... «Церковь в Плесе», «Уголок Плеса», «После дождя. Плес», «Тихая обитель», «Березовая роща», «Золотой Плес»...

Осенью Левитан вернулся в Москву с огромным количеством готовых картин и превосходных этюдов. Московские критики сразу заметили волжские картины Левитана, пленясь их колоритом и поэтическим чувством.

А весной 1890 года Левитан провожал Чехова на Сахалин. На вокзал пришел и доктор Кувшинников. Он повесил на плечо Антону Павловичу дорожную фляжку в кожаном чехле, заполненную коньяком, и попросил выпить его только на берегу океана.

Несколько месяцев от Чехова приходили лишь редкие письма. И не было ни одного, обращенного к сестре, где Антон Павлович не вспоминал бы о Левитане. Суровая величественная природа Сибири вызывала сожаление,

что нет рядом любимого друга. «И горы, и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые сторицею вознаградили за все пережитые кувырколлегии и которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной». И в конце каждого письма Чехов просил сестру передавать привет «красивому Левитану».

Левитан и сам уже жалел, что не поехал с Чеховым. Но его ждал Плес, единственное место, где можно успокоиться и привести в порядок свои мысли...

Чехов вернулся из Сахалинской поездки, и летом семья опять сняла дачу, на этот раз в Алексине на реке Оке.

Левитан и подруга Маши Чеховой Лика Мишинова задумали навестить Чеховых и взяли билеты на пароход. В пути они случайно познакомились с помещиком Былим-Колосовским, который ехал в свое имение в Богимово. Узнав, что молодежь едет к любимому писателю, живущему поблизости, он пригласил их и всех Чеховых к себе в гости.

Вечером того же дня в Алексин прислали лошадей, и шумная веселая компания поехала в Богимово...

А через некоторое время Чехов написал Лике: «Мы оставляем дачу в Алексине и переезжаем в верхний этаж дома Былим-Колосовского, где Вы были и стояли под навесом, когда шел дождь».

Левитан же поселился на даче дяди Лики Панафидина, в местечке, носившем поэтическое название «Затишье».

Тем летом Чехов и Левитан часто переписывались, и переписка эта была наполнена шутками и поддразниваниями. Левитан подшучивал над чувствами Чехова к Лике, а тот в ответ изображал ревнивую тревогу.

Ревновала и Софья Петровна, которую Левитан привез с собой в «Затишье». Бурные сцены очень действовали на Левитана, и, как вспоминала Лика, он часто бывал «мрачен и угрюм».

В плохую погоду сидели, в основном, дома, и Левитан читал женщинам вслух рассказы Чехова. Читал с таким наслаждением и вдохновением, что впечатление было огромным. Сам он так писал Чехову:

«Я внимательно перечитал твои «Пестрые рассказы» и «В сумерках», и ты поразил меня

как пейзажист. Пейзажи в них — верх совершенства!»

Оценка эта была особенно дорога писателю — ведь она дана пейзажистом, который многие годы бился над тем, чтобы цветом выразить свои впечатления от природы. Чехов же сделал это словами.

Близость! Оба стеснялись выражать ее внешне. Только нет-нет, да и промелькнет в письме нежность: «Целую тебя в кончик носа и слышу запах дичи. Фу, как глупо, совсем потвоему». Или мужская ласка: «Дай руку, слышишь, как крепко жму я ее».

Их очень тянуло друг к другу. Хотелось видеться как можно чаще и говорить, говорить обо всем, что так близко и дорого им: о живописи, о литературе, о любви, о жизни...

Но тут, как часто бывает, вмешался «господин случай», который привел обоих к тяжелоу и длительному разрыву.

Софья Петровна Кувшинникова, будучи натурой творческой, любила вести дневник. Маленький изящный альбом, исписанный размашистым почерком, всегда лежал в гостиной, и посетители ее салона часто заглядывали в него. Записи были очень откровенные, и непонятно, почему они были для всех доступны.

Чехов, тоже посещавший ее салон, не раз держал в руках этот альбом. И не он ли дал писателю повод написать знаменитую «Попрыгунью»?

Рассказ этот наделал много шума, и читатели жаждали выяснять, кто же были прототипы его героев. В хорошенькой чеховской блондинке они быстро узнали брюнетку Софью Петровну.

Сам Чехов так писал об этом событии: «Представляете, одна моя знакомая сорокадвухлетняя дама узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи», и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор, и живет она с художником...»

Теперь Чехов явно недолюбливал Софью Петровну и называл ее «семидесятилетней соперницей Лики» и «стареющей Сафо».

«Попрыгунья» была напечатана в журнале «Север» в 1892 году.

Поначалу она никак не повлияла на отношения между друзьями. Левитан даже приехал

погостить к Чехову в недавно купленную им усадьбу Мелихово. Они снова много дурачились, веселились, вели сердечные беседы, охотились.

Но когда Левитан вернулся в Москву, он застал самый разгар сплетен о новом рассказе Чехова. Одни возмущались прозрачностью намеков, другие злорадствовали над вызывающей откровенностью жизни Кувшинниковой.

Сама Софья Петровна просто негодовала. Видимо, именно она и подбила Левитана написать Чехову полное обид письмо. Отношения накалились. Чехов ответил в такой же резкой форме. Постепенно ссора принимала затяжной характер и продолжалась около трех лет. Она принесла обоим много горя. Особенно тяжело было одинокому Левитану, ему пришлось за это время пережить трудные времена. Правда, знакомые Левитана не замечали в нем резких перемен. Он вел обычный образ жизни. Много работал, гулял по улицам Москвы, присутствовал на конкурсах Общества любителей художества. Только приступы тоски посещали его все чаще. А самого близкого друга рядом не было...

Никто не хотел сделать первый шаг. Толчок извне был просто необходим. Именно таким «толчком» стала Татьяна Щепкина-Куперник.

Чехов давно уже приглашал ее в Мелихово. Но перед отъездом туда поэтесса решила навестить Левитана — посмотреть его новые этюды.

Левитан принял гостью с большой радостью и страшно завидовал, что она скоро увидит его близких друзей.

— За чем же дело стало? — весело проговорила она. — Поедьте сейчас со мной.

— Как?! Сейчас? Просто взять и поехать? А вдруг он не поймет?

Но поэтесса была настроена весьма решительно. И вот уже через пару часов они ехали в Мелихово.

Щепкина-Куперник часто потом вспоминала эту встречу и писала в своем дневнике: «Мы подъехали к дому. На крыльцо выбежала Мария Павловна, за ней — закутанный Антон Павлович. В сумерках он вглядывался, кто со мной. Маленькая пауза — и оба кинулись друг к другу, крепко схватили друг друга за руки и вдруг заговорили о самых обыкновенных ве-

~ издалека

щах: о дороге, о погоде, о Москве... будто ничего не случилось. Но за ужином я видела, как подергивались влажным блеском прекрасные глаза Левитана и как весело сияли обычно задумчивые глаза Антона Павловича...»

Следующим утром Чехов спешил в Москву по делам и не стал будить Левитана. А тот, вскоре уезжая из Мелихова, оставил другу записку: «Сожалею, что не увижу тебя. Заглянешь ко мне? Я несказанно рад, что вновь здесь, у Чеховых. Вернулся опять к тому, что было дорого и что на самом деле и не переставало быть дорогим. Твой Левитан».

Болезнь сердца, тяжелая и роковая, подкрадывалась незаметно.

Зимой 1896 года Чехов записал в своем дневнике: «У Левитана — расширение аорты. Носит на груди глину. Превосходные этюды и страстная жажда жизни».

Левитан, несмотря на болезнь, выглядел элегантно, ходил с томным видом, держа в руках красивую трость, и даже близкие друзья поговаривали: «Рисуется».

На Волге. Художник И. Левитан.

Но ему действительно было плохо. Как-то сердечный приступ настиг его на лестнице Исторического музея, когда он шел на выставку. Он упал на ступенях, и его увезли домой.

Чехов понимал, что угрожает его другу. Встревоженный, он зашел к лечащему врачу Левитана профессору Остроумову. Тот ничем не смог утешить Антона Павловича, наоборот, сказал, что Левитану «не миновать смерти», и ему необходимо ехать за границу, на юг Франции или в Италию.

Друзья сделали все, чтобы устроить Левитану эту поездку. Ванны и лечение сделали свое дело — художнику стало лучше.

Зато из России пришла горькая весть: заболел чахоткой сам Чехов, и болезнь вынудила его оставить Москву и переехать в Ялту.

Оба друга теперь знали, что каждый из них приговорен.

Левитан писал Чехову: «Ах, зачем ты болен, зачем это нужно? Тысячи праздных и гнусных людей пользуются великолепным здоровьем. Бессмыслица какая-то!»

Милый, дорогой, голубчик, если не хочется, не работай ничего, не утомляй себя».

Они всегда были сдержанны в своих чувствах, обычно старались только подтрунивать друг над другом. Но пришла болезнь, и вся шутовость куда-то исчезла, остались лишь любовь и постоянная тревога за будущее.

Вернувшись из-за границы, Левитан тут же поспешил в Ялту. Хотя он сам был почти неизлечимо болен, душа страдала не из-за себя, за любимого Антона. Была послана в Ялту короткая телеграмма: «Сегодня жди знаменитого академика».

И вот Левитан — в Крыму. Антон Павлович недавно поселился в новом доме, где многое еще достраивалось. Сада пока не было, и на участке перед домом кое-где торчали молодые саженцы, посаженные Чеховым. Ему уже приелась южная зелень, и он хотел вырастить в своем саду деревья любимой средней полосы.

Старые друзья встретились постаревшими и даже немного отчужденными. Левитан ходил, тяжело опираясь на палку, задыхался и постоянно говорил о близкой смерти. Сердце болело непрерывно. А Чехов тосковал по Москве. Кроме моря и тихой зимней Ялты, казалось, больше ничего не оставалось в жизни.

Обоим было грустно: как врач Чехов понимал состояние Левитана, а тот, в свою очередь, каждый раз мрачнел при частых покашливаниях Чехова.

Зато Маша сияла от счастья — целых две недели Левитан будет с ними.

В один из ясных солнечных дней Левитан уговорил Машу подняться с ним в горы. Он шел медленно, тяжело дыша и опираясь на палку. Когда добрались до верхней площадки, перед ними открылся величественный и захватывающий вид: бескрайнее синее море, чистое небо над головой, а под ногами — Ялта, зеленая, веселая. Левитан совсем помрачнел:

— Боже, Машенька, как не хочется умирать! Как страшно умирать, и как болит сердце...

Маша ничего не ответила, только подошла к нему, осторожно взяла под руку, и они начали медленно спускаться вниз.

А дома, где их ждал Антон Павлович, Левитан попросил Машу принести кусок картона и тут же принялся за работу.

Картина была закончена быстро: луна, поднимающаяся над стогами. В комнате сразу будто повеяло запахом свежего сена. Родной пейзаж. Теперь он все время будет перед глазами Чехова как напоминание о далекой, но такой милой сердцу природе и о друге.

Здесь, в Ялте, с семьей Чеховых Левитан встретил Новый год нового века. Что сулил он художнику и писателю?..

А уже через несколько дней Чехов долго стоял на пристани, махая платком и глядя на удаляющуюся фигуру Левитана, махающего в ответ с палубы парохода.

Увидятся ли они еще?..

Пришла весна, беспокойная, полная ранних гроз.

Как-то Левитан провел целый день в лесу, продрог и простудился. Простуда легла на изношенное сердце, и болезнь сразу же приняла тяжелый характер. Левитан слег с высокой температурой.

Узнав о болезни друга, теперь уже Чехов приехал в Москву. Побыл он недолго, срочные дела звали обратно в Ялту. Но беспокойство не оставляло его. Он часто писал в Москву Ольге Книппер и почти в каждом письме спрашивал: «Как Левитан? Меня ужасно мучает неизвестность. Если что слышали, напишите, пожалуйста».

Брат Адольф неотлучно находился рядом с Левитаном. Надежда на выздоровление то появлялась, то исчезала. Когда художнику становилось легче, он просил брата поднять его с постели и подвести к окну. В природе творилось что-то удивительное, будто она прощалась с человеком, воспевавшим ее всю свою жизнь. Даже сирень зацвела летом второй раз и свои ароматом, врывавшимся в открытое окно, напоминало больному счастливые дни, когда он писал эти любимые цветы. Глядя на яркие гроздья, Левитан говорил близким:

— Я многое выстрадал, многое постиг и многому научился за время болезни.

Этот запах сирени и масляных красок постоянно присутствовал в мастерской, где умирал художник, всю свою жизнь передававший на полотне печаль русской природы, той природы, которая, казалось, как и человек, ждала иных радостных дней...

У омута. Художник И. Левитан.

Но для Левитана эти радостные дни так и не наступили.

Болезнь все-таки победила, и летом 1900 года художника не стало.

После его смерти Чехов говорил о нем: «Это такой огромный самобытный талант. Это что-то свежее и сильное, что должно было бы переворот сделать. Да, рано, рано умер Левитан!..»

Но сам Антон Павлович пережил друга всего на четыре года.

Он уже не выезжал из Ялты, и его совсем не радовала шумная, пестрая, веселая жизнь курортного городка. Болезнь все больше подтачивала силы. В 1903 году, будучи совсем тяжелобольным, Чехов писал: «Я начинаю уже стариться, скучаю здесь в Ялте и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я уже не вижу много такого, что должен бы видеть...»

В 1904 году замечательный человек и великий писатель скончался от чахотки.

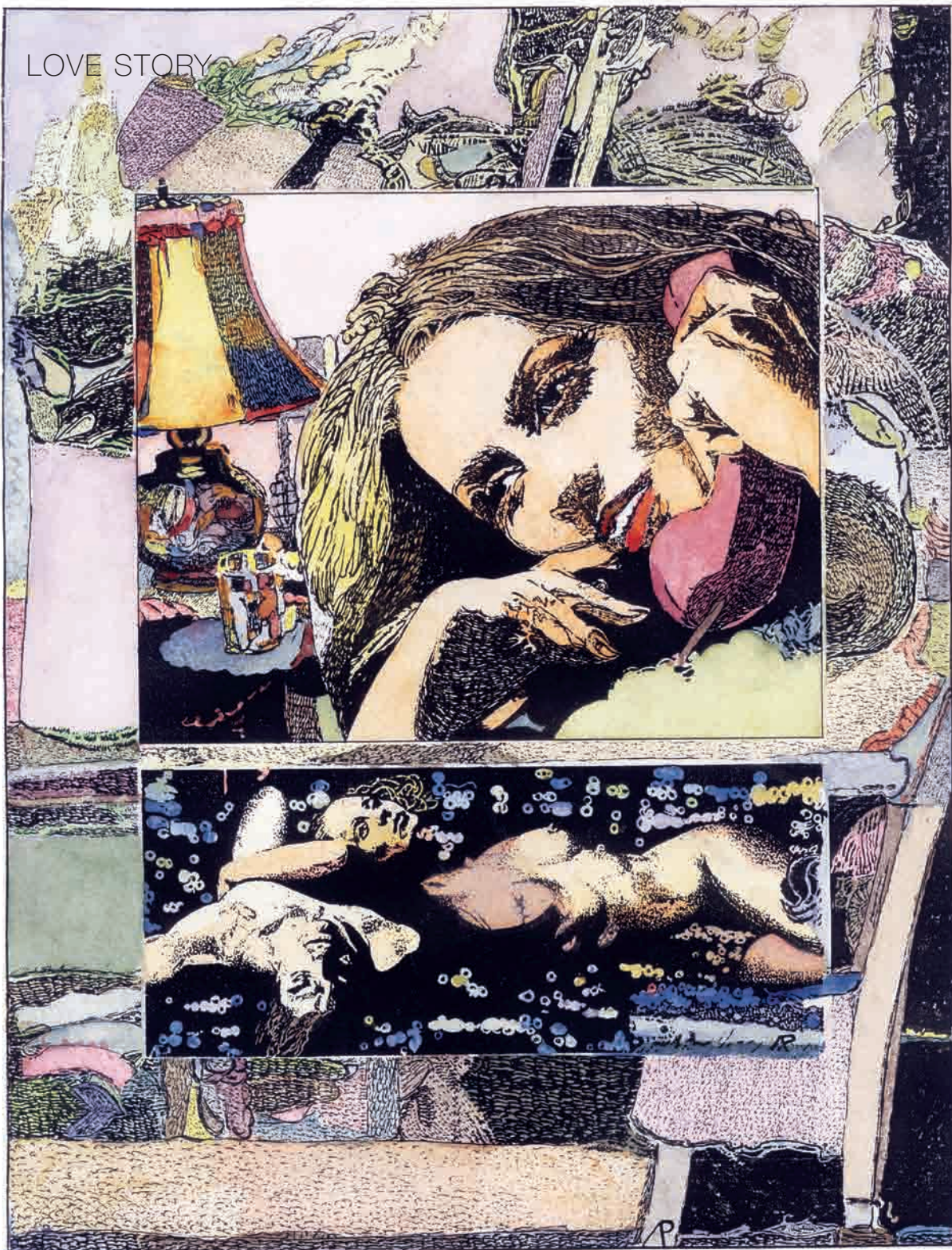
Левитан и Чехов. Каждый из них увековечил свое имя и внес свой огромный вклад в российскую культуру, один — в живописи, второй — в литературе.

Они были такие разные — мягкий, интеллигентный, незлопамятный Чехов, и страстный, экспрессивный, непримиримый Левитан.

В их дружбе было все: и понимание, и сострадание, и поддержка, и ссоры, заканчивавшиеся бурными примирениями, и своеобразная нежность.

И хотя то далекое время уже затянулось легкой дымкой забвения, сегодня все так же свежи и ярки воспоминания о тесной духовной связи двух творческих личностей, наделенных огромным талантом, умением тонко чувствовать, любить окружающий мир и обладать особым величием души...

LOVE STORY

Майя Орлова

СТЕРВА на договоре

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда я открыла глаза, то... ничего не увидела. Тупо болела голова, а тела я просто не чувствовала. Похоже, умерла, причем окончательно и бесповоротно. Оставалось надеяться, что угодила напрямик в рай, а окружавшее меня ослепительно-белое нечто — не приемная перед чистильщиком или чем-нибудь похуже.

Вспомнила! Накануне меня скрутило так, что ни охнуть, ни вздохнуть. Курт вызвал «Скорую», и меня быстренько доставили в клинику с диагнозом «острый аппендицит». Ну, вот, значит, аппендицит удалили, я очнулась после наркоза, нужно только позвать медсестру или сиделку. Где тут кнопка вызова?

Нет, я решительно не могла даже шевельнуть рукой. Скосила глаза и увидела, что слева поблескивает стеклом капельница, от которой ко мне тянется тоненькая трубочка. Неужели были осложнения после операции? Похоже на то. Что ж, значит, скоро кто-нибудь обязательно зайдет посмотреть, как я тут. Увидят, что пришла в себя, сообщат Курту...

Я, кажется, опять заснула, потому что, очнувшись, заметила, что свет вокруг меня стал менее ярким. Похоже на сумерки. На сей раз мне безумно хотелось пить, но, к счастью, голова болела меньше. Тишина вокруг по-прежнему была какой-то неестественной, даже в больницах такой не бывает.

Внезапно передо мной материализовалось лицо: женское, темноглазое, обрамленное белоснежной косынкой. Слава Богу, появилась! Я сделала над собой определенное усилие и прошептала по-немецки:

— Пить!

То есть хотела прошептать, губы шевелились, а звуков не было. Нравилась мне эта ситуация все меньше и меньше. Аппендицит, пусть даже и острый, — это сущие пустяки, в самых запущенных случаях пациент уже через три дня встает на ноги. А я себя чувствую так, как если бы мне пересадили почку. Хотя, в принципе, не знаю, как себя чувствуют люди после подобной операции, но предположить могу.

Лицо исчезло, а через какое-то время появилось другое, уже явно мужское, в усах, бородке и при очках. Врач, надо полагать. Я повторила попытку вступить в контакт, потерпела такое же фиаско и почувствовала невероятную усталость. Последним более или менее четким ощущением было прикосновение острого металла к сгибу локтя правой руки, и опять провалилась в темноту.

Когда открыла глаза, мне уже не показалось, что я нахожусь между небом и землей. Наоборот, я очень четко поняла, что лежу на довольно удобной, но явно не домашней постели, что от капельницы меня отключили, и что между операцией по удалению аппендикса и данным моментом прошло время, причем довольно значительное. И, главное, не было неестественной тишины: я слышала отдаленные голоса, какое-то позвякивание и даже различила шум проезжавшей машины.

Мне удалось повернуть голову, а потом поднести к ней руку, потому что возникло ощущение чего-то инородного. Так и есть, на голове была повязка. Что же произошло? Я не могла вспомнить практически ничего, сознание отказывалось выдавать четкие картинки и подсовывало какие-то фрагменты, точно крутился огромный, бессмысленный и не слишком яркий калейдоскоп. Возможно, я попала в аварию? Кажется, я куда-то ехала, причем на заднем сиденье в качестве пассажира... Куда?

— Очнулись? — неожиданно прозвучал рядом со мной приятный мужской голос.

По-видимому, это был врач. Довольно молодой, но уже представительный, смуглый, как говорится, «восточного типа». Он взял меня за запястье и начал считать пульс.

— Как вы себя чувствуете, уважаемая фрау?

— Пить очень хочется, — прошептала я.

Слава Богу, голос вернулся одновременно со слухом! Ладно, пусть не голос, а просто способность говорить, все равно хорошо. И руки-ноги, кажется, двигаются, значит, жизнь налаживается. Придет Курт и окончательно разъяснит ситуацию.

В поильнике было прохладное, чуть кислотоватое питье, показавшееся мне настоящей, живой водой. С каждым глотком я чувствовала себя все лучше, но это наслаждение слишком быстро закончилось.

— Хватит пока, — мягко, но решительно произнес врач. — Итак, как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — искренне отозвалась я. — Что со мной было?

— Не было, а есть. Скорее всего сотрясение мозга. Вы очень легко отделались, уважаемая фрау. Шофер затормозил весьма оперативно.

— В нас кто-то врезался?

Картинка моей поездки стала более четкой. Шофер, с которым я говорила по-немецки... Сумерки... Яркие огни ночного города...

— Вы ничего не помните?

— Почему же? — неуверенно проговорила я. — Мы ехали... Машина с кондиционером.

Врач покачал головой.

— Вы бежали, уважаемая фрау. И чуть было не попали под машину. Теперь вспоминаете?

Вот теперь я, похоже, окончательно запуталась.

— Но ведь я — в Мюнхене, правда? — Помимо моей воли, голос прозвучал жалобным писком.

— Вы — в Турции. В городе Кемер. И доставили вас в нашу больницу с улицы, без каких-либо документов. Теперь хотелось бы выяснить, кто вы.

Еще пару минут тому назад я была уверена в том, что я — Стелла Шмидт, супруга Курта Шмидта, человека в Мюнхене вполне уважаемого и известного. А теперь я уже не знала, что и думать. Судя по всему, из памяти выпал приличный кусок жизни, и как его туда вернуть, я понятия не имела. Про амнезию — полную или частичную — я, конечно, знала. Но одно дело — знать, и совсем другое — испытывать это на себе.

— Меня зовут Стелла Шмидт, — со вздохом сказала я. — И я совершенно не помню, как и почему оказалась в Турции. Если бы мы приехали сюда отдохнуть с мужем, он уже был бы в этой палате. Наверное, я приехала одна.

— И в каком отеле остановились, тоже не помните?

— Увы!

— Ну, это можно достаточно быстро проверить, — обнадежил меня врач. — Кемер — город маленький. Пошлем запрос вашему мужу. Адрес в Мюнхене помните?

Это я помнила, помнила даже номер нашего домашнего телефона. Оставалось надеяться, что ситуация — все-таки не безнадежная.

С этой надеждой я заснула и проспала, судя по всему, достаточно долго. Во всяком случае, когда открыла глаза, то почувствовала себя практически здоровым человеком, который, к тому же, отчаянно хочет есть. Другими словами, я была относительно бодрой, безусловно, голодной и... по-прежнему ничего не могла вспомнить о своем недавнем прошлом.

Визит врача после того, как меня накормили, напоили и помогли совершить необходимый туалет, поверг меня в полное смятение. Они, оказывается, связались с Куртом, который мою личность подтвердил, но не более того. Он заявил, что давно со мной развелся, после чего я уехала в Россию, и больше он ничего обо мне не знает. Вот это была новость так новость!

Собственно, о том, что я русская, я помнила. Но вряд ли это могло как-то облегчить мое нынешнее положение. А уж появление в палате полицейского и вовсе повергло меня в смятение: неужели я сотворила нечто такое, что связано с нарушением закона?

К счастью, мои подозрения не подтвердились. Зато выяснилось, что два дня назад я прошла через таможенно аэропорта в Анталии, причем прилетела туда из России. А потом исчезла, чтобы вновь возникнуть на больничной койке с начисто отшибленной памятью. Милое дело!

Полицейский говорил со мной через переводчика. Русский я не забыла, но вот свои координаты в России назвала с некоторой заминкой. То есть адрес и телефон я, конечно, помнила, но четко знала и то, что квартиру снимают не слишком близкие мне люди, которые вряд ли чем-нибудь смогут помочь: связь между нами поддерживалась чисто формально.

— Мы связались с российским консульством в Анталии, — вздохнул обескураженный полицейский. — Если в ближайшие сутки ничего не прояснится...

— То что будет? — с любопытством спросила я.

— Передадим вас консульству. Кто-то ведь должен оплатить ваше пребывание в больнице. А у полиции к вам претензий нет.

И на том, как говорится, спасибо. Тут уже мне в голову пришла первая за довольно длительный период здравая мысль, и я спросила, какое сегодня число.

Полицейский мое любопытство удовлетворил. Но названная им дата, особенно год, повергла меня в состояние паники. Мои воспоминания заканчивались событиями одиннадцатилетней давности! А что произошло за эти одиннадцать лет, каким образом я снова оказалась в России, из которой, благополучно выйдя замуж, уехала в Германию, как, наконец, попала в Турцию — все это оставалось за непроницаемой стеной амнезии. Весело, что и говорить!

Некоторое успокоение принес звонок Курта. Собственно, я не сомневалась в том, что это произойдет, то есть не сомневалась до тех пор, пока не выяснила, что он давно уже мне не муж, а я вообще неизвестно кто. Но, похоже, Курт мало изменился: он всегда был высокопорядочным, хотя и скучноватым. Интересно, из-за чего наш брак накрылся? Скорее всего, я что-то такое сотворила по своей природной стержовности и в силу непредсказуемости славянской души.

— Что с тобой случилось? — спросил Курт.

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Совершенно не помню последние одиннадцать лет жизни, можешь себе представить?

— Вполне, — невозмутимо отозвался Курт.

Будучи высококлассным нейрохирургом, он и не такое мог себе представить. Собственно, и представлять было нечего: в своей практике он сталкивался и с более замысловатыми случаями.

Довольно быстро он рассказал, что произошло со мной за отчетный, так сказать, период. Мы развелись, я вернулась на Родину и устроилась работать в какое-то туристическое агентство. Замуж больше пока не выходила, детьми не обзавелась, а насчет личной жизни ему, Курту, ничего не известно. Наверное, кто-то был. Молодая, красивая женщина...

— Спасибо на добром слове, — пробормотала я. — А почему мы с тобой развелись? Я что-нибудь... ну, ты понимаешь...

— Просто не сошлись характерами, — крайне миролюбиво объяснил Курт. — Расстались очень мирно и цивилизованно, я лично не в претензии, бывает. Кстати, я женат, старшему сыну — шесть, дочери — два года.

— Поздравляю! — машинально отреагировала я.

— Ты меня поздравляла и со свадьбой, и с рождением детей, — уведомил Курт. — Я же говорю, мы расстались тихо и интеллигентно. На свою жизнь ты не жаловалась.

— Что мне теперь делать? — без особой надежды спросила я.

— Ждать. Состояние амнезии, особенно такой долгосрочной, обязательно пройдет. Постарайся взять себя в руки, не обращай внимания на то, что многое для тебя станет открытием, и когда-нибудь стена рухнет...

- И погребет меня под своими обломками.
- Не утрируй, Стелла. Лучше всего тебе вернуться в Москву. Дома и стены помогают.
- Я даже не знаю, где мой паспорт.
- Ну, это — проблемы консульства. Ты же не преступница, а потерпевшая. Кстати, нашли шофера той машины, которая тебя чуть не сбила?
- Понятия не имею!
- Ты всегда была непрактичной! — мягко пожурил меня Курт. — Наведи справки в полиции. Возможно, водитель сможет что-то прояснить. С тем же паспортом, кстати. Разве при тебе не было сумочки?
- Даже если и была, то паспорта обычно оставляют в отеле на регистрации. А ни в одном отеле Кемера меня не регистрировали, полиция проверяла.
- Хорошо, только не нервничай. И не волнуйся из-за оплаты больницы, я это уже урегулировал. А завтра тебя посмотрит врач, который проходил у меня стажировку. Вот увидишь, все наладится.
- Спасибо! Ты всегда был отличным мужиком. И почему я от тебя отказалась?
- Когда-нибудь вспомнишь, — утешил меня Курт. — Ну, пока. Я тебе еще позвоню.
- «Когда-нибудь стена рухнет...» Хочется верить, что не придется ждать слишком долго, пока это знаменательное событие произойдет. Работаю я в «каком-то» туристическом агентстве — волшебю! С каких пор я начала разбираться в этом бизнесе, если по образованию — обыкновенный филолог?
- Уже начало смеркаться, когда в палату заглянула медсестра.
- К вам пришли, — объявила она, тщательно подбирая немецкие слова.
- Опять полиция? — обреченно вздохнула я.
- О, нет! Один господин...
- И в палату действительно вошел господин, абсолютно мне не знакомый, но с такой радостной улыбкой на лице, будто искал меня всю жизнь и вот, наконец-то, нашел. Высокого роста, волосы пышные, темные, с легкой проседью, правильные черты лица... Поваяло ароматом хорошего лосьона, и я тут же застеснялась своей неприбранности.
- Эллочка! Слава Богу, ты в порядке! — Посетитель говорил на чистом русском языке. Но — Эллочка... Никто меня так сроду не называл. — Ты мне не рада? Как ты себя чувствуешь?
- Сносно, — ответила я. — Жить буду.
- Медсестра внесла красивый букет, уже поставленный в вазу, и блюдо с фруктами. Ничего себе! Кем мне приходится этот незнакомец, хотела бы я знать?
- Мужчина наклонился ко мне и нежно поцеловал. Слишком нежно, с моей точки зрения.
- Главное, что ты жива, и никаких серьезных повреждений организм не получил. Эту ночь еще проведешь здесь, а завтра с утра я забираю тебя домой...
- В Москву? — уточнила я.
- Нет, родная, в Москву пока рано. Значит, ты вспомнила, где находишься?
- Мне сказали. Вы...
- Действительно, все забыла, — прошептал мужчина. — Меня на «вы» называет... Эллочка, вспомни, я же — Саша! Саша!
- Сказать мне было нечего. Никакого Саша я точно не помнила, хотя, если честно, ничего против такого знакомства не имела. Если судить по цветам, фруктам, поцелую и слову «домой», у нас — весьма близкие отношения. И что мне теперь со всем этим делать?
- А мой паспорт... он дома? — на всякий случай спросила я.
- С твоим паспортом вышла целая история, — оживившись, начал Саша.
- Он присел на край кровати, я невольно попыталась отодвинуться... В общем, вышла очередная неловкость. Будь она проклята, эта амнезия!
- Какая история?

~ love story

— Когда мы регистрировались в отеле, портье случайно смахнул твой паспорт в ящик. И ничего не записал в книгу, представляешь себе?

— В каком отеле?

— В том, куда ты приехала заключать договор. О сотрудничестве.

— Саша, — с некоторым трудом произнесла я новое для меня имя. — Прости, пожалуйста, но я действительно...

— Ничего не помнишь! — со вздохом закончил Саша. — Значит, будем вспоминать вместе. Завтра все равно воскресенье, и никаких дел.

— Как я буду заниматься делами, о которых не имею представления? — поинтересовалась я. — Туристический бизнес! Переговоры! Почему бы мне не заняться расщеплением атомного ядра?

— Хорошая мысль, — примирительно улыбнулся Саша. — Не нужно раздражаться. К счастью, я знаком не только с твоим бизнесом, но и с твоим непосредственным начальником. Он — вполне адекватный человек, мы все урегулируем.

— Начальник-то адекватный, а я...

— Утро вечера мудренее, — подвел итог беседы Саша. — Отдыхай, Эллочка. Завтра с утра я тебя заберу.

Кое в чем Саша действительно оказался прав: я проспала ночь достаточно спокойно и утром действительность уже не представлялась мне такой пугающей, как накануне. Если мой начальник — адекватный человек, то наверняка поймет, что травмированная сотрудница не сможет провести переговоры на должном уровне. Форс-мажорные обстоятельства, ничего не попишешь. А туристический бизнес — это все-таки не ядерная энергетика и не высшая математика: научусь всему заново. Голову мне не оторвало — это главное, а ее содержание, в принципе, неплохо и обновить. Так сказать, кардинально.

Ноги меня слушались — это было приятно. Конечно, на пешие прогулки я пока еще не была способна, но спуститься вниз, к машине — вполне. На улице меня чуть не ослепило солнце, и основательно закружилась голова, настолько густо был настоян воздух на запахах хвои, моря и каких-то цветов. Контраст с больничной палатой был разительным, хотя провела я там, как выяснилось, сутки с небольшим.

— Я хочу к морю, — сказала я Саше, который уверенно вел машину по узеньким, чистым улочкам. — Мне кажется, если окупнусь...

— Обязательно, Эллочка. Но сначала поедем в отель. Примешь душ, переоденешься, позавтракаем в номере. Нельзя с больничной койки — да в синее море.

— Почему? — довольно глупо спросила я.

— А вдруг еще что-нибудь забудешь от слишком резкой смены ощущений? Шутка. Ну, ты же большая девочка, сама все понимаешь.

Конечно, большая — тридцать пять недавно стукнуло. А я помню, как отмечали мои двадцать четыре, дальше, как говорится, тишина. Но отметили хорошо, в маленьком ресторанчике недалеко от нашего с Куртом дома в Мюнхене, были мои родители и несколько близких друзей... Родители! Они переехали в Германию следом за мной, неплохо там устроились. Неужели после моего развода тоже вернулись в Москву? Вот это уже было бы неправильно...

— Саша, а в Москве я с кем живу? — поинтересовалась я.

— Со мной, — усмехнулся он.

— То есть как? В одной квартире?! А мои родители?

— Твои родители, насколько мне известно, в Германии. Я живу в собственной квартире, не волнуйся. И ты — в собственной. Адрес запомнить?

— Сделай одолжение.

Мне немного полегчало. Значит, родителям я жизнь не испортила, с Сашей у нас — нормальные современные отношения, встречаемся по мере желания и возможности. Это, по крайней мере, в моем стиле и характере.

— А где мы познакомились?

— На переговорах. Эллочка, родная, не спеши так. Сейчас ты — в Турции, сегодня, между прочим, воскресенье. Будет не так жарко — пойдем к морю. Договорились?

Можно подумать, у меня был выбор!

Отель, к которому мы подъехали, вверг меня в состояние оцепенения. Такой роскоши я в жизни не видела. Или я очень неплохо зарабатываю в своей, увы, не известной мне жизни, или работаю в очень крупной компании, которая может позволить себе оплатить такой отель. Пять звезд, ни больше, ни меньше. И все соответствующие прибабасы: два швейцара в ливреях, фонтан в необъятном холле, тихая фортепьянная музыка откуда-то из-за колонн.

Портье кинулся к нам, будто встречал особ королевской крови. К моему изумлению, Саша заговорил с ним на не известном мне языке, надо думать, по-турецки, после чего мне вручили ключ и... дорогую, но слегка потрепанную сумочку, на которую я уставилась в совершенном недоумении.

— Это — твоя, — объяснил мне Саша. — Кто-то нашел, а в ней — записная книжка и фирменная упаковка салфеток из этого отеля. Принесли сюда, а я узнал, все-таки вместе покупали.

Записную книжку я только открыла — и тут же захлопнула. Первые три фамилии на самой первой странице мне ровным счетом ни о чем не сказали, и я просто испугалась, что вообще не найду там ничего знакомого. Успею еще попереживать по этому поводу.

Двухкомнатный «люкс» окончательно потряс мою и без того расшатанную нервную систему. Там было все, что только можно себе вообразить, и немного больше. Круглая кровать в спальне, ковер сантиметров в пять толщиной в гостиной, огромная терраса, выходящая на море...

— Прими душ, Эллочка, или ванну, — ласково проговорил Саша, обняв меня за плечи, — а я пока закажу завтрак. Хорошо? Твой халатик там висит...

«Там» — было помещением, размером, наверное, с самолетный ангар, в середине которого красовалась обалденная мраморная ванна изумрудно-зеленого цвета с бронзовыми кранами и какими-то хитрыми ручками. Возможно, впрочем, краны и ручки были золотыми, меня это ни капельки бы не удивило. Такую ванну я видела в Мюнхене на выставке новомодных сантехнических устройств.

Когда я вышла, наконец, к терпеливо ожидавшему меня Саше, жизнь приобрела несколько более отчетливые очертания. Радовало еще и то, что с годами вкус у меня не только не испортился, но, кажется, даже улучшился, поскольку бойфренд мне очень нравился и был много лучше всех тех мужчин, которых я имела честь знать до сих пор. Впрочем, возможно, среди прочно забытых персонажей были и не хуже, но тут уж оставалось только вздохнуть.

— Ну, наконец-то, все неприятности позади! — с неподдельным облегчением провозгласил Саша, когда я вышла на балкон к красиво накрытому для завтрака столу. — Можно расслабиться и постараться получить удовольствие. Тебе кофе с молоком?

— Пожалуйста, — машинально кивнула я.

Аппетит у меня с утра всегда неважный. Но тут все выглядело так заманчиво: и румяные булочки, и сыр, и джем.

— Послушай, что тут произошло, — услышала я голос Саши. — Я ведь тебя не сразу нашел, знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что эти мудрецы из отеля даже не потрудились сообразить, что ты приехала вместо Ксении, и зарегистрировали не тебя, а ее.

— Какой Ксении?

— Ах, да! Твоей коллеги, точнее, подчиненной. Она отказалась лететь в Турцию.

— А я согласилась?

— Как видишь, согласилась. Мы же ничего особенного не планировали на эти выходные. Ты улетела в пятницу, а я — сюрпризом — следом за тобой.

— Сюрприз, полагаю, удался, — хмыкнула я.

~ love story

— На двести процентов. Приезжаю в этот отель, тебя тут как бы и не было. В номере якобы Ксении никого нет. Ну, вечером я особо не волновался, а к ночи задумался. Не твой стиль.

— Что именно?

— Гулять по ночам одной в восточных городах. В западных, впрочем, тоже. Во всяком случае, я такого за тобой не замечал.

— А мы что... всегда вместе путешествуем? — опасливо осведомилась я.

Саша весело расхохотался:

— Элка, ты — прелесть! Нет, конечно. Но ты же не станешь, имея любимого мужчину, шастать по ночам в поисках приключений?

— Не стану.

Любимый, значит, мужчина. Надо полагать, объяснение у нас давно состоялось, если позволяет себе такие высказывания. Ладно, могло быть много хуже...

— И что было, когда я как бы и под утро не объявилась? — сменила я тему.

— Пошел в полицию, что же еще.

— И?..

— И днем мы тебя нашли в больнице. Ну, мои связи, конечно, помогли. Я же — по медицинскому страхованию... Ох, Элка, я никак не приноруюсь, что ты... ну, не помнишь меня, что ли... Мы и по бизнесу связаны. Косвенно, конечно.

Я вдруг захотела курить. Просто нестерпимо. В больнице меня как-то не тянуло к сигаретам, да мне бы там и не дали, наверное. Похоже, курить я за отчетный период не бросила. Значит, в дорожной сумке должен быть блок сигарет, до последней пачки я никогда не довожу, всегда есть запас.

— Саша, а где мои вещи?

— Переодеться хочешь?

— Нет. Курить. Если мир не перевернулся, в сумке должны быть сигареты.

— Ты их все-таки взяла?

— Что значит «все-таки»?

— Ты собиралась в этой поездке бросить.

Я? Бросить?? Курить??? Да скорее волк в лесу сдохнет. Кажется, мой условно любимый мужчина решил использовать ситуацию в каких-то своих интересах. И это мне не понравилось.

Сигареты, конечно же, были в боковом кармане дорожной сумки. Целый блок, как я и предполагала. За десять лет я в этом плане мало изменилась.

— Элочка, я безумно соскучился, — услышала я негромкий голос Саши.

Почему-то у меня не возникло желания ему отказать. Возможно, теперь я — совсем другая: голова — это одно, а тело...

У тела, скорее всего, своя память.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я стояла над пропастью головокружительной высоты и отчетливо понимала, что сейчас мне нужно прыгать в эту бездну. И я прыгнула — в пустоту. Прыгнула... и проснулась.

Незнакомая кровать, незнакомая комната. Это, кажется, становится привычкой: просыпаться непонятно где. Но несколько секунд спустя я все вспомнила. Я — в отеле. С любовником. И, положив руку на сердце, должна признать: с великолепным любовником. Не удивительно, что даже в командировку я поехала с ним, точнее, не возражала, чтобы он поехал со мной. Впрочем, черт его знает, как там было на самом деле, главное — мы вместе, и это — здорово.

Я выбралась из кровати и отправилась на балкон. Кажется, мы допили не весь кофе, там был полный кофейник, и мне очень хотелось выпить чашечку пусть и остывшего, но восхитительно крепкого и вкусного любимого напитка. Если что-то и портило настроение, то подсудно вертевшаяся мысль о том, что завтра нужно будет проводить какие-то переговоры по делам, в которых я — надеюсь, временно! — ничего не смыслю.

- О чем так глубоко задумалась? — услышала я Сашин голос.
- О жизни.
- Как всегда, емко, — усмехнулся он, усаживаясь напротив меня. — Закажем свежий кофе?
- Меня и этот вполне устраивает. Утреннее купание мы, кажется, пропустили.
- Похоже на то. Огорчена?
- Ни в коем случае! Мне давно не было так хорошо.
- Правда? — спросил Саша с какой-то странной интонацией.
- Конечно, правда. Сколько мы с тобой вместе?
- Иногда мне кажется, всю жизнь. Может, подождем, пока ты сама все вспомнишь?
- А если ждать придется очень долго?
- Я не тороплюсь.
- Зато тороплюсь я. Завтра — переговоры...
- Ах, ты об этом! — В голосе Саши послышалось явное облегчение. — Не бери в голову... То есть, я хотел сказать... В общем, пока ты была в больнице, я кое-что успел сделать.
- Каким образом?
- Ну, посмотрел отель, выяснил, что и как. Документы они все подготовили. Проект, конечно, заманчивый, но цены... В общем, нужно торговаться. Иначе твоя фирма много на этом процессе не заработает.
- Я не умею торговаться, — буркнула я. — Или уже научилась? Тебе в данном случае лучше знать.
- Не злись, пожалуйста.
- Кто злится? Впрочем, у меня давно репутация стервы и злючки.
- А мне всегда нравились женщины со стервозинкой.

Я посмотрела на него с неподдельным интересом. Такой текст из уст мужчины мне довелось слышать впервые. Теперь становилось понятным, почему этот человек оказался, так сказать, по жизни рядом со мной. С подавляющим большинством представителей его пола мне было просто не о чем говорить, поскольку слово «стервозность» в их устах комплиментом отнюдь не звучало.

- Что-нибудь не так? — усмехнулся Саша.

Я только улыбнулась в ответ.

- Погулять по городу не хочешь?

– Очень хочу. Сейчас быстренько переоденусь и пойдем знакомиться с местными достопримечательностями.

План удалось выполнить с некоторыми изменениями. Едва я успела привести себя в более чем приличное состояние, как зазвонил телефон. Представитель дирекции отеля спрашивал, желаю ли я провести ознакомительную экскурсию.

- Можно мне пойти с тобой? — спросил Саша.

– Давай. Глядишь, твой турецкий и пригодится. Это ведь не официальные переговоры, а что-то вроде разведки.

Нет, это была не разведка. Это было путешествие по внезапно ожившим страницам сказок «Тысяча и одной ночи». Номера в восточном стиле. Номера в классическом европейском стиле. Суперсовременные номера, все — в хrome и стекле. Музыкальный салон и караоке-бар. Три ресторана с разными кухнями. Пять бассейнов. Саша сохранял олимпийское спокойствие, а я с трудом сдерживала восторг.

– Советую эксклюзивный контракт, — улучив минуту, прошептал мне Саша. — Пятьсот евро за сутки, и это — не самый дорогой номер. Где вы наберете столько миллионеров, желающих отдыхать в Турции? В Эмиратах — дешевле, а шика — не меньше. Сама должна знать...

Наверное, Саша прав: какой дурак будет выкладывать бешеные деньги за отдых в Анталии, хоть бы и в пятизвездочном отеле? Впрочем, начальство зачем-то ведь меня сюда послало...

И вот тут мне стало почти физически дурно. Начальство! Я не помню, кто у меня начальник, может быть, это вообще начальница. Я не помню никого из своих коллег, понятия не имею, где

находится «моя» туристическая фирма, как выглядит мое рабочее место. И что же мне теперь делать? Точнее, не теперь, а послезавтра, когда нужно будет возвращаться в Москву?

— Устала? — заботливо спросил меня Саша. — Ты что-то побледнела.

Я только кивнула.

— Все, сворачиваем экскурсию. Ты еще слабенькая, нужно беречь силы. Пойдем обедать в ресторан или закажем в номер?

— Решай сам, — пробормотала я. — Мне все равно.

— Тогда пойдем в ресторан. Ты же любишь итальянскую кухню, тут и такой есть. Ничего, ничего, все обойдется.

Отлично. Значит, я люблю итальянскую кухню. Вроде бы раньше не любила, а сейчас люблю.

— Переживаешь? — со всегдашней проницательностью осведомился Александр, видя, как я без энтузиазма выгуживаю оливки из какого-то замысловатого салата. — Из-за возвращения в Москву? Не стоит. На пару недель можно взять больничный, твое здешнее состояние официально зафиксировано. Проконсультироваться со специалистами. Если память не вернется, сменишь работу, всего и проблем-то!

— И на какую же работу я ее поменяю? После института я год работала гидом, а потом вышла замуж. Опять туристов по России катать?

— Не обязательно. После больничного можно взять отпуск и поучиться. Тому же туристическому бизнесу, книги я тебе достану, да у тебя и самой они должны быть. Так что, успокойся и на время выкинь все это из головы. Отдыхай, наслаждайся теплом, морем, вкусными вещами. Пить будем «Чинзано»? Благо ты не за рулем.

— Но я не умею водить машину, — опешила я.

— Я пошутил, — быстро отозвался Александр. — Да и не стоит почти сразу после травмы-то. Смотри, нам несут горячее.

Нет, я не полюбила итальянскую кухню, или вкусовые пристрастия испарились вместе с памятью. И «Чинзано» никогда не был моим любимым напитком. Если же таковым и стал, то все равно сейчас мне вообще не хочется пить ничего, крепче сока. Честно говоря, хочется проснуться и обнаружить, что вся эта Турция с ее красотами и тайнами мне просто приснилась. Но в глубине души я понимала, что рассчитывать на такой поворот событий не стоит.

— Кстати, не забудь завтра во время переговоров упомянуть о взрыве, — уже к самому концу обеда сказал Саша. — С этим тоже можно красиво поиграть, чтобы сбить цену.

— О каком взрыве? — вытаращила я глаза.

— Ах, да! Слушай, в тот вечер, когда ты столкнулась с машиной...

— Я столкнулась?

— Хорошо, машина столкнулась с тобой. Между прочим, неизвестно, какие повреждения получило транспортное средство...

— Не отвлекайся, — попросила я, невольно фыркнув от смеха. — Ты начал про взрыв.

— На набережной грохнуло в каком-то кафе. Грохнуло, между прочим, не слабо, хотя, слава Богу, никто не погиб. Но двадцать человек были ранены. Туристы из Германии, Австрии, Украины.

— Местная полиция заявила, что взорвался кислород в системе кондиционирования. Хозяева кафе утверждают, что это был баллон с газом возле бара. А очевидцы, все как один, твердят про бомбу. Впрочем, у страха глаза велики.

— Я думаю! Я бы вообще на месте умерла.

— К счастью, тебя там не было. Но про это обязательно вспомни завтра, пусть лишний раз почесутся и насчет системы кондиционеров, и насчет газовых баллонов. На моей памяти у них пятый случай с газовым баллоном, так что, пусть принимают меры.

— А если это все-таки была бомба?

— Тогда пусть включают пункт обязательной компенсации в случае террористических эксцессов.

— А если они откажутся?

— Ты действительно прилично подзабыла предмет, — вздохнул Саша. — Ладно, я буду рядом, в случае чего — поддержу. Что будем делать сейчас: отдыхать или купаться?

— Конечно, купаться! Я хочу к морю. Знаешь, как я об этом всегда мечтаю?

— Догадываюсь. Водичка, между прочим, пока прохладная.

— Ничего. Походить босиком по краешку — уже счастье.

— Мало же тебе нужно для счастья, — усмехнулся Саша. — Обычно женщине для счастья, заметь, неполного, нужно много больше. И чем больше они получают, тем менее счастливыми себя чувствуют. Ты, по-видимому, редкое исключение.

— Мерси за комплимент! — отозвалась я. — А вот мама, помню, говорила, что мужчина ценит женщину за те средства, которые на нее потратил. В смысле, жалко терять вложенные инвестиции.

— Серьезная у тебя мама. Наверное, была недовольна тем, что ты от такого замечательного мужа ушла.

— Наверное... Нужно позвонить и спросить.

А что, неплохая мысль. Позвонить маме, рассказать, что со мной произошло, попросить пролить свет на некоторые ключевые моменты. Не думаю, что она в курсе абсолютно всех событий, но магистральную-то часть обязательно знает. Вернусь в Москву — обязательно позвоню, при Саше как-то неудобно обсуждать свою прошлую личную жизнь.

На пляже было не слишком многолюдно. И мы оставались там до тех пор, пока не стало прохладно. Желания искупаться у меня так и не возникло, зато теплом я насладилась в полной мере. О завтрашнем дне старалась не думать: во-первых, утро вечера мудренее, а во-вторых, никаких особо выдающихся мыслей мне все равно не могло прийти в голову. Единственной здоровой идеей было посетить парикмахерскую, чтобы не возиться со своей шевелюрой с утра пораньше, да еще на глазах у Саши.

— Возьми деньги, — сказал мне Саша, протягивая мне несколько местных купюр.

— У меня есть.

— Уверена?

— Ну, не поехала же я в командировку с пустыми карманами! Нужно посмотреть в сумке.

— Ты же поехала со мной.

Проще было взять деньги, чем заводить дискуссию о моих принципах. К тому же я не помнила, ни сколько денег на самом деле взяла с собой, ни куда их спрятала, ни в какой они у меня валюте. В любом случае, когда разберусь, верну Саше — и дело с концом.

Время в парикмахерской отеля я провела не без приятности: прическу мне сделали удачную, заодно и руки привели в порядок.

Когда я вернулась в номер, уже почти стемнело. Саши не было, куда он мог подеваться, я понятия не имела, поэтому решила заняться, наконец, разборкой дорожной сумки. Почему я это не сделала сразу по приезде? Не похоже на меня: оставить вещи не распакованными и куда-то уйти. Что такое необыкновенно важное могло заставить меня так поступить? Увы, я не помнила.

Содержимое сумки меня приятно порадовало: вещи были не столько дорогие, сколько элегантные, в моей любимой зелено-бежевой гамме. Деньги — и довольно крупная сумма — оказались именно там, куда я их обычно и прячу: в упаковке с новыми колготами. Я разложила и развесила вещи по местам, спустилась вниз, чтобы поменять часть денег у портье, потом вернулась в номер, достала из холодильника бутылочку минеральной воды и уселась на балконе с сигаретой. На какое-то время внутренняя гармония была достигнута.

Вдруг я услышала, как открылась дверь в номер. Саша! Единственный на данный момент человек, который хоть как-то меня поддерживает, хотя странностей хватает и в этом случае. Все равно, хорошо, что он у меня есть, иначе вообще неизвестно, как бы эта история разворачивалась.

— Ты где, Эллочка? — раздался веселый голос.

— Я-то здесь, — отозвалась я, выходя навстречу, — а вот ты куда пропал?

— Прости, срочно выдернули по делам. Все этот взрыв на набережной, будь он неладен! Обнаружился австриец, застрахованный в нашей компании, пришлось всех ставить на уши и обеспечивать ему транспорт с сиделкой до дома.

— А если бы тебя здесь не было?

— Пришлось бы кому-то срочно лететь сюда из Москвы. Вряд ли такую проблему мы реши-ли бы по телефону, да еще в выходные дни. Так что, все к лучшему. А это — тебе. Ты такая кра-сивая! Даже прикоснуться страшно. — Саша протянул мне нарядный пакетик.

— Что это?

— Открой и увидишь.

Я открыла. В пакетике был прелестный серебряный кулон с причудливой арабской вязью.

— Наденешь? — с улыбкой спросил Саша.

Я подошла к нему и нежно поцеловала в щеку. Потом надела украшение и, естественно, мет-нулась к зеркалу. Кулон действительно был то что надо: изящный, не слишком броский, в меру экзотичный.

— Спасибо, милый. В честь чего подарок?

— В каком смысле?

— У нас годовщина встречи? Или какая-то памятная дата?

Саша посмотрел на меня с плохо скрытым удивлением.

— А разве для подарка нужен повод?

Я почувствовала неловкость. С другой стороны, мне никто никогда не дарил подарков просто так.

— Я хотела вернуть тебе деньги... За парикмахерскую. Я поменяла...

И снова это странное выражение его лица: то ли удивление, то ли опасение чего-то.

— Элочка, я понимаю, ты еще не совсем здорова. Но не перегибай палку, пожалуйста.

— В каком смысле?

— В том, что забудь об этих деньгах. Проехали.

Я предпочла промолчать, хотя несколько вопросов у меня на языке вертелось.

— Ну, что, заказываем ужин? — уже другим, спокойным и веселым, голосом спросил Са-ша. — Не передумала? Или с такой прической лучше в ресторан?

— Здесь поедим, — беспечно махнула я рукой. — Прической блесну завтра на переговорах. Больше мне блистать все равно нечем. Заказываем. Только без роскоши, я еще обед не забыла...

Мы заканчивали действительно очень легкий ужин, когда небо перед нами вдруг расцвети-лось яркими красками. Над морем взметнулись десятки, сотни звездочек и комет, которые рас-сыпались каскадами и... И тут раздался оглушительный грохот. Все вокруг на несколько секунд потеряло четкие очертания, мне показалось, что я теряю сознание, и я вцепилась в руку Саши. Фейерверка я уже не видела, слышала только непрекращающийся грохот и понимала одну со-вершенно невероятную вещь.

Я все вспомнила!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Ах, мой милый Августин...»

Это ожил мой мобильник с утра пораньше. И почему я его не отключила накануне?

— Слушаю тебя внимательно, — произнесла я, даже не пытаясь изобразить голосом ликование.

— Проснулась? — поинтересовался Сергей, мой, как сейчас модно говорить, бойфренд.

— Вроде того. Более или менее.

— Ты что такая колючая? Не выспалась, что ли?

— В какой-то степени.

— Ладно, придешь с работы, сообщи. Я тебе позвоню.

Сообщу, конечно, куда же я денусь... Маленький, но устоявшийся ритуал наших отношений: я приползаю с работы, отправляю сообщение на мобильный, после чего мой ненаглядный зво-

нит... когда ему это удобно. Иногда сразу, иногда — спустя часа три. Господи, как я от этого устала! Мы вместе — года полтора, а у меня такое впечатление, что скоро будем праздновать золотую свадьбу. Оно мне надо?

Было бы надо, праздновала бы сейчас очередную годовщину своей первой и пока единственной свадьбы. С Куртом. Воображаю: чинный вечер в ресторане, трое «близких друзей» со своими фрау и киндерами, свиные ножки с капустой и непременно пиво... Со времени своего не долгого заграничного замужества терпеть не могу пиво. Но в Мюнхене — это святое. И раз уж вышла за немца, то должна была разделять все его привычки. Беда в том, что с юности не терплю слово «должна», вот и Курта с его гипертрофированным чувством долга не вытерпела.

Хотя все мои друзья и знакомые в Москве явно сочли меня помешанной, когда я сбежала из сытой и благополучной Германии в вечно непредсказуемую Россию. От прекрасного, как говорят, «перспективного» мужа, подающего огромные надежды нейрохирурга, без пяти минут совладельца частной клиники, единственного сына очень обеспеченных родителей. Вот такая Золушка наоборот получилась.

Но лично я ни минуты об этом не жалела. Детей у меня в замужестве не появилось, хотя какое-то время очень хотелось родить ребеночка, общего языка с супругом не нашлось, хотя по-немецки я вполне прилично говорила еще с института. Мне было смертельно скучно: утром, днем, вечером и ночью, тем паче, что Курт и слышать не хотел о том, чтобы я кем-то работала. Жена должна — опять должна! — вести дом и заботиться о муже. Мне это занятие надоело ровно через месяц после свадьбы.

А вот в Москве скучать было элементарно некогда. Родители мои перебрались в Германию следом за мной, хотя квартиру по каким-то соображениям сохранили. Жильцы, арендовавшие ее, были вполне приличными людьми и не только содержали в полном порядке, но еще и исправно перечисляли деньги на соответствующий счет в банке. Так что, вернувшись в родные пенаты, я оказалась обладательницей неплохой квартиры и какой-то суммы денег — для начала. По сравнению с другими, вынужденными начинать чуть ли не с нуля, просто отлично.

Тогда, десять лет тому назад, мне было двадцать пять. Работу я нашла сразу: менеджером в большом туристическом агентстве. Теперь я — старший менеджер, помимо квартиры у меня есть машина, гараж в двух шагах от дома, более чем приличный заработок и... скверный характер, основной чертой которого, по отзывам знакомых и друзей обоего пола, является стержность. Хотя, если честно, я так до конца и не поняла, что это за штука такая.

Не соглашаюсь на интимные отношения со второй встречи — стерва. Не могу проникнуться страданиями подруг, которые терпят «этих козлов», своих законных супругов, кто «ради детей», кто вообще непонятно почему, — опять стерва. Не желаю признавать, что все бабы — дуры... ну, понятно, кто. А почему?

Вот и Сержик мой драгоценный нет-нет, да попеняет мне на стержность. В основном, потому, что никак не соглашаюсь признать его образ жизни единственно правильным, цепляюсь за свободу и независимость. Естественно, цепляюсь: если соглашусь ими пожертвовать, то трехлетняя супружеская скука в Германии покажется идиллией. Потому как живет мой бой-френд...

Мальчонке — за сорок, жена от него лет десять тому назад сбежала к небедному бизнесмену в Америку и двух дочек с собой прихватила. Теперь общаются по электронной почте. Как попал по распределению еще при советской власти в какой-то НИИ, так двадцать лет там и сидит, абсолютно всем доволен, работа «от и до», платят соответственно. Зато невероятное количество друзей, приятелей и просто знакомых, с которыми он общается каждый божий вечер, поскольку один не может быть больше получаса. Пару раз я составила ему компанию — и зареклась навеки, потому что едва не померла со скуки, на сей раз — чисто российского разлива. Теперь Сереженька ходит в гости один.

Выходные, правда, любит проводить у меня, но последнее время мне это занятие как-то разонравилось. Грешна: люблю поспать подольше, посмотреть по «видику» какую-нибудь легкую коме-

дию, да просто посидеть с книжкой на лоджии, если погода позволяет. Но Серж — в своем репертуаре: вставать надо вместе с солнцем и тут же начинать активно радоваться жизни, то есть бежать в соседний парк и восхищаться там каждой травинкой, мчаться на другой конец города, чтобы полюбоваться только что отреставрированным зданием, влиться в очередное народное гуляние...

— Как ты не понимаешь: это такое чудо, что мы вообще появились на свет! — периодически начинал он проводить среди меня воспитательную работу. — Деревья начинают зеленеть, травка пробивается, а ты этого не хочешь видеть. Завтра уже все будет по-другому. И мы будем Другими...

— Вот тут я с тобой не согласна, — вяло отбивалась я. — За истекший период ты ни капельки не изменился. Остановись, подумай, переведи дыхание, наконец. Ты живешь так, словно постоянно куда-то опаздываешь.

— А только так жить и можно!

— Это кто сказал?

— Это я говорю.

Нет, с моим «романом века» определенно нужно что-то делать. Еще пара месяцев такой жизни — и я свихнусь окончательно и бесповоротно.

Господи, о чем думаю, когда нужно в темпе бежать на работу? Еще, не дай Бог, машина заартачится — опоздаю, а этого у нас не любят. Задержаться после официального конца рабочего дня считается как бы даже хорошим тоном, а вот опаздывать нельзя категорически. Мими взбесится.

Мими — это наш генеральный директор, Михаил Михайлович, мужчина приятный во всех отношениях и для всех сотрудников... мужского пола. Женский пол он, мягко говоря, не жалует, хотя вполне официально женат и даже является отцом двоих детей. Но фотографии их на письменном столе не выставляет и даже в бумажнике не носит, ссылки на пресловутые «семейные обстоятельства» от подчиненных не принимает, приходит в офис раньше всех, а уходит... Иногда мне кажется, что и не уходит вовсе, живет в своем кабинете.

К счастью, машина не подвела, серьезных пробок по дороге не образовалось, и я не только не опоздала, но даже пришла раньше остальных. Во всяком случае, в курилке еще никого не было, в коридорах — тоже, да и характерного звука работающей техники пока не было слышно. Отлично! Хоть собственно день и начался так себе, на троечку с минусом, но жизнь, кажется, налаживается.

Только я включила компьютер, как в кабинет заглянул Мими собственной персоной.

— А, Стелла Андреевна, хорошо, что вы уже на месте. Зайдите ко мне.

Мими вызывает к себе лишь в чрезвычайных обстоятельствах, обычно все вопросы решаются в рабочем порядке или на еженедельной планерке.

— Присаживайтесь, Стелла Андреевна. Разговор — не на пару минут, — начал он, когда я вошла в кабинет шефа. — Сначала у меня вопрос чисто личный. Как вы планируете провести ближайшие дни?

— А в чем дело, Михаил Михайлович?

— А в том, что ваша драгоценная Ксюша отказалась ехать в командировку.

— Как отказалась?

— Как-как... Наотрез. У нее, видите ли, какие-то семейные обстоятельства.

— А о чем она раньше думала? Командировка-то в Турцию еще с прошлого года запланирована.

— В прошлом году она, видимо, еще не знала об этих обстоятельствах.

Мими даже не пытался скрыть сарказм. И я его понимала. Ксюша, то есть Ксения, одна из моих непосредственных подчиненных, была молодой и крайне энергичной девицей, работала у нас полтора года, зарекомендовала себя отлично. Какая муха ее действительно укусила?

— Я с ней поговорю, — предложила я.

— Попробуйте. Но имейте в виду: либо она едет в эту командировку, либо я ее уволю. При чем немедленно.

— А в Турцию поеду я?

— Стелла Андреевна! На кого еще в этой конторе я могу положиться?

— Думаю, на большинство сотрудников, — вздохнула я, поднимаясь с кресла. — На всякий случай, когда нужно ехать? И на какой срок?

— Завтра. На пять дней. Там предполагается большой контракт с пятизвездочным отелем. Нужно все посмотреть, обсудить и так далее... Ну, вы же прекрасно знаете специфику.

Специфику я знала, так что, примерно представляла себе, как пройдут ближайшие дни, если мне не удастся уговорить Ксению. Одновременно я очень четко представляла себе очередное объяснение с Сержиком, который практически уговорил меня поехать к каким-то его друзьям в Подмосковье. Шашлыки, баня, песни под гитару... Петь под гитару мне хотелось еще меньше, чем лететь в Турцию.

Я вернулась в свой кабинет и попросила секретаршу вызвать ко мне Ксению. Не хотелось идти в общий зал менеджеров и устраивать выволочку подчиненной на глазах у всех. Особой любовью в коллективе я не пользовалась, уважать, да, уважали, но — не любили. Наверняка и кличку какую-нибудь давно уже дали, типа «наша мымра», как в классической комедии. Хотя, видит Бог, на мымру я никак не походила.

Не походила я, разумеется, и на ту красотку, которая появилась передо мной через несколько минут. Ксения вполне могла работать фотомоделью, в крайнем случае, рекламировать по телевидению шампунь, зубную пасту или интимные дамские штучки. Пышные кудри до лопаток, эталонная фигура, белозубая улыбка... Впрочем, сейчас она не улыбалась: идеально выщипанные брови были сведены по принципу «я такая грозная»...

— Что происходит, Ксения? — осведомилась я, начисто проигнорировав ее мимические упражнения. — Почему вы отказываетесь ехать в командировку? Попытайтесь понять ситуацию. Вы можете отказаться от командировки только по очень уважительной причине.

— А если я все-таки не поеду?

— Тогда придется писать заявление об уходе. Это — в лучшем случае.

— А в худшем?

— В худшем вас уволят за нарушение трудовой дисциплины. Вот вам три варианта, выбирайте.

— Три?

— Именно, — кивнула я. — Командировка, заявление по собственному желанию или увольнение.

— Но Стелла Андреевна, я не могу ехать!

— Почему?

— Ну-у, потому что мой жених... Мы хотели...

— Ксения, желание вашего жениха — его личное дело. Даже если бы он был вашим мужем...

— Если я уеду, он на мне не женится! — выпалила Ксения.

— А если вы не поедете, вас уволят, — сообщила я будничным тоном.

Ксения разрыдалась. С ее стороны это была тактическая ошибка: ненавижу женские слезы. Сама никогда не плачу и не понимаю, почему нужно рыдать, вместо того, чтобы трезво оценить ситуацию и принять правильное решение. Теперь придется ждать, пока она успокоится. Или — не успокоится, судя по всему, плакать девушка решила долго и самозабвенно.

Мое молчание она расценила по-своему, и очень скоро сквозь рыдания начали пробиваться какие-то маловразумительные фразы:

— Конечно... если спать с шефом, то никто не уволит... можете ездить в дурацкие командировки сами... все равно тут никому не нужны... старая дева... бесчувственная... всех под себя подминаете... с шефом крутите... всем известно... строит из себя бизнес-леди... просто личная жизнь не удалась... с такой физией... точно стерва... Стерва Андреевна, правильно вас называют...

Конец этому не предвиделось, а терпение у меня — не безразмерное. Я нажала кнопку селектора и велела секретарше готовить приказ об увольнении Ксении Дмитриевны Булыгиной за нарушение трудовой дисциплины. Правильно меня называют Стервой Андреевной, коллектив всегда прав. Вот и буду соответствовать заданному образу.

Ксению я отправила рыдать и собирать вещи в комнату менеджеров, а сама на минуту задержалась у зеркала в туалетной комнате. Физия? Естественно, физия. Обычное лицо женщины «за тридцать», нормальных размеров глаза, нормальная прическа: темно-каштановые волосы собраны в узел. Все, как говорится, «без особых примет», разве что глаза — зеленые, но на работе я обычно ношу очки. На конкурс красоты я и не собираюсь, а для повседневной жизни вполне годится.

Я пожала плечами и позвонила Мими по внутреннему телефону.

— Михаил Михайлович, приказ об увольнении будет готов через несколько минут.

— По собственному? — живо поинтересовался шеф.

— Нет. За несоответствие.

— Железная вы женщина, Стелла Андреевна, — вздохнул Мими.

Во вздохе, впрочем, чувствовалось явное облегчение. Еще бы: не он отдал приказ об экзекуции, не на его голову будут посылаяться проклятия. Да и мужская часть нашего коллектива явно затаит на меня зуб за увольнение «мисс турагентство». Ничего, переживут. Пусть лучше о работе думают, а не о ножках и глазках.

— В каком смысле — железная?

Разговор явно стал принимать тот самый оборот, от которого я не собиралась приходить в восторг.

— Ну... решительная. Я думал уволить ее по собственному...

— Так увольняли бы, — с трудом сдерживая раздражение, отозвалась я. — Зачем было меня впутывать?

Ответа, разумеется, не последовало. Признавать свои ошибки или слабость Мими не любил.

— Значит, завтра улетаю, — круто сменила я тему разговора. — Есть какие-то конкретные указания?

— Как будто они вам нужны, — с явным облегчением хмыкнул шеф. — Все, как обычно. Вернетесь в Москву, отдохните до понедельника, никакого пожара с этим контрактом я не предвижу.

— Это если мы решим его подписывать, — уточнила я.

— Если решите не подписывать, тем более отдохните. Кстати, если у вас нет срочных дел на сегодня, можете ехать домой, готовиться к командировке.

— Спасибо, — равнодушно отозвалась я. — Обязательно.

Чтобы в нашей конторе у меня да не было срочных дел? Фантастика чистой воды. Раньше семи вечера нечего и думать освободиться, а потом... А потом предстояло веселое объяснение с Сергеем. Хорошо еще, что в моем случае, в отличие от Ксении, не придется выбирать между мужеством и работой. Можно сказать, хоть в этом повезло.

Но я ошиблась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— То есть, как это завтра улетаешь?! Мы в субботу должны ехать к моим друзьям...

— Не сложилось, — миролюбиво ответила я, прижимая плечом телефонную трубку.

Руки были заняты: я пыталась заварить свежий чай и сунуть пиццу в микроволновку. За весь день не удалось съесть ни крошки, и теперь мне больше всего хотелось закончить объяснение с бойфрендом и спокойно поужинать.

— Что значит «не сложилось»? Ты могла отказаться! В конце концов, выходные...

— Иногда приходится проводить не так, как предполагалось.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

— Я хочу есть. Веришь или нет, меня мало заботит.

— Естественно!

— Не знаю, естественно ли, но повторяю: завтра я улетаю в командировку, сейчас ты меня извини, я очень устала и вообще не люблю выяснять отношения.

— Ты любишь только себя.

- Мне это уже говорили.
- Я сейчас приеду.
- Зачем? – с ужасом спросила я.
- Как это – зачем? Повидаться с тобой. Мы неделю не были вместе...
- Секс исключается, – быстро вставила я. – Ни сил, ни желания, ни возможностей...
- У меня хватит на двоих.
- Не сомневаюсь. Но мне нужно выспаться перед дорогой. Извини.
- Та-а-к. Встречаться со мной ты не хочешь, к моим друзьям ехать – не хочешь. Чего ты хочешь?
- Поесть. Спокойно выкурить сигарету. Пораньше лечь спать.

Я сдерживалась из последних сил.

- Я сделаю тебе массаж, станешь другим человеком.
- Не хочу.
- Массаж?
- Нет. Становиться другим человеком. Мне и так неплохо.
- А обо мне ты думаешь?

– Думаю. Думаю, что тебе нужно бросить меня, познакомиться с нормальной девушкой и делать ей массаж до потери пульса. Повторить, или ты понял?

- Я понял, что ты действительно первоклассная стерва! – заявил Серж и дал отбой.

Вечер был основательно испорчен. В результате, с трудом заснула и с не меньшим трудом проснулась от сигнала будильника, который забыла перевести на полтора часа вперед. Самолет вылетал из Домодедова только в три часа дня, машина за мной должна была прийти к полудню, а я, по привычке, вскочила в семь часов. И все из-за нервозности накануне...

Зато я смогла спокойно и методично привести себя в порядок, не торопясь, проверить, все ли взяла с собой, позвонить соседке и попросить ее поливать в мое отсутствие цветы, получить по телефону последние ценные указания от Мими и выслушать его заверения в глубокой признательности...

В общем, переделала массу дел, до которых обычно просто руки не доходили. И уселась в кресло самолета спокойная и собранная, а не при последнем издыхании, как обычно происходило в подобных случаях. Мне предстояло провести пять дней на берегу Средиземного моря, в курортной атмосфере. Поплавать, посидеть вечером на террасе какого-нибудь кафе, погулять по тихим улочкам. И все это – одной. Мечта, а не жизнь!

Ко всему прочему, я люблю летать. То есть вообще люблю путешествовать любым видом транспорта, но к самолетам у меня – особенно трепетное отношение.

Вот и сейчас я любовалась стремительно уходящей из-под крыльев землей, как в этот момент меня кто-то достаточно бесцеремонно взял за руку. Я вздрогнула от неожиданности.

– Вы не бойтесь, – произнес у меня над ухом мужской голос, – все будет хорошо. Закройте глаза и посчитайте до ста...

- Зачем? – машинально спросила я и только потом посмотрела на неожиданного советчика.

Вполне приличный мужчина лет сорока, на профессионального волокиту не похож, на дамского угодника – тоже. С чего это он вдруг вздумал так трогательно заботиться о соседке по креслу? Которая, замечу, в этой заботе абсолютно не нуждается.

- Когда досчитаете, мы будем уже высоко. И не так страшно.
- Кому? – уже с некоторой долей сарказма осведомилась я.
- Вам, конечно. У вас такое необычное выражение лица...
- Естественно. Я обожаю моменты взлета.

– Вы – что?

– О-бо-жа-ю летать, – произнесла я по складам. – И ровным счетом ничего не боюсь. Так что, мое лицо ввело вас в заблуждение.

- Первый раз вижу женщину, которая ничего не боится!

~ love story

— А я в сто первый раз слышу мужчину, которого это удивляет.
— Но такого просто не может быть!
— Считайте, что вы наткнулись на феномен, — предложила я. — На то очевидное, которое невероятно.

— Вы что — вообще ничего не боитесь?
— В вашем понимании этого слова — нет. Но опасаясь, пожалуй, многого. Например, того, что непредвиденные обстоятельства могут нарушить мои планы. Или какой-нибудь каскадер-любитель впечатается в мою машину. Или бабулька потащится через дорогу в самом неподходящем месте...

— Вы действительно уникальная женщина, — констатировал мужчина. — А можно узнать, как вас зовут? Я — Вадим.

— Очень приятно. А я... Ксения.

Почему-то мне не захотелось представляться настоящим именем. Даже если будет искать — не найдет. Я и фамилию соответствующую назову, в случае чего. Хорошо бы, конечно, этот самый Вадим собирался отдыхать не там, куда мне нужно ехать из аэропорта Анталии. Очень хорошо. Курортов вокруг — видимо-невидимо, от суперроскошных до весьма скромных, и нужно глобальное невезение, чтобы угодить в один и тот же отель или хотя бы в один и тот же город. Только такого ухажера мне в командировке и не хватало!

— Удивительно, как имя отражает характер женщины. ... просто Ксюша, — донеслось до меня. — Смелая, разумная, красивая девушка. Вы отдыхать летите?

Я кивнула.

— Простите, без мужа?

— Увы, — вздохнула я.

— Ну, вы так молоды, у вас все еще впереди, — утешил он меня. — Жаль, что я не могу познакомиться с одним своим приятелем. Ему нужна как раз такая жена, как вы.

— В каком смысле? — слегка опешила я.

— Спокойная. Не болтливая. Любящая путешествовать. Вы ведь любите поездки, прогулки, природу, правда? Конечно же, любите, по лицу видно.

— Для счастливой семейной жизни этого может оказаться мало, — заметила я. — Кажется, нужно еще сходство характеров, общие увлечения. Да, неплохо было бы любить друг друга!

— Вы с Сергеем влюбитесь друг в друга с первого взгляда!

Мое терпение постепенно начало иссякать.

— Простите, Вадим, я не нуждаюсь в посредниках в личных отношениях. И с мужчинами у меня все в порядке. Спасибо за участие.

Думаете, он успокоился? Как бы не так! Сватать меня он, правда, перестал, зато пустился рассказывать во всех подробностях неудачную личную жизнь своего друга. Жена, которую он безумно любил, бросила его ради больших денег. Детей забрала с собой, он теперь их и не видит никогда. Череда знакомых оказалась одна корыстней другой, все, как одна, бросали несчастного Серегу из-за того, что он не умеет «зашибать деньги», а предпочитает духовные ценности.

Последняя же подруга оказалась вообще стервой: деньги ее не особо волнуют, сама прилично зарабатывает, но спит и видит, как бы ей за молодого и красивого любовника замуж выйти, для чего держит его на «голодном пайке» и вообще норовит морально задавить.

Я слушала — и не слушала, радуясь хотя бы тому, что мне не нужно активно реагировать на рассказ. Уже начали разносить обед, как вдруг из потока фраз прорезалось:

— И зовут ее соответственно — Стеллой. Нет, вы представляете себе, Ксюшенька, какой может быть женщина с таким именем? Стерва, одно слово.

— Вы ее видели? Действительно, стерва?

Мне стало даже интересно. Сергей и Стелла, первая жена, которая предпочла деньги... Многочисленность совпадений на один сюжет.

— Не видел, не получилось. Да и зачем мне на нее смотреть? И так все ясно. Бизнес-леди, собственное туристическое агентство... А Серега — обыкновенный инженер, как и я. В нашей компании больших денег не заработаешь. Вот вы, Ксюшенька, кто по профессии?

— Делопроизводитель, — буркнула я. — Ничего интересного. А зачем этой вашей, как ее, Стелле, такой муж? С ее деньгами можно любого выбирать.

— Любого? Да Серега-то — красавец! А как на гитаре играет, как поет! Да от него все бабы без ума, любая босиком в загс побежит.

— А эта почему не бежит?

— Цену себе набивает. Говорю же — стерва.

Нет, ну, как же на самом деле тесен мир! Попасть в соседнее кресло с коллегой моего же собственного любовника, рассказывающего обо мне крайне интересные истории.

— Ксюша! — услышала я голос соседа и повернулась к нему с самым терпеливым из всех своих выражений.

Зря, как выяснилось. Неугомонный Вадим тут же сфотографировал меня с помощью мобильного телефона. Господи!

— Сереге покажу, когда в Москву вернусь, — радостно прокомментировал он свои действия. — А вы, часом, не актриса, Ксюшенька? Или — фотомодель? Такая красавица...

Ну, это он хватил. Красавицей никогда не была, в фотомодели тем более не рвалась.

— Уверяю вас, я — не актриса и не фотомодель.

— Скромничаете, наверное. Как ваша фамилия?

— Белова, — спокойно ответила я.

— С ума сойти! У вас с Серегой фамилии одинаковые! Точно, вы созданы друг для друга!

Еще бы не одинаковые, если я как раз фамилию Сержика и назвала. Интересная у них с Вадимом беседа в Москве получится, жаль, меня при этом не будет. Или не жаль? Нет, не жаль, потому как я и сама-то больше общаться с господином Беловым не собираюсь. Считает меня стервой — прекрасно, буду стервой. Хочет увернуться от раскидываемых мною брачных сетей? Чудненько, пусть гуляет на свободе.

В ходе дальнейшего разговора, точнее, монолога Вадима выяснилось, что отдохнуть он намеревается в Белеке. Что ж, как говорится, пациенту легче. Белек и Кемер достаточно далеко друг от друга, случайная встреча мне, скорее всего, больше не грозит.

Самолет уже пролетал над турецкими горами, за которыми меня ждала Анталия. По местному времени мы прибывали в восемь часов вечера, в Кемере я окажусь около десяти, значит, остаток вечера — мой, никаких деловых встреч, переговоров, документов. Спасибо Мими за командировку!

— Ксюша, а вы дадите свой телефончик?

Я молча протянула ему отключенный на время полета мобильник.

— Это что? — опешил Вадим.

— Телефончик, — самым невинным тоном отозвалась я. — Другого у меня с собой нет.

Вадим долго смеялся. Так долго, что благополучно забыл о своем намерении получить мои координаты, а самолет тем временем приземлился. Не успел мой попутчик осознать происходящее, как я уже достала с полки дорожную сумку, намереваясь одной из первых покинуть салон.

Сумка, к несчастью, за что-то зацепилась. Не успела я потянуть посылнее, как незнакомая мужская рука достала мою поклажу, словно невесомый пакетик. Ого! Я оглянулась через плечо и уткнулась взглядом в чье-то солнечное сплетение. Так мне, во всяком случае, показалось. Подняв глаза, я обнаружила, что мой спаситель довольно высокого роста, но не чрезмерно: просто он встал на краешек кресла, чего я, доставая багаж, сделать не сообразила.

— Спасибо, — искренне проговорила я.

— Пока не за что, — отозвался незнакомец. — Я вас провожу до выхода. Женщине не стоит носить тяжести.

И голос приятный, и пошлости не сказал, типа «красивая женщина не должна...»

— Меня, вообще-то, встречают.

— У трапа?

— Это вряд ли, — усмехнулась я. — Что ж, если вам так уж хочется... — И украдкой покосилась на «носильщика». Волосы с легкой проседью, темные очки, рост выше среднего. И какая-то удивительная пластичность движений, что редко встречается среди представителей сильного пола. Симпатичный мужик, одним словом.

Меня действительно встречали в зале за таможенным пунктом. Молодой, смуглый мужчина встречал, как гласила надпись... Ксению Булыгину! Очень мило! Похоже, шеф так обрадовался счастливому разрешению проблемы с командировкой, что забыл предупредить об изменениях принимающую сторону. Объясняться я не стала, решила дожидаться приезда в отель. Там и разберемся, иначе можно застрять в аэропорту до выяснения моей личности. Ксения так Ксения, подумаешь, большое дело!

— Вас действительно зовут Ксения? — поинтересовался мой сопровождающий. — Вот уж не ожидал!

— Почему? — искренне изумилась я.

Вместо того, чтобы ответить мне, он о чем-то спросил моего встречающего. Спросил, кажется, по-турецки, потому что я не уловила ни одного знакомого слова. Хотя, помимо немецкого, неплохо знаю английский, французский и могу объясниться по-итальянски и по-испански.

— Увидимся в Кемере? — обратился он ко мне, ставя на пол сумку, которую тут же подхватил встречающий.

— А почему бы и нет? Спасибо за помощь.

— Пожалуйста. Кстати, меня зовут Александром. И это — не псевдоним.

Он довольно лихо подмигнул, резко повернулся и мгновенно растаял в толпе. Ничего себе завычки! Он меня знает, что ли? И как догадался, что я еду в Кемер?

Когда я вышла из здания аэропорта на площадь, меня охватила волна теплого, настоящего на цветах и травах воздуха. Еще немного — и я увижу море, услышу прибой, вдохну неповторимый запах... Какое счастье, что строптивая Ксения отказалась от командировки!

Встречавший меня молодой человек довольно бегло лопотал по-немецки, так что, никакого языкового дискомфорта я не испытывала. Не испытывала, впрочем, и дискомфорта иного рода: в снежно-белом форде был кондиционер, мягкие кожаные сиденья, мини-бар и — о счастье! — пепельница. Я с наслаждением закурила и отдалась восхитительному ощущению дороги.

Полтора часа в машине — это много или мало? В Анталии для меня они пролетели, как один миг, очнулась я тогда, когда автомобиль въехал в нарядный, утопающий в цветах и зелени городок. Уличные кафе были полны людей, магазины всю еще работали, гуляющие весело гомонили.

И отель, к которому мы подкатили, был шикарным. Если портье и удивился тому, что гостья прибыла с одной только сумкой, то ничем своего удивления не показал. Мой сопровождающий что-то сказал ему и откланялся. Сумку тут же подхватил юркий мальчишка, а портье вручил мне ключ, пояснив, что для меня приготовлен номер-люкс на втором этаже. Можно поужинать в ресторане за счет отеля, можно заказать еду и напитки в номер — естественно, тоже за счет отеля.

Если бы я сама не отдала ему паспорт, он, наверное, и не спросил бы. Не глядя, сунул мой главный документ в какой-то ящик и продолжал гнуть свою линию: если уважаемая фрейлин желает, можно посетить бассейн, сауну, турецкие бани, кабинет красоты... если уважаемая фрейлин захочет... если...

Вдруг я почувствовала, что желаю одного: увидеть море вблизи. Прикоснуться к нему хотя бы символически, смочить руки, умыться. Желание это оказалось таким сильным, что я быстренько сунула бою чаевые, схватила ключ и вышла из отеля, игнорируя изумленные взгляды персонала. Кажется, тут было принято вести себя как-то иначе, но мне, честно говоря, было наплевать.

Море действительно оказалось совсем рядом. пляж уже почти опустел, впрочем, в надвигающихся сумерках это было естественно. Зато никто не мешал подойти к самой кромке воды, набрать ее полную пригоршню и блаженно вдохнуть ни с чем не сравнимый запах.

Если завтрашние переговоры позволят, я обязательно искупаюсь. А сегодня можно позволить себе посидеть на свежем воздухе, поесть что-нибудь вкусенькое, даже за свой счет, а не за счет отеля. Небось, не обеднею. Салат, например, взять и что-нибудь во фритюре. Чашечку зеленого чая. Пирожное...

Я сидела в кафе, пока окончательно не стемнело и не стало прохладно. Я подняла руку, чтобы позвать официанта и рассчитаться.

Дальше произошло нечто чрезвычайно странное. Что-то грохнуло, ослепительно вспыхнуло, потом затрещало. Я даже не успела испугаться: меня буквально снесло со стула и отшвырнуло в сторону. Слышались истерические крики, еще какие-то хлопки, грохот. С трудом поднявшись на ноги, я пошла подальше от всего этого кошмара. Сначала медленно, потом чуть быстрее, а потом и вовсе побежала. Именно в эту секунду меня ослепили яркие огни, я услышала визг тормозов и ощутила довольно сильный толчок. Свет померк, и стало тихо. Очень, очень тихо. А затем исчезло, и меня не стало...

Я все вспомнила, черт побери! Я снова существую в нормальном мире, без «черных дыр». Только вот Саша...

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Ты в порядке? — озабоченно спросил меня в высшей степени привлекательный мужчина. — Так побледнела...

— Вас зовут Александром, и это — не псевдоним, — медленно произнесла я. — Мы шапочно познакомились в самолете после посадки. И я уехала в Кемер. Одна...

— Вспомнила, — констатировал Александр.

Он откинулся на спинку кресла и закурил. Не похоже было, чтобы он нервничал или чувствовал какую-то неловкость. То ли был готов к такому повороту событий, то ли обладал завидным хладнокровием.

— Вот именно, — кивнула я. — Почему ты оказался в больнице? И зачем тебе понадобилось изображать моего давнего любовника?

— Уже на «ты». Это хорошо. Значит, я грамотно распорядился ситуацией.

— Какой ситуацией, черт побери?! Амнезия — не повод для экспериментов.

— Ты права: не повод. Но великолепная возможность сблизиться с женщиной, которая мне давно нравится. Даже больше, чем нравится.

Сказать, что я удивилась, значит — ничего не сказать. Давно нравлюсь? С каких это пор, интересно? Но еще больше удивила меня внезапно пришедшая мысль: а ведь если бы Александр начал ухаживать за мной тогда, когда я находилась, так сказать, в здравом уме и твердой памяти, вряд ли бы я с энтузиазмом рванулась навстречу его чувствам. Существует Сергей, с которым я еще не прекратила отношений, хотя... к этому все идет. И вообще, стремительность — не мой жанр.

Так что, Александр действительно грамотно воспользовался ситуацией, и теперь я нахожусь перед фактом: мы — любовники. Более того, мне с ним хорошо, даже очень хорошо.

— Что значит давно? — осведомилась я, тоже закуривая.

— Несколько месяцев. Эллочка, мы раз пять сталкивались на разных совещаниях, но ты никак не хотела обратить на меня свое внимание. Я знал, что у тебя есть друг, но понятия не имел, как ты к нему относишься и что у вас за отношения...

— Теперь знаешь?

— Теперь и ты знаешь, — усмехнулся Александр. — Помнишь свой прелестный разговор в самолете с соседом по креслу? Конечно, помнишь. Или я совершенно ничего не понимаю в людях, или тебя этот разговор здорово разозлил...

Против своей воли я улынулась. Психологом Александр оказался действительно неплохим. Только упомянутый разговор меня не разозлил, а расставил все точки над «i» в затянувшихся и потерявших первоначальный смысл отношениях с Сергеем. Если он жалуется на меня за моей спиной, если считает, что я, так сказать, «улавливаю» его в брачные сети, то может считать себя свободным. Равно как и я, кстати.

— Так почему ты оказалась в больнице? — вернулась я к первому вопросу.

— По роду своих занятий, естественно. В той же больнице, кстати, после того же взрыва в кафе на набережной, оказался клиент нашей компании. По-турецки я говорю неплохо, услышал болтовню персонала о «немке, которая ничего не помнит», решил полюбопытствовать. И увидел тебя.

— Перст судьбы, — иронично заметила я.

— Нет, обыкновенная добросовестность. Немка тоже могла быть нашей клиенткой. Мы же, в основном, с иностранцами работаем или с очень богатыми людьми. Представляешь, сколько стоит эвакуация из Кемера больного в сопровождении врача и медсестры?

Я примерно представляла. Действительно, мы работали в «смежном», так сказать, бизнесе, действительно, могли присутствовать на одних и тех же совещаниях. Тут Александр явно не кривил душой. Но вот что забавно: вспомнить его на этих самых совещаниях я все равно не могла. То ли амнезия прошла лишь частично, то ли я тоже слишком добросовестно отношусь к своим обязанностям.

Постепенно я выгащала из Александра все, что он успел сделать с того момента, как обнаружил меня в больнице, и до того утра, когда забрал оттуда. Первым делом, он направился в отель, где я должна была разместиться. Убедился, к величайшему моему изумлению, что вместо Стеллы Шмидт там зарегистрирована Ксения Булыгина, хотя портье описывал именно меня. Разобрался с моим паспортом, так и лежавшим в конторке у портье. Потребовал открыть мой номер, произвел краткую ревизию вещей, связался по моему мобильнику с моим же шефом и попросил подключиться к урегулированию ситуации...

— Ты сказал Мими, что я потеряла память? — ужаснулась я.

— Нет. Решил подождать. Главным в тот момент было спокойно забрать тебя из больницы, разместить в отеле с максимальным комфортом и...

— И до конца использовать ситуацию в своих интересах, — фыркнула я с некоторым сарказмом.

— Верно, — неожиданно кротко согласился Александр. — Но ты могла сослаться на слабость, усталость, головную боль, наконец. Не сослалась. Из чего я сделал вывод, что отращения у тебя не вызываю, и что мысль о нашей связи тебе, в принципе, не претит.

— Привет от Шерлока Холмса, — прокомментировала я. — Похоже, метод дедукции действительно бессмертен.

Александр от души рассмеялся.

— Дорогой мой Ватсон, а не пройтись ли нам по набережной? То есть я предлагаю пойти и погулять по городу, отдохнуть от страшных разоблачений и трагических признаний. Просто погулять, как... двум влюбленным.

— В каком смысле? — слегка опешила я.

— Ну... роман мы начали, считай, с середины, так что начало нужно компенсировать. Тем более я и предполагал разыскать тебя в отеле и начать осаду твоего сердца по всем правилам.

— Хорошо, — великодушно согласилась я, — начинай осаду. Действительно обидно пропустить самое интересное и романтическое.

Несколько раз за время прогулки я ловила на себе странные взгляды Саши. Не то чтобы изумляющие — в конце концов, у него в обозримом будущем предполагалось достаточное количество времени на изучение моей персоны, а... удивленные, что ли. Как будто он собирался встретиться с одной женщиной, а на свидание к нему пришла совершенно другая. Не лучше и не хуже, а просто — другая. Наконец, я не выдержала.

— Тебя что-то удивляет, Саша? Я веду себя как-то не так, и это тебя не устраивает?

Ответ меня просто ошеломил.

— Ты ведешь себя не «как-то», а совершенно не так. Мне кое-кто рассказывал о тебе, как о достаточно жесткой и оч-чень эмансипированной женщине, которая мужчин только терпит. А я вижу рядом с собой нормальную, умную, нежную и очень женственную женщину.

— Тебя это не устраивает? — уже более нетерпеливо повторила я свой вопрос.

Александр нежно обнял меня за плечи.

— Меня-то это очень устраивает, но я... как бы это тебе сказать... обескуражен. Готовился к борьбе, к завоеванию, приготовил массу действенных, как мне казалось, приемов...

— Приручения? — улыбнулась я.

— Можно сказать и так. Только я бы не стал. Видишь ли, я вовсе не собирался тебя приручать. Твоя жизнь — это твое личное дело. Я не горю желанием слушать исповеди, тем более, что и сам исповедаться не собираюсь...

— Боюсь, что придется, — ангельским голосом заметила я. — Ты знаешь обо мне очень много и еще чуть-чуть. Я о тебе не знаю практически ничего. Тебе не кажется, что получается не совсем справедливо?

— Кажется, — охотно согласился Саша. — Задавай вопросы, получишь короткие и правдивые ответы. Остальное придется постигать в процессе дальнейших отношений. А еще лучше, давай-ка я тебе представлю свое, так сказать, резюме, а если что-то останется за кадром, задашь дополнительные вопросы. Годится?

— Попробуй.

— Поехали. Сорок лет, разведен, детей нет. Квартира, машина, хорошая работа. Высшее техническое образование плюс знание языков. Внешние данные оценишь сама. Кредо: «живи и жить давай другим». Морально скорее подвижен, нежели устойчив. Из активных видов спорта предпочитаю бассейн и тренажерный зал, крайне люблю комфорт и довольно равнодушен к радостям дикой природы. Вот, пожалуй, и все. Ах да, я — трудоголик, и в интересах дела могу наплевать на все остальное. Но это тебя, кажется, не должно ни смущать, ни раздражать: сама такая. Вопросы есть?

— Есть. Что тебе от меня нужно?

— Дружок, в моем возрасте пора обзаводиться женой, а не временной подругой.

Я онемела. В очередной раз. Александр искоса наблюдал за мной, похоже, искренне наслаждался ситуацией и не спешил приходить мне на помощь. Я же просто не знала, что сказать: крайне редкий случай в моей жизни.

К счастью, по дороге оказалось очередное кафе со столиками под деревьями. Я буквально упала на ближайший свободный.

— Мартини или чего-нибудь покрепче? — спросил Александр, устраиваясь напротив.

— Мартини. Двойную порцию. Пожалуйста.

— Расслабься немного. Хотел бы я знать, кто окрестил тебя «железной женщиной»?

— Я бы тоже этого хотела, — пробормотала я. — Но гораздо больше я сейчас хочу выпить.

— Нет проблем. Я же сказал — расслабься. Вот и наш официант.

Но более или менее я пришла в себя тогда, когда передо мной появился высокий запотевший стакан, украшенный ломтиком лимона. Александр на этот раз решил побаловать себя кофе с коньяком.

Ледяной мартини помог: в голове, как ни странно, прояснилось, и мир вокруг обрел более четкие очертания. Давненько мне не делали предложения руки и сердца. Или это не предложение вовсе, а просто милая шутка. Чувство юмора у людей бывает достаточно своеобразным, по себе знаю.

— Итак, ты решил обзавестись женой, — небрежным тоном заметила я. — Нужно рассматривать это как брачное предложение?

— Это никак не нужно рассматривать, — отозвался Александр, откровенно смакуя коньяк. — Это нужно воспринимать как информацию.

— К размышлению? — автоматически съязвила я.
— Умница. Я хочу жениться. Лучшей кандидатуры, чем твоя, не имеется. Подумай, подходит ли тебе мое предложение. Я тебя не тороплю.

— И на том спасибо, — пробормотала я. — Но понимаешь ли, замужем я уже побывала, и мне вовсе не хочется возвращаться в это состояние. Домашнее хозяйство — не моя стихия.

— А я и не предлагаю тебе оставлять работу.

— Тогда из меня тем более не получится образцовой жены. Ты же сам сказал: я — тоже трудоголик.

— Эллочка, ты никак не хочешь понять простую вещь: мне не нужна домработница. Во-первых, она у меня есть и, надеюсь, будет у нас. Во-вторых, жена, которая через силу, после напряженной работы, что-то там изображает на кухне, меня просто раздражает. А жена, которая на этой кухне проводит всю жизнь...

— Допустим, с домашним хозяйством разобрались, — усмехнулась я. — А как с детьми? Дети тебя не интересуют?

— Почему же, интересуют, но у моих детей должна быть соответствующая мать. И мне кажется, я ее нашел...

Я открыла было рот, но Саша предостерегающе поднял руку:

— Только не нужно насчет того, что работа и дети плохо совмещаются. Ты слышала о том, что существуют няни? Что женщина может делать успешную карьеру не с одним даже ребенком, а с тремя-четырьмя? У меня есть несколько приятелей, жены которых работают и даже имеют собственный небольшой бизнес, и дети им не мешают. Мне, понимаешь ли, захотелось иметь такую же семью. Давно уже захотелось...

Я молчала. Слишком все это было неожиданно и... нестандартно. Я бы сказала, пугающе нестандартно. Конечно, очень лестно услышать, что именно ты лучше всех подходишь на какую-то там роль, что из многих претенденток выбрали именно тебя, но... Но я вовсе не была уверена в том, хочу ли я эту роль играть. Точнее, готова ли я к этому.

С другой стороны, тридцать пять лет — это именно тот возраст, когда нужно всерьез решать, какой, скорее всего, будет вся оставшаяся тебе жизнь. Конечно, я еще лет двадцать могу заниматься работой и самой собой, не обременяя себя ни семьей, ни постоянной, тем более узаконенной, связью.

Выходить замуж без любви? По взаимному расчету? Вот в этом-то я как раз ничего ужасного не видела, поскольку по любви — большой и чистой — замуж уже сходила. Что же касается ребенка, то тут я с Сашей была даже солидарна: его будущему отпрыску нужна соответствующая мать, моему возможному будущему ребенку — соответствующий отец. А в этом плане кандидатура мужчины, который сейчас сидел напротив меня, была вне конкуренции.

— И сколько времени ты мне даешь на размышление? — поинтересовалась я, наконец.

— То есть немедленного отказа не будет? — оживился Александр.

— Немедленного точно не будет. Более того, пока я вообще не собираюсь от тебя отказываться. Прости за терминологию, заимствовано у тебя. Но мне нужно...

— Свыкнуться с мыслью, что мы поженимся, — подхватил Александр.

— Мертвого уговоришь, — проворчала я. — Не нужно давить на психику.

— У меня есть отличная идея — давай обручимся.

— Вот с этого места поподробнее, — попросила я. — И закажи мне, пожалуйста, еще мартины. С твоими идеями без пол-литры, как говорится, не разберешься.

Мартини Саша мне заказал, заодно заказал мороженое. И потребовал, чтобы я его съела, поскольку обсуждать серьезные вещи с женщиной под хмельком ему как-то не хотелось. Меня же неожиданно разобрало самое настоящее любопытство, так что, мороженое, кстати, удивительно вкусное, я добросовестно съела. За что была немедленно вознаграждена действительно грандиозной идеей.

Мы покупаем мне кольцо — не обручальное, а с камешком, или просто то, которое приглянется, и с этого момента считаемся женихом и невестой. А дальше живем в таком состоянии столько, сколько захотим, привыкаем друг к другу, присматриваемся и... либо действительно женимся, либо мирно и цивилизованно расходимся.

Наверное, я все-таки стукнулась головой сильнее, чем полагали врачи, потому что Сашино предложение мне понравилось.

— Ювелирные магазины, наверное, уже закрыты? — предположила я.

— А если открыты? — вопросом на вопрос ответил мне Александр. — Ну, хотя бы один...

— Давай проверим. Найдем колечко — ты выиграл, обручимся. Не найдем...

— Обручимся завтра, — радостно продолжил Саша.

— Не факт, — фыркнула я. — Завтра с утра — серьезные переговоры, потом — проверка документов, то, се, пятое-двадцатое. Наконец, я могу передумать... до отлета в Москву. Билет у меня — на послезавтра, правильно?

— У меня — тоже. И что характерно — на тот же рейс.

— Послушай, — спросила я, поднимаясь из-за стола, — а если бы Ксения согласилась полететь в эту командировку? Ведь тогда наша встреча могла бы просто не состояться вне зависимости от того, потеряла бы я память или нет. Сидела бы в Москве...

— Придумал бы что-нибудь еще, — перебил меня Саша. — Попросил бы Мишку отправить нас в какую-нибудь командировку действительно вместе.

— Мишка — это кто? — удивленно спросила я.

— Твой начальник, дорогая, которого ты так нежно зовешь Мими. Мы с ним, между прочим, в одном доме жили и в одном классе учились.

— Он и тогда был женоненавистником?

— Мишка? Женоненавистник? Да он женщин обожает, трепетно и нежно. А к тебе, кстати, относится с огромным уважением и постоянно хвалит. Не как женщину, а...

— Как сотрудника, понятно, — вздохнула я. — Это он тебе сказал про мой стервозный характер и амбициозность?

— Его, между прочим, это напрягает меньше, чем других мужчин. Он же за тобой ухаживать не намерен. Тем более — жениться. Ладно, пошли искать кольцо, а то, неровен час, действительно передумаешь. Придется разрабатывать новый план, а мне этот очень нравится.

Не сразу, но нашелся открытый ювелирный магазин, хозяин которого и в такое довольно позднее время был счастлив встретить покупателей. Нас усадили за низенький столик, предложили неизменный чай и сладости, продавец принес поднос с ювелирными изделиями.

— Выбери, дорогая, — сказал Александр, придвигая поднос ближе ко мне.

Я покачала головой.

— Выбери сам, милый. А я посмотрю, насколько наши вкусы совпадают.

— Один-ноль, малыш. Заметь, в твою пользу.

— Это — только начало, — пообещала я. — Скучно не будет.

— Очень на это надеюсь, — пробормотал Саша, перебирая самые разнообразные кольца.

Я молча наблюдала за этим почти священнодействием и думала, что, окажись на его месте Сергей, выбор был бы сделан в течение максимум двух минут: золото и красный камень. Потом последовал бы вопрос о цене, священный ужас, снова стремительный выбор, и, в результате, мы бы ушли из магазина ни с чем.

— Вот это, пожалуй, — услышала я голос Саши. — Как тебе?

На его ладони лежало кольцо, которое... Да, пожалуй, именно его я бы и выбрала. Элегантное — другого слова и не подберешь, не слишком тонкое, но и не массивное, оно было сделано из светлого золота и украшено крохотным бриллиантом. Я влюбилась в него с первого взгляда, но попыталась это, по возможности, скрыть.

— Очень неплохо, — только и сказала я.

~ love story

— Берем? — осведомился Саша. — Ты помнишь наш уговор?

Я кивнула.

Разумеется, какое-то время ушло на то, что хозяин и Александр увлеченно торговались. Но поскольку делали они это по-турецки, я все равно не понимала ни слова. Поэтому тихо сидела, покуривая сигаретку, исподтишка любовалась своей рукой с новым украшением и наслаждалась совершенно необычным для меня состоянием: ни во что не вмешиваться, ничего не решать, ничем не руководить. Оказалось, что это очень приятное состояние.

Разумеется, мы отпраздновали нашу помолвку. Только не в ресторане и даже не в кафе, а в номере отеля, куда, по заказу Александра, доставили все необходимое. И уже далеко за полночь я упала в объятия своего новообретенного жениха, где тут же забыла обо всем, словно меня накрыл очередной приступ амнезии. Только это была такая сладкая, такая ни на что не похожая амнезия, что избавляться от нее мне ни в коем случае не хотелось.

Уже засыпая, уже проваливаясь в блаженное забытие, я еще успела подумать о том, как это прекрасно: ни о чем не думать...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Утром нас разбудил телефонный звонок. Звонил Курт, который, по своей немецкой аккуратности и педантичности, желал узнать о моем состоянии здоровья, прежде чем вплотную заняться больными в своей клинике.

— Спасибо, все наладилось, — радостно поблагодарила я его. — Память вернулась еще вчера.

— Очень рад. Никаких последствий нет, как, по-твоему?

— Есть, — все так же жизнерадостно отрапортовала я. — Я — помолвлена.

— Поздравляю. Действительно, жаль было бы забыть о таком событии в жизни.

Я не стала рассказывать Курту о том, как все было на самом деле. Во-первых, это заняло бы слишком много времени, а нас ждали долгие и важные переговоры. А во-вторых, вряд ли он одобрил бы такую скоропалительность в решении важных проблем личной жизни.

— Послушай, — сказала я Александру, когда на следующий день самолет плавно нес нас обратно в Москву. — Там в Кемере, во время переговоров, я несколько раз слышала, как турки произносили какое-то слово, причем явно в мой адрес. Ты, случайно, не понял, о чем они?

— А это они давали характеристику твоей манере ведения переговоров, — охотно пояснил Александр.

— И какую же?

— Лестную.

— А если пояснее?

— Неженская у тебя манера вести дела, моя дорогая, — улыбнулся Александр.

— И слава Богу! То есть по-русски опять-таки — стерва?

— Милая, этим гордиться надо. Редко кому из женщин удается быть ангелом в личной жизни и стервой — в деловой. Обычно дамы путаются.

— Ты, между прочим, первый человек, который считает меня ангелом в личной жизни, — вздохнула я. — А я даже не знаю, хорошо это или плохо... для меня.

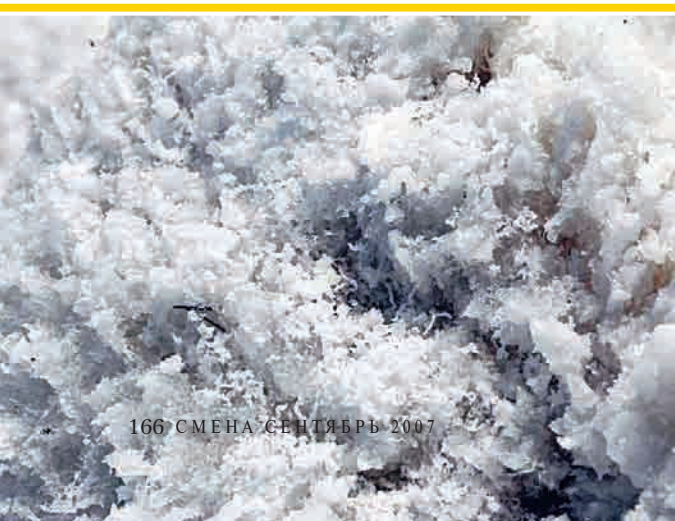
— Поживем — увидим. Но я не собираюсь рассказывать об этом направо и налево. То есть вообще никому не собираюсь рассказывать. Давай договоримся, что для всех, кроме меня, ты так и останешься — стервой.

— Стервой на договоре? — засмеялась я.

— Неплохо сказано, — заметил Александр и поцеловал мне руку.

Нас ждала Москва, привычные дела и совершенно новая личная жизнь. И мне это очень нравилось, ну, очень. И если все, что произошло со мной за последние сутки, последствия амнезии, то будь она трижды благословенна!

СЕМЬ ЧУДЕС РОССИИ

166 СМЕНА СЕНТЯБРЬ 2007

ЧУДЕС
РОССИИ

Озеро Баскунчак

В Ахтубинском районе Астраханской области находится крупнейшее месторождение самосадочной соли – озеро Баскунчак. Мощность поверхностных залежей соли на озере достигает 10-18 м. в центре и 1-4 м. у берегов. Само по себе озеро крайне интересно. Большая котловина, заполненная поваренной солью (которую добывают и перерабатывают в п. Нижний Баскунчак) и концентрированным рассолом. Помимо всевозможных солончаков и солонцов различных типов с богатой и разнообразной фауной жуков, берег Баскунчака (как и других подобных озер) представляет особый интерес для энтомологов. Дело в том, что различные летающие насекомые, попадая в горячий рассол озера, консервируются в нем. А по мере приближения к берегу образуют своеобразные наносы, в которых едва ли не большую часть составляют засоленные насекомые, которые могут здесь сохраняться годами и быть вполне пригодными для коллекционирования и определения. Уникальность Баскунчакского месторождения поваренной соли состоит в том, что оно, в отличие от большинства других, в силу природных особенностей, способно с годами восстанавливать потерянные запасы за счет естественного привноса солей питающими озеро источниками. Именно это его качество, в свое время, породило миф о неисчерпаемости озера и бесконечности его запасов. На самом деле, Баскунчак – хрупкое чудо, нуждающееся в тщательном изучении, охране и бережном отношении.

М.И. Нечаева, Астрахань

Окончание. Начало в №№ 6-8, 2007.

«Смена» заканчивает
публиковать отрывки
из будущей книги.

Андрей Максимов

«Сто и одно слово про жизнь»

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество — излюбленное состояние именно русского человека. Испокон веку любовь к одиночеству диктует нам не состояние души, а пейзаж. Он — первичен, состояние души — следствие.

Мало где в мире найдутся такие просторы, как в России. Русский человек выходил из своего дома, перед ним — бескрайние поляны, над ним — бесконечное небо, а он сидит, маленький и беззащитный, на крылечке. Ну, и как не почувствовать себя тут одиноким?

Интересно, что для западного человека одиночество означает неумение встроиться в некие социальные связи. Для них одиночество — это когда тебя не замечает мир.

Русский человек вообще не очень охотно рассматривает себя в системе социальных связей. Для него одиночество — это отсутствие рядом других, ему подобных.

Для западного человека одинокий — значит, неудачник, тот, кто не сумел встроиться в систему.

Для нас одинокий — значит, таинственный, странный, даже умный.

Мы воспитаны на героях русской литературы, большинство из которых были хрониче-

ски одиноки. И мы любим этих людей — Онегина, Печорина, Анну Каренину. Нередко хотим быть на них похожими.

Мы любим одиночество. Мы уважаем одиноких. Это у нас — в крови. Так же, как любовь к страданиям, и абсолютная уверенность в том, что только с помощью страданий можно осознать мир и себя в этом мире.

Однако Господь создал нас такими, что мы непременно должны питаться энергией других людей. Попытка одиночеством может быть еще более страшной, нежели попытка голодом.

Конечно, человек должен периодически уходить в одиночество. Некоторым, особенно творческим людям, это просто необходимо делать. Например, великий французский писатель Виктор Гюго обрезал себе половину бороды, ножницы выбрасывал из окна и, таким образом, приковывал себя к дому — не мог же он «полуостриженный» выйти? — и писал романы. Но заканчивалось все дело загулами. Великого русского писателя Александра Куприна жена запирала в комнате, чтобы он писал, но потом Куприн «выходил на свободу».

Итак, быть всегда одиноким — противоестественно. Даже если кому-то кажется, что «благородное одиночество» его возвышает.

Благородным бывает только творческое одиночество (к нему же я отношу и одиночество с молитвой — общение с Богом, потому что молитва — это всегда творческий акт).

Всякое иное одиночество — не беда, а вина человека. Энергия других людей для любого из нас, для нашей души — то же самое, что дождь для растения, без которого оно зачахнет и погибнет.

Одиночество любит, когда его пестуют. Но оно — плохой борец, оно всегда отступает, когда с ним начинают бороться.

Бороться с одиночеством — это значит выйти из собственного мира в места скопления людей. Вот и все. Очень просто.

Господь так устроил мир, что, если вы протягиваете руку навстречу людям, рано или поздно, ее непременно пожмут. Непременно! Но, если вы не протягиваете руку, то не стоит плакаться на свою одинокую судьбу.

На мой взгляд, для того, чтобы избавиться от одиночества, надо сделать три шага:

Первый. Честно признаться самому себе, что ваше одиночество вам не нравится, если надо — убедить себя в этом.

Второй. Честно признаться (а если надо, убедить себя) в том, что одиночество в толпе для вас приятнее, полезнее, а, главное, перспективнее, чем одиночество дома.

Третий. Самый главный. Выйти из дома и пойти к людям.

Печальные последствия одиночества не только в том, что оно часто приводит к депрессиям, фрустрации и прочим нервным неприятностям. Если человек создан, как общинное создание, игнорирование этого не может пройти бесследно для его здоровья.

Но дело, повторяю, не только в этом.

Одиночество — это зеркало, которое человек ставит перед самим собой. Одиноким — тот, кто занят исследованием только самого себя.

Но это — бессмысленное исследование, потому что понять самого себя с помощью только самого себя — невозможно. Это все равно, что лечить рану, расковыривая ее, когда рядом есть иные, тебе подобные, с лекарствами и бинтами.

Общение или не одиночество — это луч, направленный на других. Лишая себя общения,

мы теряем огромные миры, которые ходят вокруг нас.

И не надо говорить: у меня, мол, общаться не получается. Кто-то — более общителен, кто-то — менее. Все так. Но даже менее общительные люди могут найти тех, кому именно такая манера общения необходима.

Умение контактировать с себе подобными — не со всеми, а с себе подобными! — дается человеку просто так, так же, как умение дышать, есть, заниматься сексом и так далее.

И если вы не используете это умение, значит, вам просто не хочется искать себе подобных. Значит, вы не хотите делать три шага в сторону от одиночества.

Это — ваш выбор. Выбор, который всегда будет иметь печальные последствия.

ОПТИМИЗМ

Оптимист — это человек, для которого жизнь — повод для радости.

Пессимист — это человек, для которого жизнь — повод для печали.

Ни для того, ни для другого взгляда нет никаких разумных оснований. Невозможно понять, отчего один человек радуется жизни, а другой по ее поводу постоянно печалится.

Оптимизм, как и пессимизм, — самодостаточные качества. То есть они никак не характеризуют человека. Они не подчеркивают ни его ум, ни глупость, ни интеллигентность... Да в общем, ничего не подчеркивают. Существуют сами по себе.

Оптимистом (как и пессимистом) нельзя быть наполовину или на двадцать пять процентов. Как невозможно на половину или на сколько-нибудь там процентов любить.

Человек либо любит жизнь, то есть радуется ей. Либо не любит, то есть воспринимает свое существование как преодоление всевозможных препятствий.

Человек воспринимает мир, исходя не столько из реалий этого мира, сколько из собственного взгляда. Для одного стакан, всегда полупустой, для другого — только полуполный. Один радостно прыгает под дождем, другой боится замочить ноги. Хотя и стакан, и дождь, казалось бы, одинаковы.

Значит ли это, что рожденный оптимистом, оптимистом и умрет?

Увы, нет.

Мы не раз будем говорить о том, что среди хаоса мира существует три основополагающих понятия: жизнь, любовь, и смерть. Именно, и только они, могут изменить взгляд человека на жизнь.

Как влияет на оптимизм жизнь?

Оптимист понимает, что любая дорога в этом мире непременно ведет к счастью. Он должен оступиться много раз, упасть, разбиться, прежде чем убедится, что это — не так. Только череда неудач может заставить человека поверить в то, что мир не всегда несут радость.

Оптимизм так же уничтожает смерть близкого человека. Но только в том случае, если этот человек был носителем счастья. Если такой человек уходит, оптимист физически ощущает, что счастья в мире стало меньше.

Оптимизм уничтожает несчастная любовь. Что такое несчастная любовь? Это такое чувство, которое не приносит ощущения счастья. Здесь даже не важно — разделенная она или нет. Куда важнее: добавляет она радости в жизни или уменьшает ее количество. Чем сильнее несчастная любовь, тем меньшее количество оптимизма остается в человеке.

Смерть близких, череда неприятностей, несчастная любовь — вот те единственные факторы, которые могут повлиять на то, что человек перестает смотреть на жизнь радостно.

Интересно, что превращение пессимиста в оптимиста практически невозможно. Если человек не любит жизнь, то все ее радости он будет воспринимать не иначе, как случайные. И даже счастливая любовь редко меняет его взгляд.

Поэтому оптимисту жить легче, однако жизнь его — опасней: его взгляд на мир — всегда под угрозой, в любой момент он может измениться. А это — процесс болезненный.

Но если в других главах мы много говорили о свободном выборе человека, то здесь никакой свободы нет. Каким родился — таким и живешь, воспринимая свой взгляд на мир единственно естественным.

ПАТРИОТИЗМ

Патриотизм — любовь к Родине. Это — понятно и очевидно.

Но вот что удивительно: если человек начинает кричать повсюду о своей любви, например, к женщине, — он кажется окружающим, по меньшей мере, странным, если не придурковатым. Даже на тех, кто повсюду кричит о любви к своим детям, окружающие смотрят с некоторой неловкостью.

Кричать же о любви к Родине представляется большинству абсолютно нормальным, а при некоторых (чаще всего диктаторских) режимах и вовсе обязательным занятием.

Родину любит любой нормальный человек. Как любит своих родителей, свой дом, свою первую любовь. Любовь к Родине, как всякое истинное чувство, — тихо и спокойно. Любовь — штука интимная, ей нет необходимости созывать свидетелей.

Мир устроен довольно страшно, он таит множество опасностей и не так часто дарит радость. Поэтому естественно наше желание объединиться с кем-нибудь — с друзьями, чтобы создать компанию; с женщиной, чтобы создать семью, наконец — со своим народом. Человеку проще и понятнее жить, ощущая себя частью огромной человеческой общности — своего народа. Любовь человека к своему народу — естественна и тоже не требует ни доказательств, ни выводов. Человек гордится своим народом так же, как он гордится своими друзьями или женой.

Но очень часто (если не чаще всего) любовь к Родине подменяется любовью к государству, то есть к тому аппарату, который должен обеспечить нормальную жизнь Родины.

Государство заявляет: «Отныне Родина — это я. Все, что делаю я, — все делается во благо Отчизны. Поэтому, кто не любит меня, — тот не любит Родину, и ее народ, то есть он объявляется врагом народа».

Народ тут же начинает кричать: «Мы любим Родину, государство, все дела государства, все одобряем! Только не сажайте в тюрьму!»

Крики о любви к Родине — это всегда вопль о любви к государству. И вызван он чаще всего либо страхом, либо выгодой. На мой взгляд, это закон всеобщий, если угодно, мировой.

Если кто-то постоянно кричит о том, что он живет в великой стране, и его народ — самый великий в мире, значит, этот «кто-то» хочет чего-то добиться. Сделать карьеру, быть куда-нибудь выбранным, собрать денег и так далее.

Заметим еще раз: никакая любовь не нуждается в посторонних. Если любовь созывает свидетелей, значит, она не любовь, а только прикидывается.

Если же говорить о моей Родине, о стране, которую я бесконечно люблю, то, мне кажется, нашим патриотам имеет смысл быть немного, я бы сказал, скромней в разговорах о великой России и великом русском народе.

Потому что, во-первых, народы не делятся на великие и не великие. Разве не велик, например, народ Швейцарии, который на протяжении нескольких веков умудряется спокойно жить, и при этом давать миру таких замечательных писателей, как Макс Фриш и Фридрих Дюрренматт? А разве не велик народ Японии, построивший супердержаву после страшно проигранной войны? Или Германии? А узбекский народ, давший миру огромную культуру? Разве можно говорить о том, что еврейский народ велик, а палестинский, предположим, — нет?

Нет более и менее великих народов. Есть народ, в котором ты родился. И все остальные.

Позиция «если я принадлежу к какому-то народу, значит, этот народ великий!» — прекрасна, если она дает человеку импульс для собственной жизни и самоусовершенствования. И ужасна, если она позволяет человеку взять пистолет или палку, чтобы бить представителей других «невеликих» народов.

А, во-вторых, история нашей страны дает поводы как для восхищения, так и для стыда. И про это тоже не следует забывать.

Говорят, народ заслуживает тех правителей, которые им руководят. Вспомните, кто руководил нашей страной на протяжении XX века? Царь Николай, который пустил к власти банду большевиков. Тиран Ленин, страш-

ный тиран Сталин, губивший собственный народ в лагерях, затем пришел Маленков, которого мало кто помнит. Хрущев, основная заслуга которого не в том, что он чего-то добился, а в том, что изболел культ Сталина, в котором, кстати, сам принимал участие. Брежнев, при котором мы жили за железным занавесом в нищете и дефиците. Черненко, Андропов...

То, что при таких правителях мы сохранились как народ и как страна — поразительно! Как невероятно и то, что мы выиграли Великую войну, правда, потеряв при этом значительно больше людей, нежели те, кто ее проиграл. И, к слову сказать, проигравшие страны — Япония, Германия, Италия — на протяжении всей второй половины XX века жили куда лучше, чем мы — победители. Россия XX века, увы, показала всему миру пример того, сколь губительны коммунистические идеи.

Значит ли это, что России нечем гордиться? Нет, конечно. Парадокс нашего самоощущения, однако, заключается в том, что гордиться мы готовы всегда и с радостью, а вот стыдиться не умеем категорически.

Между тем, как мне кажется, позиция стыда и понимания многих несовершенств своей страны и своего народа, — более конструктивна и, в конечном счете, патриотична, нежели позиция: «Россия — лучшая страна в мире!»

Лозунг: «Мы лучше всех!» не ведет ни к какому действию, разве что к пьянству.

Осознание того факта, что у нас не все хорошо в стране, что есть масса проблем, — ведет к необходимости эти проблемы решать.

Поэтому, на мой взгляд, сегодня в России патриотизм — это работа на благо страны и самого себя, а не бесконечные крики о великой России и великом русском народе.

Тот, кто кричит патриотические лозунги, — артист, плохо играющий плохую роль, а вовсе не патриот.

Тот, кто бьется с представителями других народов, вся вина которых состоит в том, что они не родились русскими, — хулиган и бандит, а совсем не патриот.

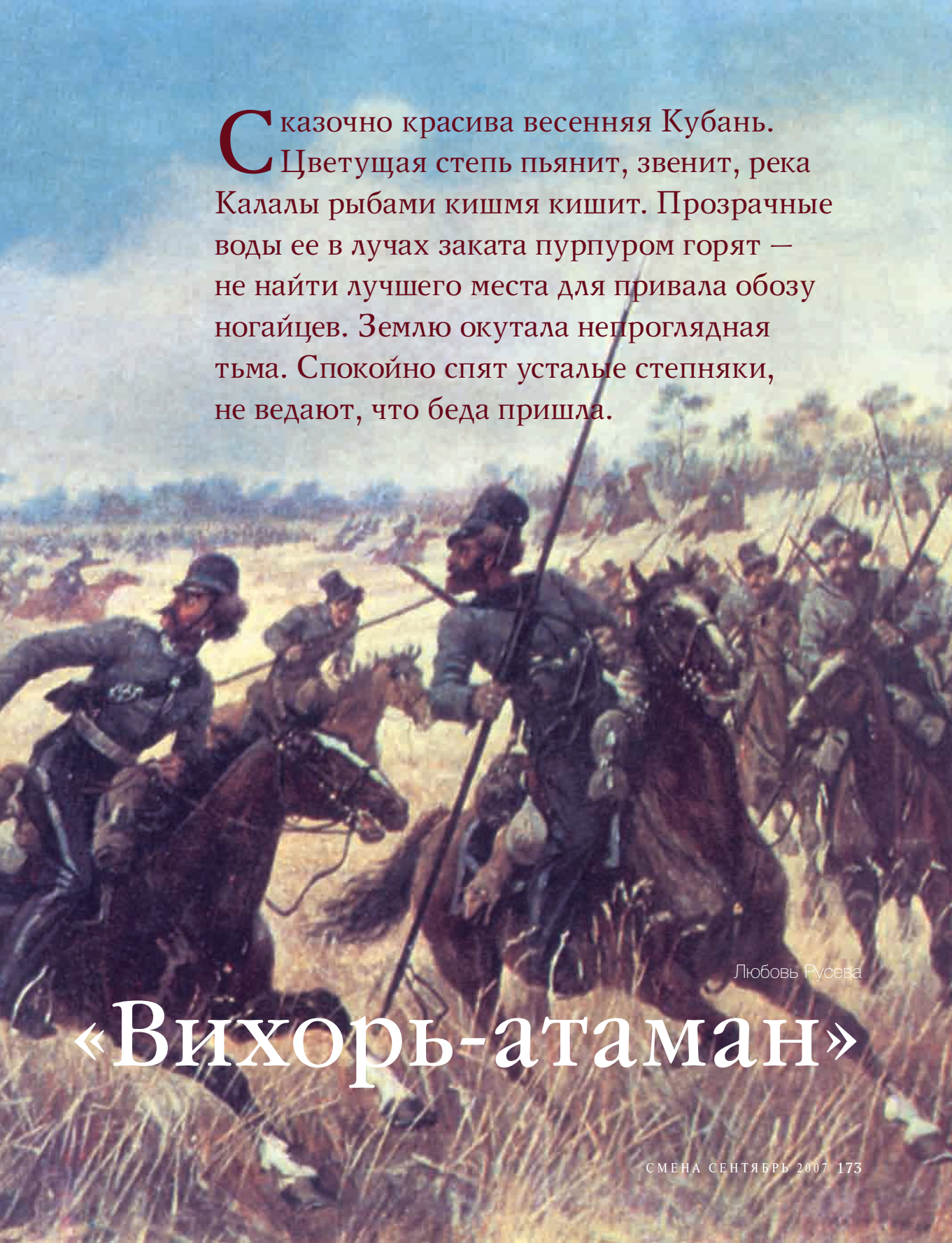
Патриот — это тот, кто честно работает.

ИЗДАЛЕКА

*Хвала, наши Вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан –
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По воле волком рыщешь.
Летаешь страхом в тыл к врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы...*

В.А. Жуковский

Сказочно красива весенняя Кубань. Цветущая степь пьянит, звенит, река Калалы рыбами кишмя кишит. Прозрачные воды ее в лучах заката пурпуром горят — не найти лучшего места для привала обозу ногайцев. Землю окутала непроглядная тьма. Спокойно спят усталые степняки, не ведают, что беда пришла.

Любовь Русева

«Вихорь-атаман»

Рисунок
Геннадия
Новожилова

Жестокий хан Девлет Гирей, что орду вел на Дон, узнал об обозе, взять решил. С его-то силищей два полка – не помеха.

– Батюшка наш, Матвей Иванович, поговорить мне с тобой надобно, – подошел к Платову старый казак, – в чистом поле, наедине.

– Ну, что ж, пойдем поговорим.

Далеко увел казак Платова.

– Приложи-ка ухо к земле... Что слышишь, Матвей Иванович?

– Слышу шум, точно птица кричит.

– Да разве ж птица кричит в темную ночь? Она смирно сидит.

– Так что же это?

– Недалече вражий отряд огни разложил, на свет-то птица поднялась да кричит. По большому крику надо полагать, что огней много, а стало быть, и бусурман много... Поживешь с мое – узнаешь больше.

Разведка вернулась с дурной вестью: не ошибся старый казак – татар тысяч двадцать, а то и более. Обозу от конницы не уйти, двум полкам против полчищ не устоять. Но двадцатилетний полковник был отваги невиданной, он хоть и молод, да мудр. Мигом повозками лагерь окружил, двум смельчакам приказал пробиваться к своим...

Лишь только забрезжил рассвет, Платов с повозки увидел ханские знамена.

– Друзья мои! Вы видите, какая сила окружает нас. Нам нужно биться с этой силой и победить. Я вам скажу: не будем же мы русские, не будем донцы, если устрасимся проклятого врага.

«Ура!» – поскакали казаки на врага... Жарка битва да коротка – пал отважный отряд. «Алла!» – раскатилось по степи – лавиной обрушились враги.

– Держитесь, друзья! Не посрамим землю русскую и нашего батюшку Тихий Дон! Скоро подойдет подкрепление!

Атаку за атакой отбивают донцы, тают их ряды. Враг все яростней насеждает, в восьмой раз на приступ пошел,

а подкрепления все нет. Не выдержал командир второго казачьего полка.

– Матвей Иванович, не лучше ли сдаться? Треть лошадей уже пала, люди приходят в отчаяние.

– Никогда! Лучше умрем, нежели покроем стыдом и позором честь земли нашей!

– Посланные, верно, убиты, а без подмоги нет нам спасения.

– Ребята, не робеть! Посмотрите вдаль, мне что-то мелькнуло в глазах. Уж не наши ли это?

– Наши! Наши!

Ошибся Ларионов: один из казаков пробился-таки к своим. Уваровцы вихрем налетели на крымцев. Осажденные за Платовым ринулись на врага. Полный разгром довершил подоспевший полк Бухвостова.

«Войска Донского полковник Платов, будучи в осаде от неприятеля, оказался неустрашим, ободряя своих подчиненных, и удержал их в слабом своем укреплении до моего к ним прихода», – доносил Бухвостов.

С этой победы началась слава легендарного «Вихря-атамана», награжденного золотой медалью «За ревностную службу».

О подвиге Платова, спасшего транспорт, в лихую годину напомним своим орлам знаменитый Денис Давыдов:

– Если кому-нибудь придется быть в таком же положении, тот пусть приведет себе на память подвиг молодого Платова, и успех увенчает его оружие. Фортуна, не всегда слепая, возведет, быть может, твердого воина на ту степень славы, на которую вознесла она и маститого героя Дона.

Матвей Иванович родился в семье заслуженного войскового старшины 8 августа 1751 года. Предание гласит, что в тот день Иван Федорович пошел на протоку к своему судну. Вдруг пролетавшая птица уронила ему на шапку кусок хлеба. Полковник перекрестился

и положил его в карман. Когда же он подошел к берегу, то из воды прямо к ногам выпрыгнул громадный сазан. Пораженный Платов вернулся домой и узнал о рождении первенца. Счастливый отец собрал друзей, помолился с ними пред образом, угостил водкой, закусил хлебом, сброшенным птицей, и попотчевал гостей жареным сазаном.

Лишь только у Матвея прорезался первый зуб, Иван Федорович подрезал ему зуб, надел на него свою шапку и посадил на оседланного коня – так с незапамятных времен на Дону посвящали мальчиков в мужчины-воины. Только после этого их называли казаками, а казаков с раннего детства готовили к ратной службе. Не удивительно, что первыми словами Матвея стали «пу!» (стрелять) и «чу!» (ехать).

В три года будущий атаман уверенно сидел на лошади, а в пять лет участвовал в скачках и детских маневрах. Никто так ловко и красиво не ездил, как сын войскового старшины Платова! А кто мог сравниться с ним в стрельбе из лука и в рубке? В тринадцать лет – он уже на действительной службе. Подавая пику новоиспеченному уряднику, отец молвил:

– Смотри, Матвей, служи государю и Тихому Дону примерно. Помни меня: храбростью да примерной службой из простых казаков дошел я до чина войскового старшины. Береги отцовские обычаи – будь казак! Уповай на Господа Бога, и Он тебя не оставит. Слушай начальников. Будь внимателен к равным тебе, снисходителен к низшим и строг, более всего, к самому себе. Но помни всегда: никогда, Матвей, и думать не моги забыть наш Тихий Дон, вскормивший и взлелеявший тебя. Аминь!

Сметливый Матвей скоро обратил на себя внимание и был произведен в хорунжие. Юный казак, общаясь с образованными офицерами, понял, что ему недостает знаний, и все свое сво-

бодное время посвятил изучению исторической и военной литературы.

Осенью 1768 года началась первая русско-турецкая война. Зимой татарская конница совершила очередной опустошительный набег на Украину и Нижний Дон. Матвей Иванович, взяв горсть родной земли, оседлал любимую лошадь и подался в Крым – в армию князя Долгорукого. Бесстрашный молодой есаул покорил главнокомандующего своими стремительными атаками при штурме Перекопа и в сражении под Кинбурном. За отличие его произвели в войсковые старшины. Так, в восемнадцать лет Матвей Иванович стал командиром полка.

Из Крыма полк перебросили на Кубань. На этой земле Платов постиг суворовскую науку побеждать. Великий полководец убедился в силе и мощи донского оружия. В одном из приказов по Кубанскому корпусу он писал: «Казакам непременно быть всегда дротиком вооруженным, яко наисильнейшим их оружием для поражения всякого противника». С Суворовым Платов участвовал и в разгроме Пугачевского восстания.

Вторая русско-турецкая война упрочила славу Матвея Ивановича: он отличался в каждом крупном сражении, за что получал следующий чин или ордена. За штурм Очакова его грудь украсил Георгий 4-й степени, за взятие крепости Каушаны он стал бригадиром и был назначен походным атаманом.

Долго не покорялся Измаил, и военный совет решил снять осаду, но 2 декабря 1790 года под стены неприступной крепости прибыл Суворов.

– Я вам скажу, друзья, теперь-то мы точно возьмем крепость, – заверил Платов казаков.

Генерал-поручик Самойлов представил полководцу командиров. Увидев Платова, Александр Васильевич воскликнул:

– А, Матвей Иванович, батенька, дорогой мой! Помню, помню твои подвиги. Да неужто с такими богатырями мы не возьмем Измаила! Валы Измаила – высоки, рвы – глубоки, а все-таки нам его надо взять.

На военном совете Суворов обратился к офицерам:

– Господа! Политические обстоятельства я постигаю как полевой офицер. Австрияки замирились с турками. Поляки – двояки и переменчивы. Пруссаки вооружились против нас. Англия всех мутит. Франция помогает оттоманам. Мы с турками одни – лицом к лицу. России нужен мир. Измаил наш – мир и слава! Нет – вечный срам! Осада или штурм – что, отдаю на ваше рассуждение.

Первым должен был высказаться младший по званию.

– Штурмовать! – коротко бросил бригадир Платов.

Накануне штурма Матвей Иванович, командовавший пятой колонной, обходил казаков.

*М. И. Платов
(1751–1818).
Художник
А. Г. Орловский.
Акварель.
1810-е гг.*

– Напоминаю еще раз: по первой ракете – приготовиться, по второй – занять места по диспозиции, по третьей – вперед на крепость. Я вам скажу одно: мы должны взять Измаил. А вернемся с победой – молодых женихов качать будем.

Досталось казакам во время штурма – попали под убийственный фланговый огонь. Карабкались муравьями на стены, карабкались, да не выдержали, отхлынули. Матвей Иванович, перебравшись через ров, бросился на вал, увлекая отступавших за собой...

За взятие Измаила, во время которого, по словам Потемкина, «неустрашимость» Платова «претворяла всех в героев», он был награжден Георгием 3-й степени и произведен в генерал-майоры.

Князь Потемкин вызвал героя в Петербург, где представил его императрице. Екатерина беседовала с Матвеем Ивановичем о казаках, о войске Донском. Она наградила его орденом св. Владимира 2-й степени и саблей, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость». По указу императрицы, Платову выделили покои во дворце Царского Села.

– Мы не рождены ходить по паркетам да сидеть на бархатных подушках, – говорил казакам Платов. – Здесь вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дело – ходить по полю, по болотам да сидеть в шалашах или, еще лучше, под открытым небом, чтобы и зной солнечный, и всякая непогода не были в тягость. Так и будешь всегда донским казаком. Всякое дело тогда и хорошо, пока всегда с ним, а то ты от него – на вершок, а оно от тебя – на аршин, и так пойдете вы врозь: хорош будет толк.

Позже, когда Платова в столице спрашивали, не лучше ли здесь, нежели на Дону, он непременно отвечал:

– Здесь, все прекрасно, но на Дону – лучше, там все есть, кроме роскоши, которая нам, казакам, не нужна.

Случалось, что при дворе Вихрь-атаман попадал в просак, но из нелепых ситуаций его неизменно выручала находчивость. Перед отъездом знаменитого героя на войну с турками Мария Федоровна пригласила его во дворец. После обеда, откланиваясь императрице, Платов саблей опрокинул фарфоровую вазу. Атаман отскочил в сторону, но зацепился шпорами и не растянулся на полу только благодаря поддержке Марии Федоровны.

– Государыня, и падение мое меня возвышает, потому что я имею счастье еще раз поцеловать ручку моей монархини, премилосердной матери. – Обернувшись к придворным, Матвей Иванович добавил: – Вот пословица-то и на деле сбылась: говорят, если казак чего не возьмет, так разобьет; первое – неправда, а второе и со мною сбылось.

Со смертью Екатерины II прославленного генерала постигла участь многих ее любимцев. Оклеветанный завистниками, он был сослан в Кострому. А затем героя ждал Алексеевский равелин.

11 января 1801 года Матвея Ивановича судили.

«...Не находя таких дел, по коим бы генерал-майор Платов подлежал суду, о сем обстоятельстве всеподданнейше донести на благоусмотрение Вашего величества». На сенатском решении стоит резолюция: «Высочайше повелено освободить и из равелина выпустить, об известной же экспедиции объявить».

Павел I, заключивший союз с Наполеоном, обязался немедленно нанести удар по богатейшей колонии Англии – Индии, и первыми в поход должны были вступить донские казаки во главе с Платовым. Комендант крепости сообщил об этом узнику Матвею

Иванович не поверил, решил, что его хотят казнить. Казнить не казнили, а командорским крестом ордена святого Иоанна Иерусалимского наградили.

– Здравствуй, Матвей Иванович. Очень рад тебя видеть.

Павел подвел Платова к карте, на которой был отмечен совершенно не известный ему маршрут – от Оренбурга к Индии.

– Видишь эту дорогу, она тебе знакома?

– Да, знакома, – не моргнув, соврал Платов.

– Пойдешь с казаками по этой дороге в Индию, Матвей Иванович?

– Пойду, ваше величество.

– Ты посадишь на коня всех, кто только сидеть может и копые держать, и с этим detachmentом иди немедля с Дона через Урал на Оренбург. В Оренбурге губернатор Бахметьев даст тебе «языков» и все нужное для похода. От Оренбурга тыпустишься степями, мимо Хивы и Бухары, до самой Индии.

В январе Платов повел 27 тысяч донцов в далекий трудный путь. За три недели они преодолели 700 верст. Не довелось казакам погулять по Индии: взшедший на престол Александр I повелел вернуться на Родину.

Новый император произвел Платова в генерал-лейтенанты и рескриптом от 12 августа 1801 года назначил его атаманом. «Известные ваши достоинства и долговременная и безупречная служба побудили меня избрать вас в войсковые атаманы Войска Донского на место умершего генерала от кавалерии Орлова».

Прежде всего, Матвей Иванович решил перенести казачью столицу, поскольку Черкасск ежегодно затоплялся водой. Новый Черкасск основали на урочище Бирючий Кут. Церемония закладки состоялась 18 мая 1805 года, в которой участвовали казаки более 30 станиц с воинскими регалиями и знаменами. Были заложены войсковой Вознесенский собор, Александро-Невская церковь, гостинный двор,

*Разгром
маршала Даву
при Красном
5 ноября 1812 г.
Гравюра
Федорова
по оригиналу
Скотти.*

войсковая канцелярия, гимназия. На следующий день произошло торжественное перенесение столицы из Старого Черкаска в Новочеркасск.

Особое внимание он уделял образованию казачат. В 1801 году в главном народном училище насчитывалось 134 ученика, на следующий год их стало 224, а к 1805 году – 253. Училище состояло из четырех классов, но наиболее одаренные ученики продолжали образование в дополнительном, рисовальном, классе. Обучались казачата бесплатно. Матвей Иванович открыл в своем крае еще 7 подобных учреждений, а главное – народное училище в 1805 году преобразовал в первую на Дону гимназию.

Матвей Иванович создал Общества Донских торговых казаков, переселил калмыков в Задонские степи и помогал в организации калмыцких станиц.

Платов пользовался заслуженным уважением и всеобщей любовью донцов. Почти полвека провел он с ними в походах, разделяя все тяготы и лишения войны. Строгий, но справедливый атаман, выдающийся и бесстрашный военачальник, как никто умел воодушевить подчиненных на беспримерные подвиги. Превыше всего ценил Матвей Иванович славу казачью и ревностно оберегал патриархальные нравы. Прямой сердечный человек, гостеприимный хозяин, Платов был в обращении прост. Жизнь он вел обычную: любил охоту, рыбную ловлю, и, конечно же, лошадей. Не отставал атаман от казаков в количестве выпитого.

Считая донцов прирожденными воинами, он требовал, чтобы отцы учили детей казачьему военному делу с пеленок. Благодаря феноменальной памяти Платов помнил поименно не только военачальников, командиров, но и всех

рядовых донцов. Беседуя с любым из них, атаман вспоминал подвиги его родственников и неизменно повторял:

– Помните славу и добродетели и держитесь обычаев отцов своих.

Управляя краем, атаман не забывал о главном – боевой подготовке, вооружении, комплектовании и совершенствовании тактики Войска Донского. Тонко владея всеми казачьими сноровками, Платов тщательно готовил каждого донца, в краткие передышки между войнами постоянно проводил учения и устраивал скачки с препятствиями на дистанции в 5-7 верст.

Атаман установил и срок службы полков. Раньше донцы уходили на линию, не зная, когда вернутся домой. Теперь же полки, находившиеся на границах, сменялись через три года, а дислоцировавшиеся внутри России и на Кавказе – через два. Если в прежние времена казаки вливались в армию только на время войны, то отныне Донское войско несло постоянную службу для охраны границ России.

До Платова казаки одевались, кто во что горазд. Матвей Иванович ввел унифицированную форму: вместо домашних зипунов, кавказских черкесок донцы надели куртки и чекмени; вместо барашковой шапки – кивер, на шароварах красовались широкие алые лампасы. Ох, и не понравилось старикам это нововведение! Что же это? Из донских полков устроили уланские? Теперь казаков станут писать в регулярство? Но после наполеоновских войн, когда донцов полюбила вся Европа и им во многом стали подражать, новая форма прижилась, ею стали гордиться.

Матвей Иванович довел до совершенства складывавшуюся веками тактику боя донцов. Атаковали донцы рассыпным строем, и этот тактический прием назывался «лавой». Участвовали же в сражении не все: 8-9 казаков во

главе с младшим офицером, оставаясь в середине, являлись «маяком». Они организовывали преследования разбитого противника. При обороне применялся другой тактический прием – «вентерь» (по названию рыболовной снасти, в которую рыба легко попадает, но не может выбраться).

Чтобы заманить неприятеля в засаду, группы самых смелых и ловких казаков «нечаянно» оказывались на пути продвижения противника. Обнаруженные, они лихо «удирали» от врага, вовлекая противника в «вентерь». В решающий момент на неприятеля с трех сторон обрушивалось все войско Донское, и обычно победа оставалась за ними. Достаточно вспомнить Семилетнюю войну, когда во время сражений «бегством» казаков уничтожалась прусская конница. Тактику донцов вполне оценил и Наполеон.

– сторожевое охранение казаков было лучше, чем у нас, их лошади, пользовавшиеся лучшим уходом, чем наши, оказывались более выносливыми при атаке... Какую бы цену ни при-

давали захвату пленных, захватить их не удавалось.

С наполеоновских войн началась всемирная известность Платова и его донцов, и начало славы положило сражение у Прейсиш-Эйлау, где они нанесли такой вред французам, что Бонапарт назвал казаков «исчадием рода человеческого». Атаман продвигать не давал противнику: на всем пути его перемещения он неожиданными налетами наносил ему чувствительный урон. У Ландсберга казаки захватили 384 француза, отбив при этом 200 русских пленных, на следующий день захватили еще 167 неприятельских солдат, и так почти ежедневно.

Матвей Иванович регулярно переписывался с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Вот что он писал ей о действиях своих донцов в 1807 году: «...Не в похвалу себе, а по истине подданнической – донесу: в прошедшие месяцы до сего времени шпиговал их, по Вашему благословию, изрядно. Брал много в плен их дерзких штаб- и обер-

*Преследование
казаками
отступающих
французов.
Художник
А. Дезафно.*

офицеров, а сколько – я и счет им потерял; знает про то главнокомандующий армией, коему я их доставлял. Гордость, а более – дерзость французов выбита из головы их. Доведены они до изнурения; кавалерия их дерзкая донскими казаками вся истреблена, а пехоты потеряли они много и много. Сидят они теперь, кроме Данцига, против нас, как мыши в норах...»

За отличия в этой войне Платова наградили орденами святого Александра Невского и святого Георгия 2-й степени, а Войску Донскому пожаловали памятное знамя.

Во время заключения тильзитского мира Платов присутствовал на встречах Александра I с Наполеоном. Русских генералов представили французскому императору. Когда очередь дошла до Матвея Ивановича, Наполеон, бросив быстрый взгляд, прошел мимо, не сказав ни единого слова в приветствие. После смотра атаман заметил:

– Я вам скажу, не знаю, почему я таким страшным показался Наполеону, когда ничем не разнысь наружностью от других людей. А все же хочется мне, друзья, рассмотреть его поближе.

Вскоре такая возможность Платову представилась. Во время генерального смотра русских войск к нему подъехал французский маршал.

– Конечно, атаману нравится Наполеон, что он так пристально на него смотрит? – поинтересовался он через переводчика.

– Я вам скажу, что я вовсе не на императора вашего смотрю, в нем нет ничего необыкновенного: такой же, как и прочие люди! Я смотрю на его лошадь; весьма хочется мне отгадать, какой она породы: персидской, арабской, а может, и египетской или какой другой нации.

Но после смотра Матвей Иванович сказал донцам:

– Хотя быстрый взгляд и черты лица его показывают великую силу ума его, но в то же время являют и необыкновенную жестокость. Этот человек не на благо, а на пагубу человечества рожден.

На скачках атаман поразил Бонапарта искусной стрельбой из лука, и французский император подарил ему табакерку с собственным портретом, осыпанную драгоценными камнями, а также наградил его в числе лучших русских генералов орденом Почетного легиона. Платов от него отказался.

– За что ему меня награждать? Ведь я ему не служил и служить не могу.

В начале 1808 года Платов сражался в Молдавии в армии Багратиона. За блистательные победы над турками атаман удостоился чина генерала от кавалерии и пожаловали орденом святого Владимира 1-й степени.

Началась Отечественная война, и первые наши победы связаны с именем Матвея Ивановича. Казачий корпус входил в армию Барклая-де-Толли, но, в силу своего расположения, атаману пришлось прикрывать отход 2-й Западной армии. 27 июня у местечка Мир кавалерийская бригада Турно попала в «вентерь» и понесла большие потери. «Извещаю с победой, хотя с небольшою, – сообщил Платов Багратиону, – однако же не так и малою, потому что еще не кончилось, преследую и бью... Пленных много, за скоростию не успел перечесать и донести. Есть штаб-офицеры, обер-офицеры. Вот «вентерь» много способствовал, оттого и начало пошло. У нас, благодаря Богу, урон до сего часа мал, потому что перестрелки с неприятелем не вели, а бросились дружно в дротики и тем скоро опрокинули, не дав им под держаться стрельбою».

На следующий день произошло второе сражение. «Поздравляю ваше сия-

тельство с победою, и победою редкою над кавалериею. Что донес вам Меншиков, то было только началом, после того сильное сражение продолжалось часа четыре, грудь на грудь... из шести полков неприятельских едва ли останется одна душа, или, может, несколько спасется... У нас урон невелик». Платов разгромил 9 полков противника.

Первые победы вдохновили отступающие армии, но они же стали причиной удаления из армии Матвея Ивановича. Находясь в арьергарде и прикрывая отход русских армий, донцы постоянно вели бои с превосходящим противником. Их тактика, как никакая другая, изматывала и задерживала наполеоновские войска, поэтому приказ Барклая об отстранении Платова от командования арьергардом армии явился громом среди ясного неба. Командующий, чья армия оказалась в трудном положении, свалил вину на атамана. Барклай был недоволен, что его подчиненный сражался в составе другой армии и не стремился соединиться со своей. Хотя Багратион, которого Наполеон желал полностью разгромить, прося Платова остановить французов, брал всю ответственность на себя и заверял, что будет лично отвечать перед Барклаем за его задержку.

Об отстранении атамана и «размолвке» его с Кутузовым стало известно Бонапарту. Генерал Пюибюск писал: «Наполеона уверяли, что Платов в немилости и сослан с большою частью казаков на Дон, и он тому поверил! Кутузов в одном из писем своих будто бы жаловался императору на казаков, особенно же на их атамана, и будто бы просил у государя согласия на строгие меры, к которым он вынуждаем, то есть отослать генерала Платова и большую часть его войска на Дон. Это письмо было с тем отправлено, чтобы его перехватил неприятель; но оно и составлено было для Наполеона, дошло верно по назначе-

*Хорунжий
и обер-офицер
атаманского
казачьего войска.*

нию и отняло у него всякое подозрение на свою несправедливость. В истинном отбытии казачьего генерала заключалось одно только намерение, и продолжение нашей стоянки под Москвою, собрать 25 000 казаков, с которыми через месяц после своего отбытия Платов явился на наших аванпостах. Сие подкрепление было весьма для русских полезно».

Не зря Наполеон назвал Кутузова старой лисицей. Сергей Николаевич Глинка в «Записках о 1812 годе» причислил «мнимую» ссору Платова с Кутузовым к очередной хитрости полководца, на которую попался Бонапарт. «Коленкур и себя, и властелина своего обманывал: «будто бы война турецкая истощила войско Донское и будто бы Дон опустел и обессилел». Кутузов и Платов знали об этой молве и разыгрывали притворную ссору. Чуждаясь самонадеяния, я, может быть, предлагаю это и как догадку, но то истинно, что когда донской атаман за несколько дней до битвы Бородинской прискакал в Москву на дачу к графу Ростопчину, разнеслась громкая весть о размолвке его с Кутузовым... Был ли там (на даче) государь или нет и нужно ли было личное его присутствие для распоряжений касательно донских полков, которые быстрым прилетом под Тарутино были первыми вестниками победоносного преследования нашествия?»

О том, что Платов – не на Дону, Наполеона убедил знаменитый рейд казаков, приостановивший атаку французов на центральную позицию русских. За эти два часа Кутузов сосредоточил на батарее Раевского до 100 орудий и подтянул сюда корпус Остермана, два гвардейских полка и два кавалерийских корпуса. О самом рейде Матвей Иванович писал: «По прибытии кавалерийского корпуса Уварова повел атаку на неприятель-

ский левый фланг, состоящий направо селения Бородина, и, потеснив неприятеля, заставил имевшимися у Уварова пушками неприятельскую батарею, у самого леса бывшую, замолчать, но вместе с тем приказал донским полкам сделать стремительный в дротики удар на неприятеля. Неприятель был опрокинут стремительным ударом тех полков с сильным поражением, оставив на месте убитыми немало. В плен взято во все поражение более 250 разных чинов».

Отход русской армии с Бородинского поля, как всегда, прикрывал Платов. На совете в Филях, где решалась не только участь Москвы, но судьба России, атаман был в числе большинства: выступал за новое сражение.

Весть об оставлении Москвы молниеносно распространилась по армии. «Чувство великой, несказанной скорби овладело всеми сердцами, писал Граббе, – стыдно было смотреть друг на друга. Казалось, что Россия отрекалась от самой себя, что она сознавалась в своем бессилии и складывала оружие перед гордым победителем».

Такое же чувство владело Платовым, и он поклялся отдать в жены любимую дочь Марию за того, кто пленит «Наполеонишку». Об этом стало известно французам. «В армии громко говорили, – писал генерал Дедем, – что атаман Платов обещал руку своей дочери тому, кто доставит ему Наполеона живым, будь это даже простой русский солдат». Отклики появились сразу же. На гравированной картине изобразили молодую казачку, а внизу надпись: «Из любви к отцу отдам руку, из любви к Отечеству – сердце». На одной карикатуре – Наполеон в ужасе бежит, а за ним несутся во весь опор казаки и Мария с развевающейся косой.

В тарутинский лагерь прибыло донское ополчение, о котором упомянул французский генерал. Атаман Войска Донского обратился к ним:

– Друзья! Злодей в стенах Москвы, он все в пепел обращает: он, может быть, алчет распространить зверство свое и в дальнюю внутренность России. Преградим путь врагу свирепому: умрем здесь, или выгоним его из земли Русской. Вы охотно пришли подкрепить нас. Правосудный Бог нам поможет. Враг идет на нас с адом – мы на него пойдем с крестом животворящим. Если бы Бог попустил, если бы враг прорвался до берегов Тихого Дона, не пощадил бы он ни жен, ни детей наших! Кровь наша смешалась бы с волнами Тихого Дона! Поруганы бы были храмы Господни. Встревожили бы прах отцов наших!

– Готовы умереть везде, где ты, наш отец, нам прикажешь. Отомстим, отомстим злодеям за кровь братьев наших! Умрем, а далее врага не пустим!

Через месяц после вступления в Москву Наполеон покинул ее, и первыми в Первопрестольную вошли казаки Платова. «Когда я выехал из Москвы, в ней уже показались казаки», – вспоминал один французский офицер.

Донцы стали бичом и карающим мечом отступающей «великой армии». Громкие победы у Городни, Колоцкого монастыря, Гжатска, Царево-Займища, под Духовщиной – это малая часть того, что сделали орлы Платова.

В ноябре атаман занял Смоленск и разбил войска маршала Нея под Дубровной. Кутузов доносил Александру I: «Казаки делают чудеса, бьют артиллерию и пехотные колонны». Еще под Ельней 27 октября главнокомандующий ходатайствовал перед императором о пожаловании Платову графского титула за разгром отступающего врага. Указ царя последовал через два дня. Михаил Илларионович поздравил своего старого соратника: «Чего мне

хотелось, то Бог и государь исполнили, я вас вижу графом Российской империи. Дружба моя с вами от 73-го году никогда не изменялась, и все то, что ныне и впредь вам случится приятного, я в том участвую».

Покидая пределы России, Наполеон сказал Коленкуру:

– Надо отдать справедливость казакам: именно им обязаны русские своими успехами в этой кампании. Это бесспорно лучшие легкие войска, какие только существуют.

Тогда же он изрек знаменитую фразу:

– Дайте мне одних лишь казаков – и я покорю всю Европу.

25 марта 1814 года Бонапарт отрекся от престола. Закончившаяся война сделала Матвея Ивановича одним из самых любимых генералов в России и одним из самых популярных в Европе. Легендарного героя восторженно встретил Лондон. За казачьего атамана англичане поднимали тосты еще в 1812 году, о чем писали лондонские газеты: «Непрестанно получаемые здесь известия об успехах российского оружия, можно сказать, приводят в восторг всю Англию. Имена Кутузова, Платова, Витгенштейна носятся из уст в уста во всех обществах и беседах. Рюмки стучат, вино разливается повсюду, и если русские продолжают еще далее успехи свои, то они не только лишат неприятеля, своих французов, могущества их на твердой земле, но и у нас от сих побед не станет вина, или, по крайней мере, оно очень вздоржает».

И вот прославленный атаман – на берегах туманного Альбиона. Восторг был всеобщий: мужчины выносили его из церкви на руках, дамы вырывали из хвоста коня Платова Леонида волосы и носили их в медальонах. Принц-регент пожелал иметь изображение Леонида, неразлучного спутника атамана во всех сражениях, начиная с 1806 года. Узнав об этом, Матвей Иванович

*Рядовой
и обер-офицер
донского
казачьего
войска.*

подарил принцу самого коня. В ответ принц-регент преподнес Платову дорогие часы и свой портрет, осыпанный бриллиантами, для ношения на груди на ленте ордена Подвязки.

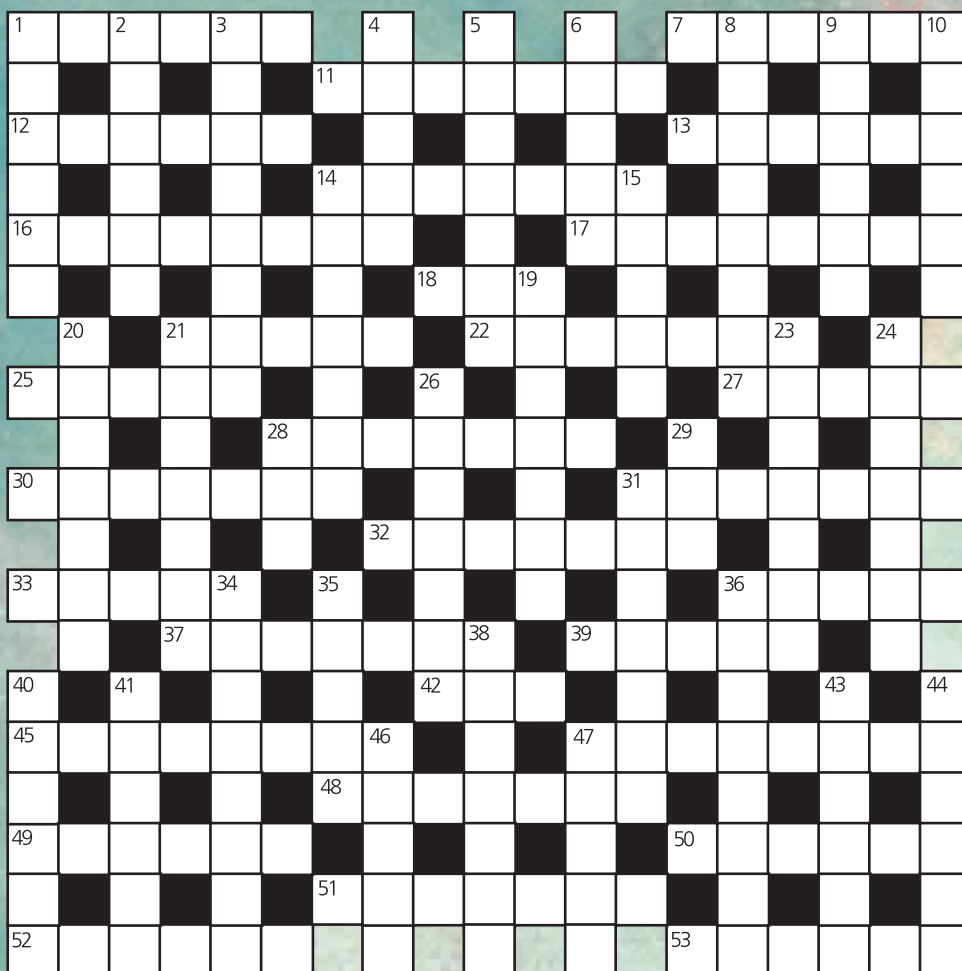
Атамана овациями встречали в театрах, его наперебой приглашали в гости, считая за особую честь видеть у себя дома. Матвея Ивановича осыпали наградами и почестями. Оксфордский университет присвоил ему звание почетного доктора права. Именем атамана был назван военный корабль, в его честь выбили медали. Портрет Платова поместили в галерею портретов полководцев, отличившихся в боях против Наполеона.

Среди подарков – великолепной ювелирной работы сабля, украшенная алмазами. На ножнах выбиты сцены из славной боевой биографии героя, а на клинке – надпись: «Общее собрание думы города Лондона на заседании, происходившем в среду 8 июля 1814 года, определило поднести саблю эту атаману графу Платову в ознаменование живейших чувств, коими сия дума одушевлена, и глубоким познанием его блистательным дарованиям, высоты духа, непоколебимому мужеству, оказанному в продолжение долговременной войны, предпринятой для утверждения мира, тишины и благоденствия в Европе».

После Отечественной войны Платов занялся благоустройством Новочеркаска и усовершенствованием своего войска. На просьбу щадить себя он неизменно отвечал:

– Чем вы хотите меня сделать? Ребенком, что ли? На что я буду похож, когда, после несчетных милостей ко мне государя, посмею спрашивать хотя бы минуту отдохновения от должности? Легче я умру, нежели решусь на это!

Матвей Иванович умер 3 января 1818 года. В жестокий мороз хоронило войско Донское овечьим славой «Вихря-атамана».

По горизонтали. **1.** Собирище народа, где, по В.Войновичу, «одни говорят то, что не думают, а другие думают то, что не говорят». **7.** Способ подготовки для поступления в Институт Склифосовского. **11.** Теловычитание. **12.** Человек, всегда готовый оскалить зубы. **13.** Персонаж шекспировского «Отелло», хмелеющий от первой рюмки. **14.** Согласие двух или больше сторон выполнять обусловленные обязательства. **16.** Не «Усомнившийся Макар», а «Государственный житель», вырванный у «Реки Потудань» вблизи «Чевенгура» «Котлован» и

даже целое «Ювенильное море», чем и заслужил «Бессмертие». **17.** Пахарь на вспаханном поле. **18.** Присыпка для бубликов. **21.** Спортсмен, которому плохо спится на спине. **22.** Солдат за того парня, хорошо заплатившего ему. **25.** Военный, избирательный, национальный. **27.** Прорыв монополии на истину. **28.** Русский теле-Холмс. **30.** Продукт, с которого сняли пенки. **31.** Спутник плясового притопа. **32.** Внук завоевателя Тимура, ученый, построивший возле Самарканда обсерваторию. **33.** Содержимое бочки, на которой лучше не сидеть.

36. Райская женщина у мусульман. 37. Женское украшение, взятое из копилки. 39. «Райская птица», обычная на русских лубках. 42. Графиня, родившая Ф.Листу несколько детей, в том числе Козиму, ставшую женой Р.Вагнера. 45. Власть власти по сути. 47. До-

машний буревестник. 48. Великий русский певец, не терпевший частушки. 49. Темные силы в русском фольклоре. 50. Сказочная птица, которой крематорий нипочем. 51. Заочная приемная Бога. 52. Пригородное эльдорадо бомжей и воров. 53. Самый кислый овощ.

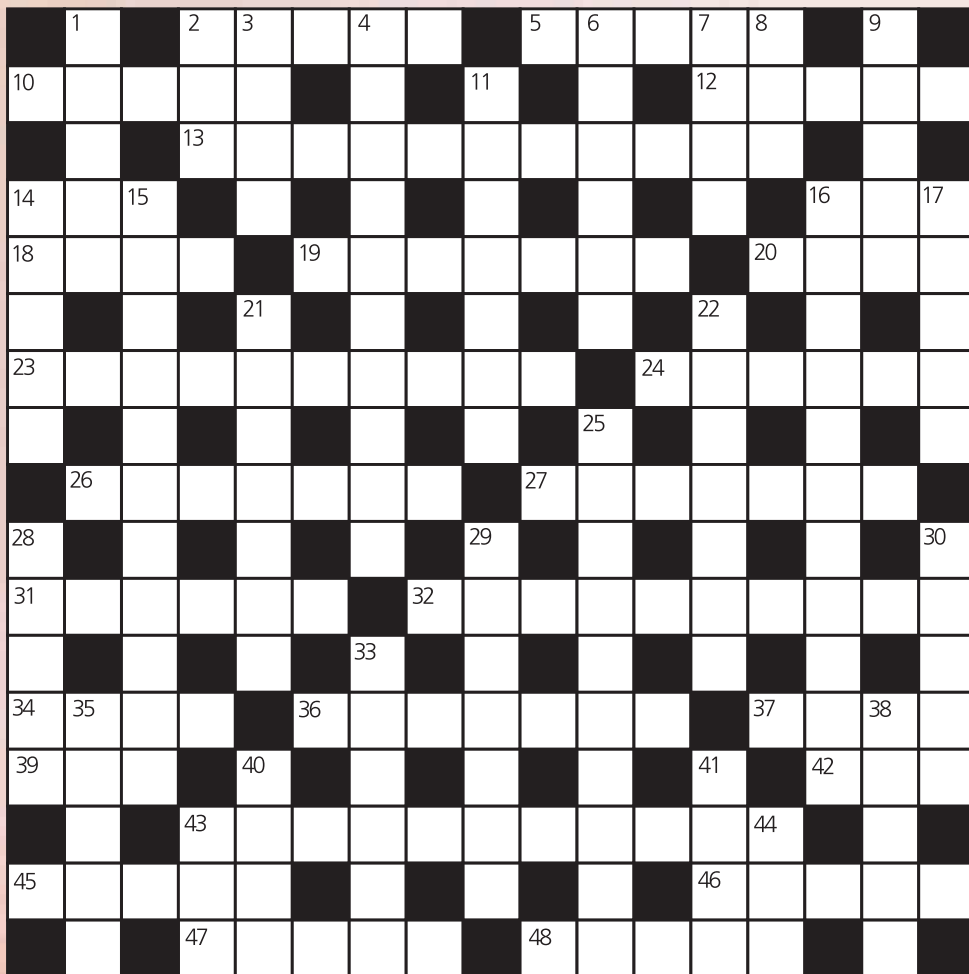
По вертикали. 1. Предатель Петра I и украинских патриотов на нынешней украинской купюре в 10 гривен. 2. Муж, прыгающий к жене в кровать то с ее спинки, то со шкафа. 3. Характеристика на покойника. 4. Маршал, чей образ воплотил на экране М.Ульянов. 5. Посадочное место для пассажира, еще сидящего дома. 6. Учреждение, чьим обер-прокурором был К.Победоносцев, незаслуженно уязвленный А.Блоком. 8. «Дружба человека с вещами» (Жан Поль Сартр). 9. Французский драматург, чьею «Орленка» перевела М.Цветаева, но перевод, к сожалению, уничтожила. 10. Гнев, ослепляющий глаза и разум. 14. Мать разочарования. 15. Сводничество слов в порыве поэтического вдохновения. 19. Домашнее хозяйство в представлении ленивой жены. 20. Одна из банановых республик Америки. 21. В стихотворении А.К.Толстого «Гакон Слепой» герой в сече «рубит средь гула и рева и валит ряды, как в лесу...». 23. Старик, из-

дающий глуховатые, отрывистые звуки при усилиях или от боли. 24. «Крупнокалиберный сплетник» (А.Бирс). 26. Всегда больше дырки, в отличие от зарплаты. 28. Подводная мера длины. 29. Национальная героиня Франции якобы из простого народа. 31. Птица с клювом-садком. 34. «Самовар». 35. Доходное место. 36. Детство научной теории. 38. Осмотрительность в действиях, в решениях. 40. Фрукт к рябчикам для буржуй. 41. «Любовь без крыльев» (В.Шербилье). 43. Французский писатель в изображении И.Тургенева: «Похож на свои сочинения: холоден, тонок, изящен, с сильно развитым чувством красоты и меры и с совершенным отсутствием не только какой-нибудь веры, но даже энтузиазма». 44. Опора джентльмена при головокружении от успехов у женщин. 46. Художник-сезаннист из объединения «Мир искусства», умерший в блокадном Ленинграде. 47. Грюнвальдская, Куликовская, Курская, Полтавская.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 8.

По горизонтали. 1. Заяц. 5. Похоть. 8. Юдифь. 11. Швабра. 14. Ячмень. 16. Реабилитация. 19. Коата. 20. Уитмен. 21. Ошибка. 22. Лаперуз. 24. ...молва... 25. Желток. 26. ...кус. 27. Олби. 29. Статья. 30. Снадобье. 31. Галоп. 33. Нарзан. 34. Эклер. 36. Осетрина. 38. Траур. 39. Нюрнберг. 41. Льгота. 44. Рябина. 47. Портмоне. 48. Юнак. 49. Лоботряс. 50. Навага. 51. Клюква. 52. Инфанта. 53. Рутина.

По вертикали. 1. Звяк. 2. Яшма. 3. Цветоводство. 4. Обь. 5. Парик. 6. Храм. 7. Тмин. 9. Диалектика. 10. Флибустьер. 12. Анаша. 13. Видак. 15. Чопорность. 17. ... этажи. 18. Берлиоз. 20. Убыль. 22. Лобан. 23. Руа. 27. Община. 28. Бенардос. 31. Грабитель. 32. Патриотка. 34. Эрзя. 35. Лучина. 37. Ню. 40. Рака. 41. Лель. 42. Габон. 43. «Татра». 44. Ренар. 45. Бювет. 46. Наган. 47. Пяст.

По горизонтали. 2. ... помнит не тот, кто берет, а тот, кто дает (пословица). **5.** Религиозная столица Ассирии. **10.** Крестьянин в Древней Руси, получивший ссуду и ставший зависимым от земледельца. **12.** Младший брат Наполеона, в третий раз женившийся на маркизе Бадделли. **13.** Русский теоретик искусства, стоявший у истоков возрождения дымковской игрушки, хохломской и городецкой росписи. **14.** «Первый живописец короля» Людовика XIII, больше других способствовавший превращению Парижа своего

времени в художественную столицу Европы. **16.** Самогон американских индейцев. **18.** Борьба, схватка, рукопашная на Руси. **19.** Шахматное безвременье. **20.** Человек на Руси, согласный на взаимную сделку. **23.** Мать К.Паустовского по отношению к судьбе. **24.** Богородская трава. **26.** Ф.Достоевский по отношению к деньгам. **27.** Юрий Башмет. **31.** Знаменитая французская певица, написавшая 12 русских романсов. **32.** «Костяк языка» (С.Моэм). **34.** Латышское божество удачного урожая, близкое к немец-

кому «жатвенному человеку», «ржаному человеку». **36.** Колочее американское дерево, популярное в красильном и столярном деле. **37.** Новозеландская птица, чье оперение похоже на шерсть. **39.** Змея, посаженная Клеопатрой себе на грудь. **42.** Река бассейна Волги, отрицающая себя. **43.** Первая в Западной Европе публичная библиотека, построенная

по проекту Микеланджело. **45.** Сочинение, какое держит Платон на фреске Рафаэля «Афинская школа». **46.** Длинное платье хористов в греческой трагедии. **47.** «Матрешка, где в каждой тайна скрыта еще большая» (В.Гаврилов). **48.** Алеутский остров, какой впервые описали промысловики С.Глотов и С.Пономарев.

По вертикали. 1. «Божественный гений, живущий в каждом человеке» (Марк Аврелий). **2.** Дерево, стоящее за словом «друид». **3.** Самоцвет, одну из разновидностей которого называли «оком мира». **4.** Украинский псевдоученый (историк), в 1914 году уличенный в сотрудничестве с врагом. Ему грозила ссылка в Сибирь, но либералы взяли его под свое крыло, и его сослали... в Москву. **6.** Русскоязычный философ, осуждавший Ф.Достоевского и Л.Толстого, что их не возмущали «зверства» правительства против смутьянов и террористов. **7.** Количество убранный и сложенного в копны хлеба в старой России. **8.** Врач, лечивший Ван Гога в Арле; портрет которого написал художник. **9.** Французский писатель, знавший, что «Молчание полковника Брамбла» в «романтической Англии» приведет его через «Превратности любви» в «Семейный круг». **11.** Греческий танец, неподражаемо исполняемый ансамблем И.Моисеева. **14.** Предприятие, заложенное в 1689 году Петром I на Плещеевом озе-

ре. **15.** Полное удаление хирургом того или иного органа. **16.** Князь, лучший русский полководец второй половины XVI века, не раз бивавший крымцев, литовцев и шведов. **17.** Наперсница или служанка дворянки, услаждавшая ее слух романами. **21.** Судьба в старинных гороскопах. **22.** М.Сервет как мужчина. **25.** Свойство александрита, изумруда или, скажем, турмалина быть разно окрашенным при рассматривании с разных сторон. **28.** Злостный сорняк, весьма похожий на одну из зерновых культур. **29.** Зелье ворожейное, приворотная трава. **30.** Игрушка с удлинённым туловищем. **33.** Двусторонний топор, символ Зевса. **35.** «Бабушка современной науки» (В.Леви). **38.** Нынешняя весь. **40.** Очень кислый цитрус, местными жителями используемый как средство против малярии. **41.** Так звали бы контрабандиста из лермонтовской «Тамани», будь он белорусом. **43.** Природная среда, в Испании сильно пострадавшая во времена инквизиции. **44.** Грибная сумка для спор.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 8.

По горизонтали. 1. Юдина. **8.** Шкив. **12.** ... Евтушенко. **14.** Лангур. **15.** Аптека. **16.** Кентавр. **18.** Тигр. **19.** Иеговист. **20.** Бизон. **23.** Кирилов. **25.** Хазар. **27.** Фетюк. **28.** Рид. **29.** Мурад. **30.** Хотин. **32.** Сип. **34.** Вощев. **35.** ... яичко... **36.** Бодегон. **39.** Пьеса. **42.** Жалобщик. **44.** Герб. **45.** Тетерев. **47.** Зиверт. **49.** Толгау. **50.** Гельвеций. **51.** ... Янко. **52.** Ктырь.

По вертикали. 2. Деньги... **3.** Неук. **4.** Аврелий. **5.** Бустрофедон. **6.** Нерви. **7.** Чка. **9.** Кредитор. **10.** Власть. **11.** Плато. **13.** Оппозиция. **17.** Ребикив. **21.** Сахиб. **22.** Цам. **23.** Кюхельбекер. **24.** Вилка. **26.** Рутенберг. **27.** Фаворит. **31.** Нис. **33.** Поплавок. **37.** Эстетик. **38.** Джизья. **40.** Менгир. **43.** Келья. **46.** Войт. **48.** Тео.

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

1. В редакции (Если вы оплачиваете и получаете журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. – 38 руб. 00 коп.
- 1.1. С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка) или по факсу: (495) 250-59-28.

Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начинается со следующего месяца.

Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» в первом полугодии 2008 г. – 62 руб. 70 коп.
Стоимость подписки на 3 номера «Смены» в первом полугодии 2008 г. – 188 руб. 10 коп.
Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» в первом полугодии 2008 г. – 376 руб. 20 коп.
Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.

При оформлении подписки на 6 номеров в первом полугодии 2008 г. предоставляется скидка 5%, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб 39 коп.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону:
(495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени.

Факс: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ!

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ.

Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются!

Квитанция и купон редакционной подписки

Я подписываюсь
(подчеркнуть)

на 1 номер журнала «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.
на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.
на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. _____ Дата рождения _____
Индекс _____ Обл./край _____ Район _____
Город _____ Улица _____
Дом _____ Корп. _____ Кв. _____ Код города _____ Телефон _____
Эл. адрес _____
Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Кассир	Извещение		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2008г.			
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ « » 200 г. (подпись плательщика)			
Квитанция Кассир	Извещение		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2008г.			
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ « » 200 г. (подпись плательщика)			

Дорогие подписчики!

Подведены итоги конкурса подписчика «Смена – это...» объявленного в №4/2007 года.

Победителями конкурса становятся:

- 1-е место – **Ильина М.Ю.**
(г. Омск)
- 2-е место – **Смирнов В.Ю.**
(г. Кандалакса)
- 3-е место – **Харитонов Н.С.**
(г. Печора)
- 4-е место – **Аксенова И.П.**
(г. Мытищи)
- 5-е место – **Буркин И.П.**
(г. Екатеринбург)

Бесплатной подпиской на I-е полугодие 2008 года награждаются:

Осипова Л.Г. (г. Саратов);
Лбова В.П. (Башкирия, с. Красноустьинский); **Савченко А.А.** (г. Батайск); **Шестакова А.А.** (г. Уссурийск); **Слуднова Л.М.** (г. Новороссийск); **Макурин Н.В.** (г. Вельск); **Валитова Т.А.** (г. Кунгур); **Степанова М.В.** (г. Усть-Каменогорск);
Телегина Е.А. (г. Санкт-Петербург); **Хренова Н.Ф.** (г. Пермь); **Бойко Е.И.** (Краснодарский кр., ст. Динская);
Назарова Н. (Казань);
Алексеева С.Н. (г. Н. Новгород);
Полтавец И.В. (Минск);
Михалева И.А. (г. Брянск).

Отдельно благодарим **Осипову Людмилу Георгиевну**, библиотекаря из г. Саратов за ее милое стихотворение, посвященное журналу «Смена».

«Смена» – это мой журнал,
Не толстый и не тонкий.
И в руки он ко мне попал
Совсем еще девчонке.

Жила, училась я с тобой,
О жизни узнавала.
Промчались годы чередой –
Не много и не мало!

Я «Смену» знала и другой,
И мне она дороже.
И, как сказал один поэт:
«И я была моложе».

Книги в подарок получают:

Ивашова Т.В. (г. Октябрьский); **Бутанова И.А.** (г. Олонек); **Булгакова Н.И.** (г. Обоянь); **Климкина Г.П.** (г. Нижнеудинск); **Леонтьева Е.А.** (Башкортостан, Туймазы-4); **Мясникова Т.Б.** (г. Улан-Удэ); **Бабкин А.Н.** (Нижегородская обл., пос. Советский); **Казаков А.И.** (г. Тольятти); **Исакова И.С.** (Иркутская обл. пос. Залари); **Алтынова Г.А.** (г. Уфа-17); **Бодрова Н.Г.** (г. Миасс); **Полова Г.** (Калужская обл.); **Лялина Г.В.** (г. Одинцово); **Завгородний М.П.** (г. Владивосток-17);
Шеланкова М.Г. (г. Бийск); **Парфенова И.В.** (г. Жуковский); **Спиридонова Ю.Г.** (г. Железнодорожный); **Зайцева М.А.** (г. Магнитогорск); **Семенов С.С.** (г. Саранск); **Мазаев К.М.** (г. Истра); **Леонов А.Р.** (г. Москва); **Макарова Ю.В.** (г. Ивanteeвка); **Юрьев В.И.** (г. Москва); **Кузнецова М.С.** (г. Ставрополь); **Крылов П.Б.** (г. Норильск).

Благодарим всех участников конкурса (более 5-ти тысяч человек) за искренность, теплоту, верность нашему журналу.

*Мы не пишем историю болезни
Мы создаем историю здоровья*

Клеточная терапия
Восстановление функций иммунной системы
Иммунотерапия

а также:

Косметология | Эндокринология и физиотерапия | Урология
Гинекология | Акушерство | Терапия

Россия, Москва, 125040, Ленинградский проспект, д. 8. Тел.: (495) 257-68-37, 257-63-39.

КУЛЬТУРА РОССИИ - НАШЕ ДОСТОЯНИЕ

ВЕНЕЦИАНОВ А.Г.

"Жница."

Государственный Русский музей

Один из основоположников бытового жанра в русской живописи. Бытовой жанр - это один из основных жанров, посвященных изображению частной и общественной жизни человека. Венецианов сознательно стремился к реалистической верности изображения, считая это главной задачей живописца. В своем имени Сафоновко художник создал школу, в которую принимал крепостных и детей из бедных семей. С 1820-х тема труда и быта крестьян стала главной в его творчестве. Он придал крестьянской тематике значение самостоятельного жанра живописи. Картина "Жница", написанная в 1820 году, стала убедительным свидетельством этого.

СПОНСОР ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ*

ИФД-Капиталь
Финансовая группа